

Юлиус Эвола

Фашизм: критика справа

Эвола ЮЛИУС. ФАШИЗМ: КРИТИКА СПРАВА. / Перевод с итальянского В.В. Ванюшкиной. Послесловие Е.В. Петрова. – М.: «РЕВАНШ», 2005. – 80 с.: илл.

Предлагаемая читателю работа крупнейшего итальянского мыслителя-традиционалиста Юлиуса Эволы «Фашизм: критика справа» – это достаточно оригинальный взгляд на генезис и природу двух авторитарных режимов XX века: фашизма и национал-социализма. Критика Эволы, порой беспощадная и жесткая, не имеет ничего общего с жалкими интерпретациями марксистских и либеральных исследователей. Философ исходит из идеи органичного традиционного государства. Его положительной оценки удостоиваются те черты итальянской и германской политической жизни, которые воплощают собой эти традиционные устремления.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся проблемами политологии, истории, философии и культуры.

Редактор К.А. Артемьев
Корректор П.В. Житников
Компьютерная верстка Д.А. Жукова
Тираж 300 экз.

© Ванюшкина В.В., перевод с итальянского, 2005.
© Петров Е.В., послесловие, 2005.
© «РЕВАНШ», 2005.

Часть I. Фашизм

I

В настоящей работе мы намерены рассмотреть фашизм с точки зрения правых, ограничив наше исследование основными аспектами и принципами, заключенными в фашистской доктрине. Прежде всего, следует пояснить, что мы понимаем под правым движением. Однако, это не столь просто. К сожалению, ни нынешняя действительность, ни новейшая итальянская история (со времён объединения Италии) не могут помочь обычному читателю составить себе ясное представление о сути подлинно правого движения.

На сегодняшний день в Италии не существует партии, – как единой, организованной политической силы со стройной доктриной, – которую по достоинству можно было бы назвать правой. Движение, именуемое в современной политике правым, определяется не столько положительным содержанием, сколько оппозицией по отношению к крайним формам разрушения и социальной революции, тяготеющим к марксизму и коммунизму. Поэтому оно включает в себя различные и даже противоречивые тенденции. Красноречивым свидетельством путаницы идей и современной узости взглядов является также то, что в сегодняшней Италии к правым причисляют либералов и представителей различных демократических партий, что привело бы в ужас деятелей традиционного правого движения. Ибо прежде подобные партии однозначно расценивались правыми как революционные и подрывные; они были для них приблизительно тем же, чем для современных буржуазных партий являются радикализм, марксизм и коммунизм.

Современное «правое» итальянское движение включает в себя различные монархические и, главным образом, «национально» ориентированные группировки, стремящиеся сохранить идейную преемственность с прежним режимом, то есть фашизмом. Однако, всем этим группировкам до сих пор была свойственна определенная идеологическая путаница, что не позволяет однозначно причислить их к носителям подлинно правой идеи. Впрочем, это станет более ясно из дальнейших рассуждений относительно необходимости избирательного подхода к идеологическим положениям фашизма, что должно было стать первоочередной теоретической и практической задачей, коей, однако, пренебрегли.

Стоит ли говорить об абсурдности отождествления правых в политическом смысле с правыми в смысле экономическом? Именно на этом жульнически строят свою полемику марксисты. Они не делают никакого различия между правыми и капиталистической, консервативной, «реакционной» буржуазией, озабоченной лишь защитой собственных интересов и привилегий. В наших работах политического характера мы неустанно разоблачаем эту коварную подмену и безответственность тех, кто, так или иначе поддерживая ее, играет на руку противнику. Настоящие правые и правые в экономическом смысле не только не схожи между собой, но прямо противоположны друг другу. К этому вопросу мы также вернёмся позднее при обсуждении того, насколько удачно в фашистской доктрине и практике была решена проблема отношений между политикой и экономикой – одна из наиболее существенных проблем для любого традиционного учения о государстве.

Мы уже говорили о том, что, к сожалению, итальянская история ничем не способствует прояснению позиции настоящих правых. Общеизвестно, что национальное объединение Италии шло в основном под знамёнами идеологий времён революции третьего сословия и «бессмертных принципов 1789 года». Если бы тогдашние движения ограничились использованием этих идей как чисто подручного средства, отказавшись от них после объединения страны, Италия имела бы шанс стать новым, сильным и органичным государством, достойным занять своё место среди великих

европейских монархий. Однако указанные идеологии не только сохранили, но даже усилили своё влияние в объединённой Италии XIX – начала XX века.

Впрочем, в этой «Италянии» парламентской демократии и беззубой монархии, где революционные движения, используя социальные трудности и последствия неумелого управления, зачастую провоцировали насильственные и кровавые беспорядки, существовало так называемое «историческое правое движение». Во времена Ди Рудини и Криспи, оно ещё было способно проявить определенную твердость в отдельных случаях, но в целом отличалось нестабильностью и страдало недостатком мужества, необходимого для решительной борьбы с истоками зла. Кроме того, указанное движение выражало в основном интересы буржуазии, а не аристократии, как политического класса, представляющего древнюю традицию. Этим оно отличалось от аналогичных движений других стран. Небольшая доля пьемонтской аристократической крови, влившись в вены итальянской нации, растворилась в ней практически без следа. Историческое правое движение оказало достойное упоминания влияние не столько в области внутренней национальной политики и выработки общей доктрины государства, сколько во внешнеполитической сфере, что увенчалось заключением Тройственного Союза. Успешное завершение этого проекта могло бы вывести Италию из-под влияния идеологий Французской революции, заставив её обратить свой взор к идеологиям, ещё сохранявшимся в традиционных центрально-европейских государствах, что в свою очередь неизбежно привело бы к пересмотру основополагающих политических идей. Однако, этого не произошло. Поэтому историческое правое движение, погрязшее в умеренном либерализме, не оставило чёткого исторического наследия. После распада Тройственного Союза и вступления Италии в войну на стороне Антанты, защищавшей помимо своих материальных интересов дело демократии (несмотря на участие самодержавной России, которой пришлось столь дорогой ценой заплатить за свою ошибочную политику), Италия вернулась к прежним идеям периода Воссоединения, неразрывно связанным с интернациональными революционными движениями 1848-49 гг. Помимо того, всякое националистическое оправдание поддержки интервенции теряет свой смысл, стоит лишь вспомнить общественно-политическое положение «победоносной» Италии, где антинациональные силы всех мастей практически не встречали ни малейшего сопротивления, правительство не предпринимало никаких шагов для коренного изменения ситуации, и до прихода фашистов к власти не существовало правой партии в законодательном смысле. Что стоили в такой ситуации территории, заработанные в качестве частичного удовлетворения ирредентистских¹ требований?

Ссылка на историческое правое движение, действовавшее в рамках парламентской системы, требует некоторых уточнений. Строго говоря, термин «правое», учитывая тот смысл, который мы вкладываем в это понятие, в данном контексте не вполне адекватен, так как предполагает некую двойственность. Исторически итальянские правые появились в рамках многопартийного парламентско-демократического режима как оппозиция «левым», что существенно отличается от ситуации, привычной для прежнего традиционного строя, где самое большее допускалось лишь нечто типа английского парламента в его первоначальном довикторианском виде. Существовала одна партия, представлявшая правительство (это и были в некотором смысле «правые»), и оппозиция, однако не как идеологическая или принципиальная оппозиция системе, но как оппозиция внутри системы (или структуры), нацеленная на позитивную и конструктивную критику, никак не затрагивающую в некотором роде трансцендентную и неприкосновенную идею государства. Подобная «функциональная» оппозиция, ограниченная чёткими рамками и сохранявшая лояльность к государству,

¹ Ирредентизм – политическое движение, направленное на присоединение к основной территории земель временно попавших под протекторат иностранных держав. В данном случае (1866 г.) речь идет об итальянских территориях, еще находившихся под властью Австрии, (прим. перев.).

не имела ничего общего с современными оппозиционными партиями, действующими как заблагорассудится и стремящимися к захвату власти и государства и даже к установлению анти-государства, что в прошлом было целью республиканской, а сегодня – коммунистической партии.

Поэтому правое движение следует понимать в вышеуказанном традиционном смысле как движение, прежде всего, политическое, а не экономическое. Только на стадии инволюции, характеризующейся возникновением демократического парламентаризма с многопартийной системой, возникают правые партии, которые фактически являются простой оппозицией левым и практически ничем не превосходят своих противников. Но с точки зрения принципов правое движение является (точнее, должно являться) высшей инстанцией, охранителем и носителем ценностей, непосредственно связанных с идеей истинного государства. Ценностей, в некотором роде центральных, то есть – согласно превосходству, заложенному в самом понятии авторитета или верховной власти – стоящих выше всякой партийной оппозиции.

Этих замечаний вполне достаточно для прояснения нашей позиции, напрямую связанной с великой европейской политической традицией, под которой следует понимать не частный общественно-политический строй, взятый как идеальный образец, но те основополагающие идеи, которые, видоизменяясь в соответствии с конкретной исторической ситуацией, неизменно лежали в основе различных государств и никогда не подвергались сомнению. Похоже, наши современники вследствие крайне странной амнезии окончательно утратили всякое адекватное и живое представление о мире, который принято клеймить «старорежимным». Столь необычная забывчивость вызывает вполне обоснованные сомнения в её естественном происхождении. В лучшем случае (отбросив фальсификации и предрассудки определенного сорта историографии) можно посчитать это патологическим следствием глубоких потрясений, которые пришлось пережить нашим современникам. Заслуживает внимания и то, что самодовольные критики «старого строя» предпочитают направлять свою полемику не на сами основополагающие принципы, а на отдельные формы их воплощения, неизбежно подверженные искажениям и извращениям, порче и упадку и, в любом случае, обусловленные сравнительно неповторимыми историческими условиями. Однако, ни конъюнктурные обстоятельства, ни продолжительность существования тех или иных форм, которые естественно рано или поздно устаревают, не влияют и не должны влиять на ценность принципов. Именно последнее служит пробным камнем для каждого, кто пытается постичь существенное, ещё не отупев окончательно от уловок историзма.

Таким образом, завершая предварительные рассуждения, можно сказать, что в идеале концепцию настоящего правого движения, как мы его понимаем, должно мыслить, ориентируясь на силы и традиции, действовавшие как формообразующее начало в отдельных нациях – а иногда и на наднациональном уровне – до Французской революции, нашествия третьего сословия и мира масс, возникновения буржуазного и индустриального общества, то есть всех тех событий, которые привели к современному упадку и поставили под угрозу окончательного краха остатки европейской цивилизации и престижа.

Мы не намерены рассматривать здесь эту проблему более подробно, так как это потребовало бы систематического изложения общей доктрины государства. При желании читатель может обратиться к нашей книге «Люди и руины» (Volpe, III издание, Рим, 1972)². Впрочем, по ходу дальнейших объяснений, затрагивающих различные стороны фашистской доктрины, наша концепция обретет большую ясность.

² В русском издании «Люди и руины» (МОО «Русское стрелковое общество», Москва, 2002).

«Неофашисты» – так называют сегодня в Италии как демократы, так и коммунисты наиболее решительно противостоящие им «национальные» силы. Поскольку последние практически безоговорочно приняли данное определение, возникла довольно двусмысленная и опасная ситуация, во многом сыгравшая на руку противнику. В частности это стало причиной явно ухудшившегося отношения к «неофашистам». Фашизм подвергся процессу, который с полным основанием можно назвать мифологизацией. Поэтому отношение к нему большинства носит скорее эмоциональный и иррациональный, чем интеллектуальный и критический характер. В первую очередь это касается тех, кто сохраняет идейную верность бывшему режиму. Именно они сделали из Муссолини и фашизма объект мифа. Они не желают видеть ничего, кроме одной исторически обусловленной действительности и человека, ставшего её центром, вместо того, чтобы попытаться оценить политические идеи сами по себе, независимо от конъюнктурных обстоятельств, дабы сохранить по возможности их нормативную ценность для данной политической системы.

В вышеуказанном случае мифологизация естественно сопровождается идеализацией. Выделяют лишь положительные аспекты фашизма, сознательно или нет, закрывая глаза на его отрицательные стороны. Этот же приём, но с обратным знаком, используют антинациональные силы в целях мифологизации, сопровождающейся систематическим очернением. Создавая свой миф, они умышленно подчёркивают лишь наиболее спорные стороны фашизма с целью его дискредитации и разжигания ненависти к любым его проявлениям.

В последнем случае весь дальнейший ход рассуждений и аргументация строятся на сознательном обмане, личных пристрастиях и носят совершенно незаконный характер. Стараются доказать наличие причинной связи между событиями и последствиями проигранной войны и внутренней ценностью фашистской доктрины. Для любого вдумчивого исследователя совершенно очевидно, что подобная связь является крайне произвольной. Следует чётко сказать, что вероятная ценность фашизма как доктрины (то есть независимо от конкретной политической ситуации в мире) столь же мало пострадала от последствий проигранной войны, сколь мало была бы она доказана в случае успешного её завершения. Очевидно, что подобный способ умозаключений совершенно незаконен, хотя к нему охотно прибегают беспринципные люди в полном согласии с догмой историзма «Weltgeschichte ist Weltgericht»³.

Однако, тот, кто в отличие от «неофашистов» новых поколений жил во времена фашизма и, следовательно, знаком с режимом и его приверженцами на личном опыте, признает безо всякой фанатичной односторонности, что далеко не всё было так хорошо. Во времена фашизма, пока он ещё оставался движением, находящимся в процессе развития и нацеленным на переустройство общества, пока его возможности были ещё не исчерпаны и не успели окончательно выкристаллизоваться, вполне было допустимо некоторое ограничение критики. Поэтому те, кто, подобно нам, отстаивал порядок идей лишь частично совпадавших с фашизмом (или немецким национал-социализмом), не осуждали данные движения, несмотря на ясное осознание их спорных и отрицательных сторон, в надежде на возможное дальнейшее развитие, на исправление и устранение имеющихся недостатков (чему следовало оказывать всяческое содействие).

Сегодня, когда фашизм как историческая реальность остался в прошлом, положение должно измениться. Вместо обычной для «мифа» идеализации, необходимо постараться отделить зёрна от плевел. Это полезно не только в теоретических целях, но и

³ немец, «история рассудит» (досл. – «Всемирная история есть Страшный Суд») (прим. перев.).

для практической ориентации с учётом возможной политической борьбы. Поэтому не стоит принимать tout court⁴ эпитет «фашист» или «неофашист». Имеет смысл называть себя фашистами – если есть желание – подразумевая положительные, а не отрицательные стороны фашизма.

Кроме того, необходимо учитывать, что помимо позитивных и негативных аспектов фашизм как движение, способное к дальнейшему развитию, включал в себя различные тенденции и решить, какая из них возобладала бы (если бы всё не парализовало военное поражение и крах нации), могло только будущее. В Италии (как и в Германии) единство не исключало наличия довольно значительных разногласий внутри режима. Мы имеем в виду не различные идеологические течения, представленные тем или иным индивидом или группой лиц. В большинстве случаев они бездействовали, и мы не намерены останавливаться на них в нашем исследовании. Скорее речь идет о людях, входящих в структуры фашистского режима, в целом его принявших и участвовавших в его практической государственной и законодательской деятельности. Их наличие можно считать второй и основной причиной необходимости преодоления «мифа» и избирательного подхода к фашизму. Следует также принять во внимание существование двух периодов фашизма: классического фашизма двадцатилетнего периода и фашизма времён республики Сало. Безусловно, между ними существовала идейная преемственность, но были и значительные расхождения в политической доктрине, что отчасти было вызвано фатальным стечением обстоятельств. Это лишний раз доказывает необходимость более избирательного подхода, а также является ярким свидетельством того, сколь опасную путаницу влечёт за собой «мифологизация». Именно последняя становится серьезным препятствием на пути сплочения разрозненных сил, в целом стремящихся к одному и тому же.

В связи с этим следует подчеркнуть также необходимость в расширении горизонтов, в более широком взгляде на наше прошлое. Действительно, если одни сегодня считают фашизм неким «пробелом», случайным отклонением в нашей новейшей истории, то другие производят впечатление новорожденных, для которых не существует ничего кроме вчерашнего дня. Обе эти позиции неудовлетворительны и необходимо решительно препятствовать всем попыткам навязать в качестве единственно возможной альтернативы фашизм-антифашизм, исчерпав тем самым всякую возможность политической дискуссии. В результате подобной постановки вопроса стало, например, невозможным быть антидемократом без того, чтобы тебя автоматически не причислили к «фашистам» или коммунистам. Этот замкнутый круг – абсурден. Поэтому необходимо вспомнить сказанное нами в начале и отказаться от близорукой перспективы, к которой ведет подобная «альтернатива».

В поисках положительного также возможны два различных похода. Для одних единственным ориентиром является фашизм (или схожие движения других стран – немецкий национал-социализм, бельгийский рексизм, испанская фаланга, режим Салазара, румынская Железная Гвардия – вчера можно было говорить о «мировой революции» как общем движении, направленном против пролетарской революции). Их политические, идеологические и исторические взгляды ограничены рамками фашизма; с него всё начинается, им же всё кончается. Подобную позицию нельзя признать удовлетворительной. Другой подход состоит в том, чтобы научиться распознавать в движениях подобного рода идеи и принципы, принадлежащие древней традиции и, следовательно, носящие «нормальный» и постоянный характер, независимо от частных и несовершенных форм их исторического воплощения, обусловленных конкретными историческими обстоятельствами. Между тем первоначальные, в узком смысле «революционные» аспекты данных движений следует отнести к области вторичного и случайного. Короче говоря, необходимо, насколько возможно, вычленив в фашизме идеи, роднящие его с великой европейской политической традицией, и

⁴ фр. здесь – с легкостью (прим. перев.).

отсечь те, которые в результате компромисса подверглись искажению или прямому извращению, что породило явления, поражённые тем же недугом, с которым намеревались бороться⁵.

Сегодня, когда фашизм как конкретная действительность, обусловленная особыми историческими обстоятельствами, остался в прошлом, подобный подход не только возможен, но является единственно возможным для «национальных» сил. Необходимо помнить, что «ностальгия» и мифологизация – плохие помощники, воскресить Муссолини или создать такого же нового невозможно, а современная ситуация имеет мало общего с той, которая сделала возможным фашизм и определила его конкретный исторический облик.

Исходя из сказанного легко понять, сколь существенное значение имеет избирательный поход к фашизму. Отсекая его отрицательные стороны, мы тем самым одновременно восстанавливаем его связь с великой политической традицией, то есть традиционную преемственность. Способность занять указанную позицию, исключающую всякую путаницу и слабость, является своего рода пробным камнем. Великий мыслитель прошлого века Доносо Кортес говорил о наступающих для Европы временах – предвещаемых первыми революционными и социалистическими движениями – как о временах «абсолютных отрицаний и высших утверждений». Несмотря на бездну, в которой мы сегодня оказались, каждый ещё может почувствовать это.

В кратком исследовании, предпринятом в данной работе, мы ограничимся рассмотрением различных структур и законодательных мер, определивших жизненный уклад того времени под влиянием различных сил, питавших фашистское движение, уделив особое внимание тем принципам, которые прямо или косвенно из них вытекают. Центром кристаллизации этих сил был Муссолини. Поэтому для понимания доктрины мы обратимся к его воззрениям, менявшимся согласно внутренней логике возглавляемого им движения. В отличие от коммунизма и национал-социализма фашизм не имел чётко сформулированной и однозначной доктрины, предшествовавшей действию и революции («действие в фашизме опережало доктрину» – признавал сам Муссолини). Как уже указывалось, в данной работе мы не будем останавливаться на зачастую противоречивых и незначительных идеологических тенденциях. Отметим лишь, что после прихода фашистов к власти этим тенденциям была предоставлена достаточно широкая свобода слова, что возможно было вызвано именно тем, что их влияние практически равнялось нулю.

⁵ Существует обширная литература о фашизме, написанная с самых различных позиций, но нет ни одного произведения, придерживающегося нашего подхода. Даже беспристрастные исследования неизменно рассматривают фашизм с точки зрения социологии, «истории» или экономики. Однако все эти категории остаются в рамках «современного» мышления, которое, как таковое, не признает ни принципов, лежащих в основе проводимого нами различия, ни сам смысл истинного правого движения. Возможно наиболее полную подборку литературы на эту тему можно найти в книге Р. Де Феличе «Толкование фашизма» (Бари, 1969). Непонятно почему автор утверждает (стр. 13), что наша работа, цитируемая им (в I издании), не вносит ничего нового в современную, названную «классической» интерпретацию фашизма. Уже то, что занимаемая нами позиция по сути является не просто толкованием, но избирательной и нормативной критикой является существенным отличием. Наконец Де Феличе заявляет (стр. 191), что мы рассматриваем не все стороны фашистской действительности и уделяем мало внимания идеологическому аспекту, хотя именно его мы главным образом и рассматриваем.

III

С нашей точки зрения основной смысл фашизма, обретавший всё большую ясность по мере его развития и оформившийся в момент достижения власти, состоит в том, что это движение стало своеобразной реакцией, зародившейся в среде бывших фронтовиков и националистов, на кризис, который по сути был кризисом самой идеи государства, авторитета и центральной власти в Италии.

Послевоенная Италия представляла собой гражданское государство, находившееся под сильным масонским влиянием, со слабым и посредственным либерально-демократическим правительством и бессильной, т.е. конституционно-парламентской монархией. В нём абсолютно отсутствовал «миф» в положительном смысле. То есть миф как высшая, животворящая и формирующая идея, позволяющая государству стать чем-то большим, нежели обыкновенной структурой общественного управления. Становилось всё более очевидным, что в подобных условиях нация не могла справиться с тяжёлыми проблемами, возникшими в послевоенный период, и преодолеть социалистическое и революционное влияние, распространяемое в массах и пролетариате левыми активистами.

Поэтому заслуга фашизма состояла, прежде всего, в том, что он возродил в Италии идею государства, подготовил почву для энергичного правительства, утверждая чистый принцип авторитета и политической верховной власти. Это стало, условно говоря, положительным «прорывом» фашизма, который по мере своего развития постепенно избавлялся от некоторых из первоначально составляющих его компонентов, таких как революционная воинственность, узко националистическая направленность и синдикализм в стиле Сореля.

В этом смысле можно говорить о своего рода изменении направления или «векторном» смещении движения итальянского интервенционизма. Как мы уже говорили, поддержка интервенции заставила Италию присоединиться к фронту мировой демократии, сплотившемуся против центральных Империй, и вернуться к духу периода Воссоединения, то есть идеям 1848 года. Однако, экзистенциально это движение имело независимый революционный характер и война послужила поводом для пробуждения сил, нетерпимых к атмосфере буржуазной Италии. Именно бывшие фронтовики взрастили фашизм. Не желая возвращаться к «нормальной» жизни, они изменили идеологическую полярность, сместившись в сторону «правых», к идеалу иерархического государства и «нации воинов», избавляясь от социалистических и повстанческих (если не республиканских) тенденций предшествующего периода. Эту «экзистенциальную» сторону фашизма безусловно следует поставить ему в заслугу. С другой стороны, сам Муссолини, взяв власть в свои руки, также предчувствовал появление новых иерархий, говоря о новом «веке власти, веке правых, веке фашизма». В 1926 г. он заявил: «мы представляем новый принцип в [современном] мире. Мы являемся прямой, категорической, решительной противоположностью всему миру... бессмертных принципов 1789 года», тем самым выделив «контрреволюционный» момент в качестве одного из важнейших аспектов движения.

Поэтому фашизм до некоторой степени можно определить как потенциальную «консервативную революцию». Это определение пришло из Германии, где так называли движения, возникшие после первой мировой войны, накануне прихода Гитлера к власти, в которых как и в Италии значительную роль играли бывшие фронтовики⁶. Однако, это определение действительно лишь при условии, что под консерватизмом подразумеваются определенные политические принципы (отрицаемые идеологией Французской революции), а не конкретный прежний строй. Эта оговорка необходима, ибо, как мы видели, старая дофашистская Италия не могла дать консерватизму

⁶ По этому поводу см. также стр. 57 и сл.

высшего положительного содержания; в ней не было почти ничего, что стоило бы «сохранять». Поэтому в Италии, в отличие от вышеупомянутого параллельного немецкого движения, фашизм должен был начинаться с нуля. Это также объясняет, хотя и не оправдывает, некоторые из его спорных сторон.

С точки зрения принципов в политической доктрине фашизма была преодолена всякая гражданская и демократическая идеология. Было восстановлено главенство государства над нацией и народом, то есть достоинство верховной власти, единственно способной дать нации истинное самосознание, единую форму и волю, сделать ее сопричастной сверхъестественному порядку. Муссолини утверждал (1924 г.): «Без государства нет нации. Есть лишь человеческие массы, поддающиеся любому дроблению, которому может подвергнуть их история» – и: «Только государство создает костяк народов» (1927 г.). Уточняя, он добавил: «Не нация порождает государство. Напротив нация создается государством, которое дает народу... волю, а следовательно действительное существование». Выражение: «Народ это тело государства, а государство – душа тела» (1934 г.) при правильном истолковании ведёт нас к классической идее динамичной и творческой связи между «формой» и «материей». Народ, «нация» в общем, природном, а также романтическом понимании есть лишь «материя» (тело), государство же – форма, понимаемая как организующая и одухотворяющая сила, согласно толкованию, данному «материи» и «форме» традиционной философией, начиная с Аристотеля.

Таким образом, была отвергнута выхолощенная концепция государства, согласно которой обязанности последнего ограничиваются исключительно соблюдением «негативных свобод» граждан как простых эмпирических индивидов и обеспечением «определенного уровня благосостояния и относительно мирного общественного существования». Такое понимание государства требует от него лишь отражать или пассивно следовать силам общественно-экономической действительности, за которыми признается абсолютное первенство. Фашизм отказался и от чисто бюрократической идеи «общественного управления», которая по своей форме и духу представляет собой лишь многократно увеличенный образ обычной частной фирмы, преследующей исключительно утилитарные цели.

Добавив к своей концепции государственного устройства триаду «авторитет, порядок и справедливость», фашизм, тем самым, вернулся к традиции, лежавшей в основе величайших европейских государств. Кроме того, он воскресил или, по крайней мере, попытался воскресить римскую идею как высшую и особую интеграцию «мифа» о новом политическом организме, «сильном и органичном». Для Муссолини римская традиция была не простой фигурой речи, но «идеей силы», идеалом для воспитания нового типа человека, который должен был взять власть в свои руки. «Рим – это наша точка отсчета и наш ориентир. Это наш символ, это наш миф» (1922 г.). Данные слова – свидетельство правильного выбора и великой отваги; в них сквозит желание протянуть мост над бездной веков, восстановить преемственность с единственно ценным наследием итальянской истории. Однако, это удалось лишь в том, что касалось значения государства и авторитета («трелит в классическом значении»), мужественной этики и стиля твердости и дисциплины, предложенных фашизмом итальянцам. К более глубокому пониманию римского символа – его духовного, мировоззренческого измерения – и древнеримского мира в целом официальный фашизм приблизиться не сумел. Людей, способных справиться с этой задачей либо не было, либо их не использовали⁷.

⁷ Для этого, в частности, было необходимо решить проблему отношений между классическим древнеримским миром и христианством (католицизмом). Однако, Муссолини избегал этого из соображений политической осторожности (одна из наших работ того времени, которая решительно ставила эту проблему, не получила должного отклика /Эвола имеет в виду «Языческий империализм» – прим. перев./). В отношении же более глубокого понимания римского сим-

IV

Исходя из сказанного ранее, можно утверждать, что с точки зрения правых фашистская доктрина государства в её основных чертах заслуживает положительной оценки. В этом смысле фашизм был законным наследником здоровой традиционной политической мысли, поэтому пристрастная, односторонне очерняющая полемика антифашистов должна быть решительно опровергнута. Однако здесь необходимо внести некоторые оговорки. Во-первых, следует уточнить, на чём стоило бы сделать основной упор при конкретной реализации данной доктрины, дабы придать ей бесспорный характер. Во-вторых, стоит указать на ошибки, допущенные фашизмом в его практической деятельности, что отрицательно повлияло на всю систему в целом.

По первому вопросу скажем лишь то, что принцип главенства государства над народом и нацией должен был раскрыться в идейном противопоставлении государства «обществу». Под «обществом» мы понимаем здесь все ценности, интересы и склонности, относящиеся к физической и растительной стороне жизни сообщества и составляющих его индивидов. С точки зрения доктрины существует фундаментальное противоречие между политическими системами, основанными на идее государства и теми, в основе которых лежит идея «общества» («социальный» тип государства). К последним относятся все разновидности правовых, договорных и демократических государств на утилитарной основе, логическое развитие которых ведёт от либеральной демократии к появлению так называемых «народных демократий», то есть коммунизма и марксизма.

Указанное противоречие непосредственно связано с разным отношением к политике как таковой. В первом случае политический уровень воспринимают как уровень в некотором смысле «трансцендентный». Суть в том, что государство позволяет хотя бы частично раскрыть то «героическое» или воинское содержание, которое заложено в идее верноподданного служения, понимаемого как честь. Речь идёт об особом, высоком идеальном напряжении, которое выводит за пределы не только гедонистических (связанных с материальным благополучием), но и эвдемонистических (относящихся к довольству духовному) ценностей. Фашизм бесспорно пытался подчеркнуть это измерение политической реальности (противоположное «социальной»). С одной стороны, это было отчасти вызвано стремлением к антибуржуазной, воинственной и даже опасной жизни (известное выражение Муссолини: «жить с опасностью», взятое им у Ницше; в чём безошибочно угадывается влияние экзистенциального, фронтового компонента фашизма). С другой – требованием интеграции человека путем «имманентной связи с высшим законом, объективной волей, превосходящей отдельного индивида». Сам факт выдвижения подобного требования имеет огромное значение, даже, несмотря на то, что его содержание не было должным образом раскрыто.

Сложно дать однозначную оценку тем мерам, при помощи которых фашизм пытался осуществить указанное требование (которое необходимо признать безукоризненным дополнением к вышеописанной доктрине государства) на практике. Невозможно отрицать насильственный и внешний характер отдельных инициатив и обычаев фашистской Италии. Однако, это не даёт права пренебрегать проблемой, которая и сегодня не потеряла своего значения. Суть её в следующем: что делать с присущей человеку тягой к «самопреодолению», которую можно временно подавить или приглушить, но невозможно искоренить окончательно, кроме крайних случаев систематического вырождения. «Национальные революции» прошлого пытались создать по-

вола не сумели придумать ничего лучшего, чем создание так называемого Института романских исследований, деятельность которого свелась к поверхностным филологическим и археологическим исследованиям, при полном отказе от изучения политических, этических или духовных аспектов. Более того, этот Институт существует по сей день в демократической антифашистской Италии практически в той же форме, что и во времена фашизма.

литический центр кристаллизации этого стремления (вновь подчеркиваем действие «формы» на «материю»), дабы воспрепятствовать его одичанию и проявлению или прорыву в разрушительных формах. Действительно, невозможно было отрицать глубинного экзистенциального кризиса, вызванного попыткой буржуазной цивилизации «рационализировать» существование. Свидетельством того стали многочисленные прорывы иррационального и «стихийного» (в смысле стихийности сил природы) сквозь трещины этой цивилизации во всех сферах жизни.

Современная цивилизация, вернувшись к этой «рационалистической» причуде, напротив, стремится устранить и опорочить всё, связанное с экзистенциальным напряжением, героизмом и животворящей силой мифа, ради торжества «социального» (а не политического) идеала физического благополучия. Однако совершенно справедливо было указано на неизбежность глубокого кризиса в момент, когда, наконец, prosperity⁸ и благополучие наскучат. Предвестники его многочисленны: всевозможные формы слепого, анархического и разрушительного бунта молодежи, разгорающегося в самых благополучных странах, свидетельствуют об абсурдности и отсутствии всякого смысла в социализированном, рационализированном и материалистическом существовании, втиснутом в рамки так называемого «общества потребления». Стихийная тяга к «самопреодолению» не находит более объекта приложения и, предоставленная сама себе, дичает.

В традиционном обществе эта проблема решалась благодаря наличию особой литургии или мистики верховной власти, составляющей неотъемлемую часть системы. Поэтому не стоит огульно осуждать шаги, предпринятые фашизмом в его стремлении сохранить общую атмосферу высокого напряжения. Скорее следует провести границу, за пределами которой эти начинания обретали пародийный и неподлинный характер. С одной стороны, это было вызвано несовпадением принципов и целей, с другой – отсутствием подходящих людей.

Однако здесь неизбежно возникает проблема, которую мы лишь слегка затронем в настоящем исследовании. Зачастую политическую систему указанного нами типа обвиняют в том, что она незаконно присваивает себе религиозное достоинство, тем самым переводя способность человека к вере и самопожертвованию – или в более широком смысле его волю к самопреодолению – с законного объекта её приложения (то есть религии) на профанические суррогаты. Тем не менее, это обвинение имеет смысл лишь при условии наличия субстанциальной и непреодолимой раздвоенности между миром государства и духовным или сакральным миром. В таком случае следует чётко разобраться, в чём состоит суть предполагаемой раздвоенности. С одной стороны, она лишает сакрального характера и низводит до чисто материального уровня всё связанное с политикой, властью и авторитетом; с другой – отрицает реальность всего духовного и сакрального. Это естественный вывод, вытекающий из известного выражения: «Date a Cesare»⁹. Все попытки политической теологии разрешить это противоречие способны привести лишь к компромиссу. В то же время для целого ряда европейских и неевропейских традиционных политических систем, в которых та или иная форма сакрализации власти и авторитета служила опорой и законным основанием всей системы, подобной проблемы просто не существовало. В принципе, авторитет и верховная власть не могут считаться таковыми при отсутствии духовного узаконения. В этом случае истинное государство лишено прочного центра. Мы имеем в виду не отсутствие обыкновенного административного и «социального» центра, но того духовного центра, к которому притягивается всё порождённое указанной атмосферой высокого напряжения.

⁸ англ. процветание (прим. перев.).

⁹ лат. «Богу – Богово, Кесарю – кесарево» (прим. перев.).

Общая ситуация того времени и влияние, которым обладало в Италии католичество как общественная сила, не позволили фашизму в открытую поставить вопрос об окончательном узаконении государства. Правда, честное и мужественное воплощение в жизнь римского идеала рано или поздно заставило бы вернуться к этой проблеме, - но на тот момент замерли в нерешительности. С одной стороны, Муссолини постоянно отстаивал за фашизмом «религиозную» ценность; с другой, он никогда не уточнял, что собственно составляет сущность этой религиозности, как она связана с политической идеей и чем, следовательно, отличается от обычного, расплывчатого благоговения перед сверхъестественным. Он говорил: «Государство обладает не теологией, а моралью». Однако, это не решает проблемы. Если мораль должна быть чем-то большим, нежели простым соглашением о совместном существовании, если ей хотят придать глубоко оправданный и внутренне нормативный характер, то она нуждается в «трансцендентной» основе, что ставит её на один уровень с религией и той же теологией. Именно поэтому между фашистами и представителями господствующей религии, стремящимися монополизировать все имеющее собственно духовный характер, опираясь на статьи Конкордата, нередко возникали стычки по поводу воспитания и духовного формирования новых поколений.

С другой стороны, вполне понятно, что не решив данной проблемы, невозможно опровергнуть мнение тех, кто видит в движениях «фашистского» типа одну из разновидностей современной обмирщенной и «языческой» мистики, простой суррогат, порождённый миром, лишённым сакрального измерения. Ведь даже борьба и героизм, верность и самопожертвование, презрение к смерти и прочее могут иметь иррациональный, натуралистический, трагический и тёмный характер (Кайзерлинг прямо говорил о теллурической окраске «мировой» революции), если отсутствует высшая (в некотором смысле – преображающая) точка отсчёта, которая, как было сказано, относится к уровню, превосходящему область простой этики.

Переходя к другой области, во избежание путаницы, прежде всего отметим, что если указанному фундаментальному противоречию между политическим и «социальным» в фашистской доктрине было уделено достаточно внимания, то этого нельзя сказать о национализме, взывающем к примитивным чувствам родины и нации, и связанным с плохо понятым «традиционализмом». В Италии, вследствие исторически сложившихся обстоятельств, это понятие не имело ничего общего с традицией, понимаемой в высшем смысле, но ассоциировалась с буржуазным, «благоразумным», умеренным и конформистским консерватизмом с католической закваской. Объединение с националистическими силами («голубые рубашки»), которые по понятным причинам также пытались оказать активное сопротивление итальянским подрывным движениям, привело к размыванию фашистской политической идеи. Безусловно, здесь следует принять в расчёт те условия, которым подчинена политика как «искусство возможного». В последнее время пафос «родины» и обращение к «национальным» чувствам в борьбе против левых движений является одним из немногих оставшихся пригодных средств. Поэтому и в современной Италии национальные силы, как правило, ассоциируются с правыми. Однако с точки зрения принципов здесь происходит та же путаница, вследствие которой столь ненавистный правым либерализм сегодня считается правым движением.

Историческая связь между «национальными» и революционными движениями, основанными на принципах 1789 года, неоспорима. Для этого даже не надо заглядывать в сравнительно далёкое прошлое, когда зарождение и освобождение «наций» (даже в форме национальных монархических государств) привело к краху имперской и феодальной средневековой цивилизации. С точки зрения доктрины важно то, что любовь к родине и нации носит натуралистический и, в некотором роде, дополитический характер (по сути, находясь на том же уровне, что и семейные привязанности), в противоположность тому импульсу, который объединяет людей на политическом уровне, на основе идеи и символа верховной власти. Кроме того, в патриотическом пафосе всегда есть нечто коллективистское: он пронизан тем, что называют «стадным чувством». Но об этом мы ещё будем говорить в дальнейшем. Теперь же имеет

смысл остановиться на вышеозначенной проблеме размывания политической идеи, причиной чего (помимо ранее упомянутого объединения фашистов с «националистическими» силами) стало чрезмерное усиление роли национального мифа, приведшее к выдвиганию соответствующих лозунгов и поставившее фашизм на грань популизма. Смешение националистической идеи с доктриной главенства государства над нацией (традиционный характер которой был раскрыт нами чуть выше) можно считать характерной чертой фашизма. Но это не меняет того, что с точки зрения правых это смешение неприемлемо, поскольку составные его компоненты относятся к двум совершенно различным идейным мирам. Следовательно, идеал истинного государства нуждается в решительном очищении от всякой националистической примеси.

Учитывая мышление большинства, наши замечания относительно ценности идеи родины и нации могут показаться малоубедительными. Поэтому попытаемся показать, как легко при помощи бесстыдной словесной риторики злоупотребить патриотические и национальные чувства для достижения самых постыдных целей. Например, в современной Италии в предвыборной борьбе в тактических целях своим показным патриотизмом бахвалятся даже те партии, которые в сущности не только стремятся к уничтожению государства, но отрицают саму возможность высшего содержания которое мог бы иметь национализм при условии его очищения и облагораживания. Так в России пропагандировали любовь к «советской родине», а во время войны с Германией взывали к патриотизму «товарищей». Чистый абсурд с точки зрения коммунистической идеологии. Однако, прежде чем перейти к следующему вопросу, повторим, что, несмотря на указанное смешение, идею трансцендентной реальности государства можно считать характерной чертой фашизма, его особой «римской» составляющей, отличающей его от других движений подобного рода, например, от национал-социализма, в котором упор делался (по крайней мере, в доктрине) скорее на народ-расу и так называемый Volksgemeinschaft¹⁰.

Одним из наиболее существенных недостатков фашизма безусловно являлся тоталитаризм. Однако, сразу оговоримся, что наша отрицательная оценка тоталитаризма не имеет ничего общего с той позицией, которую занимают по этому вопросу бесхребетные либерал-демократы.

Принцип незыблемой центральной власти вырождается и «окостеневает», если его утверждают посредством системы, которая всё контролирует, всё организует и во всё вмешивается, согласно известному выражению: «Всё в государстве, ничего вне государства, ничего против государства». Без уточнения границ этого вмешательства, данная формула приемлема лишь в рамках государственности советского типа, учитывая её материалистические, коллективистские и механистические предпосылки; и совершенно недопустима в системе традиционного типа, признающей значение личности и основанной на духовных ценностях и иерархическом принципе. Благодаря этой небрежности в политической полемике умудрились подвести общий знаменатель под правый и левый тоталитаризм, что является чистейшим абсурдом.

¹⁰ В связи с этим мне вспоминается разговор, состоявшийся в Бухаресте в 1938 г. между мной и Корнелиу Кодряну, командиром румынской Железной Гвардии, одной из самых светлых и идеалистичных фигур «национальных» движений прошлого. Чтобы указать различие между фашизмом, национал-социализмом и своим движением Кодряну обратился к трем началам человеческого организма: форме, жизненной силе и духу. Он сказал, что аналогичным образом движение возрождения, не пренебрегая двумя оставшимися, должно опираться на одно из них. При этом организм в более широком смысле здесь соответствует нации. Таким образом, фашизм для него основывался на элементе «формы», как римской доктрине Государства; национал-социализм ставил на первый план жизненные силы, обращаясь к расе и народу; что же касается его, Кодряну, то он предпочел бы исходить из духа и придать своему движению религиозную и даже мистическую окраску.

Традиционное государство органично, а не тоталитарно. Оно строится на иерархической основе и допускает существование частичной автономии. Оно координирует и сплачивает в высшем единстве силы, за которыми, однако, признаёт свободу. Благодаря своей силе оно не нуждается в механической централизации, потребность в коей возникает лишь при необходимости обуздать бесформенную и разрозненную массу индивидов; что, впрочем, помогает лишь временно сдержать хаос, но не устранить его окончательно. Здесь уместно вспомнить удачное выражение Вальтера Хайнриха (Walter Heinrich), определившего истинное государство как *omnia potens*, а не *omnia facens*¹¹. Абсолютная власть, сосредоточенная в центре истинного государства, становится естественным центром притяжения для всех его частей. Эта власть – которую государство может и должно заставить уважать – обладает правом вмешательства в чрезвычайных обстоятельствах или при принятии важных решений, что бы не говорили на этот счёт поклонники так называемого «правового государства». Однако это не означает, что она вмешивается повсюду и подменяет собой всё, требуя полного подчинения или довольствуясь конформизмом своих подчинённых; напротив, такая власть предполагает свободное признание и лояльность. Она не допускает неуместного и глупого вмешательства общественного и «государственного» в личное. Она правит без принуждения благодаря своему авторитету и престижу; может прибегнуть к силе, но насколько возможно воздерживается от этого. Показателем истинной силы государства является та степень частичной и разумной децентрализации, которую оно способно допустить¹². Лишь в технократическом и материалистическом государстве социалистического типа систематическое вмешательство государства может стать принципом.

Основной задачей истинного государства – как и всех традиционных режимов – является создание особой, в некотором смысле нематериальной, общей атмосферы. Если это условие выполнено, система – в которой свобода всегда была основным фактором – формируется практически спонтанно, функционирует должным образом и требует лишь минимального вмешательства для устранения возможных неполадок. Чтобы лучше понять нашу мысль, приведём пример из области экономики. Федеральное правительство США было вынуждено принять суровый антитрестовский закон, чтобы обуздать пиратство и циничный экономический деспотизм, расцветший в атмосфере «свободы» и либерализма. В современной западной Германии, благодаря иной атмосфере – во многом сохранившейся как наследие прежних режимов, что отчасти связано с расовыми особенностями немцев – экономическая свобода проявилась преимущественно в положительной и созидательной деятельности безо всякого централизующего или ограничивающего вмешательства со стороны государства.

Таким образом, «тоталитарные» стороны фашизма следует оценивать как отклонение, как искажение более глубокого и значимого требования. Действительно Муссолини говорил о государстве как о «системе иерархий», – иерархий, которые «должны обладать душой» и, в конечном счёте, вырасти в элиту. Это совсем не похоже на тоталитарный идеал. Поскольку мы заговорили об экономике – к ней мы ещё вернёмся – то стоит напомнить, что Муссолини отказался от так называемой «панкорпоративистской» тенденции, действительно имевшей тоталитарный характер, и в Трудовой Хартии было открыто заявлено о важности частной инициативы. Можно со-

¹¹ лат. всемогущее, а не всё делающее (прим. перев.)

¹² В дополнение можно сказать, что при отсутствии центральной политической власти, децентрализация всегда действует дезорганизующе. Очевидной ошибкой, явным признаком политической слепоты является так называемый регионализм (регионы на особом статусе), к которому стремится современная итальянская демократическая система. Более того, нужно сказать, что итальянский «регион» нельзя считать единым организмом, он является лишь административной структурой, без формирующих уз и традиций, свойственных, к примеру, различным Землям Германии. Итальянские регионы – это многочисленные сегменты национальной массы, ставшей аморфной, благодаря демократии.

слаться и на сам символ ликторской фации, от которой движение антидемократической и антимарксистской революции чернорубашечников получило своё название. По словам Муссолини, она символизировала «единство, волю и дисциплину». Действительно, фация состоит из отдельных прутьев, связанных вокруг топорика, расположенного в центре, который согласно символизму, общему для многих древних традиций, выражает власть, идущую свыше, чистый принцип империи. Этот символ органичного сосуществования единства и многообразия в их взаимодействии прекрасно иллюстрирует изложенные нами идеи.

С другой стороны, следует отметить, что нынешнее демократическое итальянское государство доказало, что под различными «социальными» предложениями оно готово действовать куда более навязчиво, нежели фашизм. Поэтому с нашей стороны мы скорее можем вменить в вину фашизму идею так называемого «этического государства». Мы признали положительный характер концепции государства как высшего начала или силы, формирующей нацию, а чуть выше упомянули о необходимости создания особой общей атмосферы. Одним из основных стремлений фашизма было утверждение нового образа жизни. Агностическому, либерально-демократическому государству, «подстилке, на которой валяются все, кому не лень», Муссолини противопоставил идеал государства «которое постоянно преображает народ» и «даже его физическую внешность».

Но здесь возникает опасность и соблазн использовать прямые, механические, именно «тоталитарные» методы. Между тем, в принципе, подобное воздействие на нацию должно быть подобие действию химических катализаторов или следовать парадоксальному лишь на первый взгляд дальневосточному правилу «деяние недеянием». Речь идёт о духовном влиянии, исключая внешние и принудительные меры. Любому чувствительному человеку понятно, насколько эта идея несовместима с концепцией этического государства, разработанной философской школой, основным представителем которой стал Джованни Джентиле. Атмосфера подобного государства сравнима с той, которая царит в воспитательном заведении или исправительной тюрьме для несовершеннолетних, а глава государства превращается в бесцеремонного и спесивого педагога. Но ведь тот же Муссолини говорил: «Не надо воображать, что государство, как мы его понимаем и желаем, будет водить своих граждан за ручку, как отец малолетнего сына». Образцом иного, положительного типа являются отношения между Государем и его подданными, командирами и солдатами на войне, основанные на свободном подчинении, взаимном уважении и невмешательстве в личные дела и всё выходящее за рамки объективно необходимого для общего дела.

Таким образом, государственное давление на личную жизнь, не связанное с объективными, политическими задачами, следует признать типично «тоталитарной» чертой фашизма, одним из его наиболее существенных недостатков. Типичным примером подобного неуместного вмешательства стала одиозная «демографическая кампания», опирающаяся на абсурдный принцип, гласящий: «сила в количестве», что, помимо прочего, опровергается всей известной историей. «Количество» всегда подчинялось сравнительно немногочисленной правящей группе. Империи создавались отдельными личностями, а не чрезмерно расплодившейся массой обездоленных и парий, стекавшихся на плодородные земли, не имея иного права, кроме своей нищеты и многочисленного потомства. Более того, в Италии, население которой итак было избыточным, проведение демографической кампании носило более абсурдный характер, чем в любой другой стране. К сожалению, предрассудки, соединённые с безответственностью, мешают признать проблему, важность которой невозможно переоценить. Дело в том, что даже естественный, чрезмерный рост народонаселения становится одним из важнейших факторов кризиса и социальной нестабильности нашего времени; следовательно, положительной оценки заслуживают энергичные и даже насильственные меры, предпринятые сверху и нацеленные на ограничение, а не поощрение рождаемости, что идет на пользу всего общества.

Отрицательное влияние вышеупомянутой концепции «этического государства» (то есть государства, как воспитателя) сказалось также в том, что фашизм больше заботился о соблюдении мелких моральных предписаний, нежели норм высшей этики. Особенно это касается репрессивных мер и запретов в области половой жизни, в чём безусловно повинна буржуазная составляющая фашизма. Поэтому приходится признать, что в этой сфере он мало чем отличался от пуританской системы демохристианского типа. Однако *ethos*¹³ в понимании древних принципиально отличается от морали в буржуазном смысле. «Воинское» общество (а фашизм притязал на создание общества подобного типа) никогда не было «морализирующим», то есть, используя выражение Вильфредо Парето, обществом «виртуизма». Оно признавало свободу личности и стремилось к созданию высокого идейного напряжения, а не к «морализаторству».

Впрочем, эта проблема выходит за рамки нашего исследования. Отметим лишь, что истинное государство, как и настоящий государь, оказывают влияние на индивидов благодаря своему престижу, за счёт обращения к особым формам восприятия, склонностям и интересам. Если это обращение не находит отклика, другие меры практически бесполезны. В последнем случае народ и нация оказываются лишёнными управления или превращаются в податливую массу в руках демагогов, искусённых в искусстве воздействия на самые примитивные и до-личностные инстинкты человека.

Поскольку мы затронули идею свободы, имеет смысл вкратце остановиться на этом вопросе, дабы уточнить значение свободы в государстве, построенном не на договорной, но на волевой основе, каким и желало стать фашистское государство.

Платон говорил, что человеку, не имеющему господина в самом себе, лучше бы найти его хотя бы вовне. Необходимо провести строгое разграничение между свободой положительной и чисто отрицательной, то есть внешней свободой, которой может обладать и тот, кто свободен по отношению к другим, но совершенно несвободен по отношению к себе, к своей натуралистической части. К этому следует добавить хорошо известное различие между свободой от чего-либо и свободой для чего-либо (для данного дела, данной задачи). В одной из наших последних работ мы говорили о том, что основной причиной экзистенциального кризиса современного человека стало завоевание отрицательной свободы, с которой, в конце концов, даже не знают, что делать, принимая во внимание отсутствие смысла и абсурдность современного общества¹⁴. Действительно, говорить о личности и свободе можно лишь в смысле освобождения индивида от натуралистических, биологических и примитивно индивидуалистических уз, характерных для догосударственных и дополитических общественных форм, основанных на чисто утилитарно-договорных отношениях. Между тем, задачей истинного государства, характеризуемого указанной «трансцендентностью» политического уровня является создание особой атмосферы, благоприятной для развития личности и настоящей свободы как *virtus*¹⁵ в классическом значении этого слова. Этой атмосферой высокого напряжения государство призывает человека преодолеть себя, выйти за пределы простого растительного существования. Понятно, что для достижения реально «анагогического» (то есть ведущего вверх) результата необходимо задать этой тяге к самопреодолению, которую должно всячески поощрять, правильные ориентиры. Столь же очевидна недостижимость подобного результата при помощи абстрактной идеи «общего блага», которое есть лишь гипертрофированное «индивидуальное благо» в материальном смысле. Таким образом, разрешив недоразумение с «тоталитаризмом», мы должны решительно опровергнуть широко распространённое мнение, согласно которому авторитарная политическая си-

¹³ (греч.) обычай, характер нравов, нравственное убеждение (прим. перев.).

¹⁴ Скорее всего, речь идет о книге «Оседлать тигра» (прим. перев.)

¹⁵ (лат.) добродетель, достоинство (прим. перев.)

стема в принципе несовместима с ценностями личности и души и свободу. В авторитарной системе может пострадать только ничтожная, лишённая смысла и формы и, в сущности, никому не нужная свобода. Перед лицом этой фундаментальной истины все доводы «нового гуманизма» интеллектуалов и литераторов теряют всякий смысл.

Однако, для полной ясности, возвращаясь к ранее сказанному об искусстве демагогов, следует без обиняков признать, что помимо «анагогического» пути возможен и путь «катагогический» (то есть ведущий вниз). Иными словами, индивид может обуздать свои непосредственные влечения и интересы, «превзойти», преодолеть себя, двигаясь в нисходящем, а не восходящем направлении. Это происходит в «массовых государствах», в коллективистских и демагогических движениях, обращённых к стихийным, дорассудочным слоям человеческого существа. Они также способны дать человеку иллюзию возвышенной, напряжённой жизни, однако платой за это мимолётное ощущение становится регрессия, умаление личности и подлинной свободы. Бывает сложно отличить один путь от другого, иногда кажется, что они скрещиваются между собой. Но сказанное нами даёт четкие ориентиры, позволяющие определить весомость обвинений, тенденциозно выдвигаемых против политического строя, который мы пытаемся обрисовать, исходя из его положительных, традиционных аспектов (пусть даже не все они были реализованы на практике) деятельности; обвинений, которые на самом деле должны быть предъявлены системе прямо противоположного типа. Мы уже говорили о нелепости отождествления правого и левого «тоталитаризмов». Дабы окончательно покончить с этим вопросом, скажем, что «тоталитаризм» правых имеет «анагогический», а «тоталитаризм» левых «катагогический» характер, и лишь их обоюдная направленность против статичности ограниченной и бессмысленной буржуазной жизни позволяет недалёковидному человеку находить в них нечто общее.

V

Почти во всех традиционных государствах основой для воплощения высшего и неизменного принципа чистого политического авторитета служила Корона¹⁶. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что без монархической идеи истинное правое движение лишается своего естественного центра гравитации и кристаллизации. Это легко доказать на исторических примерах, что однако выходит за рамки нашего сюжета. Наиболее показательна в этом отношении ближайшая нам эпоха, когда даже режимы, отчасти сохранившие нормативный традиционный характер, утратили монархическое устройство. В царившей тогда атмосфере даже некогда существовавшие аристократические и олигархические республики незамедлительно оказались бы извращёнными. Причины подобной ситуации коренятся в ещё более далёком прошлом.

Возвращаясь к сказанному ранее об условиях, в которых обычно возникает правое движение, добавим, что оно должно было взять на себя функцию сословия, отличавшегося в прежние времена особой преданностью Короне и являвшегося наряду с ней хранителем идеи государства и авторитета даже в рамках конституционной монархии с представительской системой современного типа («авторитарный конституционализм»).

Таким образом, для достижения поставленных нами целей имеет смысл вкратце рассмотреть отношения, существовавшие между фашизмом и монархией.

¹⁶ О значении и роли монархии смотри нашу статью под аналогичным названием в сборнике «La monarchia nello Stato moderno» KARL LOEWENSTEIN (Volpe, Roma, 1969 г.)

Фашизм двадцатилетнего периода¹⁷ был монархическим. В подтверждение этому можно привести множество ясных и недвусмысленных высказываний Муссолини о роли и значении монархии.

Он утверждал, что монархический принцип тесно связан как с тем новым значением, которое пытается отстоять за государством фашизм, так и с принципом устойчивости и преемственности, который Муссолини относил то к самому государству, то в более широком, мифологическом смысле к «роду». Он дословно определял монархию как «высший синтез национальных ценностей» и «основополагающий элемент национального единства». Таким образом, исчезновение республиканских тенденций (близких к социалистическими), существовавших в фашизме до Похода на Рим, можно считать существенным аспектом процесса очищения, облагораживания и «романизации» самого фашизма. Однако, возвращение к республиканской идее во второй период фашизма времён Сало, наряду с усилением «социальных» тенденций, можно оценивать как часто наблюдаемое в психопатологии явление регрессии, возникающее вследствие травмы. Можно понять как законное возмущение Муссолини, вызванное предательством короля, так и влияние чисто человеческих, преходящих и драматических факторов, которые обычно возникают в подобных обстоятельствах, однако, с точки зрения чистых политических принципов это не меняет существа дела. Поэтому, фашизм периода Социальной Республики можно вынести за скобки обсуждаемой темы.

Прежде всего, укажем на то, что Муссолини не «захватывал» власть, но получил её из рук короля, что было равнозначно законному возведению в сан (пусть и прикрытое законодательно в соответствии с духом времени конформистским назначением главой правительства). Однако, с учётом дальнейшего развития событий, фашизм двадцатилетнего периода можно назвать «диархией», то есть сосуществованием монархии и своего рода диктатуры. Именно усиление второй составляющей позволило тогдашним противникам прежнего строя говорить непосредственно о «фашистской диктатуре», тем самым почти целиком исключая монархическую составляющую, как практически не обладавшую никаким значением.

Критиковали систему «диархии» и с иных позиций. В частности те, для кого признание монархического начала стало искажением или отклонением революционной силы начального движения. Впрочем, эти критики не удосужились сказать что-либо внятное относительно того, каковы, по их мнению, должны были стать его истинные цели. Истина же заключается скорее в том, что если бы в Италии существовала подлинная монархия, не просто символизирующая собой верховную власть, но обладающая реальной властью и волей к решительным действиям в любой кризисной ситуации, грозящей крахом государства, не было бы никакого фашизма и никакой «революции». Другими словами, критическая ситуация, в которой оказалась страна накануне Похода на Рим была бы своевременно преодолена путем «революции сверху» (вероятно с приостановлением действия конституции) – единственно возможной революции в рамках традиционного общества – путём последующего сокращения структур, проявивших себя неэффективными. Но поскольку ситуация сложилось иначе, пришлось действовать другим способом. Можно сказать, что король доверил Муссолини и фашизму совершить «революцию сверху», вероятно надеясь тем самым соблюсти принцип «невмешательства», выраженный в правиле «царствовать, но не править», навязанном монарху либеральным конституционализмом.

С точки зрения чистой доктрины нельзя сказать, что диархия обязательно носит смешанный характер как результат некоего недостойного компромисса. Она также может иметь традиционное узаконение, типичным примером чего служит древнеримская диктатура. Однако, следует ясно сознавать, что древние римляне понимали

¹⁷ Период с 1922 по 1943 гг. (прим. перев.)

диктатуру не как «революционный» институт, но как институт, предусмотренный системой действующего законодательства в качестве временной меры, действующей до истечения чрезвычайной ситуации или решения сложных задач, требующих привлечения всех сил нации. Традиционные (не только европейские) режимы также знали системы двоевластия типа rex и dux, rex и heretigo или imperator (прежде всего, в военном значении последнего слова). Первый воплощал собой чистый сакральный и незыблемый принцип верховной власти и авторитета; второй получал чрезвычайные полномочия в беспокойные времена или для решения особых задач и дел, не подобающих rex по самому характеру его высшей функции. В отличие от монарха, который черпал свой авторитет из чисто символической функции надежды, имеющей так сказать «олимпийский» характер, dux должен был выделяться особыми личными качествами.

Наконец, подобные системы двоевластия мы встречаем и в более близкие нам времена. Достаточно вспомнить такие имена, как Ришелье, Меттерних, Бисмарк, которые по сути были соправителями своих монархов. Следовательно, mutatis mutandis, в принципе, любые возражения против фашистской диархии бессмысленны. С другой стороны, Муссолини ни в чём не уронил бы своего достоинства, если бы ограничился ролью великого канцлера, преданного монарху и действовавшего в его интересах. Собственно так он и поступал до образования Империи. Впрочем, в сложившихся обстоятельствах монархии самой следовало бы более ревностно позаботиться о своих преимущественных правах (вернее, тех, которые были для неё естественны в новом государстве). В системе «авторитарного конституционализма», сложившейся во Втором Рейхе, Вильгельм без колебаний отправил в отставку Бисмарка, «Железного Канцлера», создателя новой единой и могучей Германии, когда тот не согласился с предложенными им мерами. Но при этом он не мешал чествовать Бисмарка как героя и величайшего государственного деятеля немецкой нации.

Поскольку в данной работе мы занимаемся исключительно вопросами доктрины, в нашу задачу не входит оценка причин кризиса «диархии», вызванного ухудшением ситуации в Италии как следствием военных неудач. Строго говоря, с чисто юридической точки зрения Виктора Эммануила III не в чем упрекнуть; следует учесть также наличие дворцового заговора во главе с Аквароне, Бадольо и прочими. Формально, Муссолини был для короля вождём движения, которому его главный орган, фашистский Большой Совет, отказал в доверии, и главой правительства, ранее назначенным им самим, а теперь готовым уйти в отставку. Но недостойной для монарха была ссылка на абстрактные конституционные прерогативы, позволяющие ему умыть руки, прибегнув к нелепой выдумке конституционных либералов, освобождающей короля от ответственности. В тех обстоятельствах куда более важное значение имела иная, неписаная, но именно поэтому более реальная обязанность монарха, должного блюсти верность своему вассалу. Ведь, помимо прочего, в своё время он согласился добавить к династическому гербу – официальной эмблеме Италии – ликторские фации (подтверждая полное согласие, установившееся в двадцатилетней период между фашизмом и монархией) и предоставил право восстановить пошатнувшийся авторитет государства не правым (почти не существовавшим), но фашистам.

Мы также воздержимся от оценки того, как обошлись с Муссолини, как нарушили слово, данное союзникам («война продолжается») и всех последующих событий. Однако, мы не можем отрицать того, что те, кто в подобной ситуации отказался от своих обязательств перед монархом и перешёл на сторону правительства Республики Сало, имели на то неоспоримое право. Столь же понятно человеческое, даже слишком человеческое, чувство обиды, заставившее Муссолини поступить так, как он поступил; чему, к вящей славе подрывных сил, мы найдем немало примеров в истории. Мы говорим о тех случаях, когда оправданное возмущение против отдельной личности необоснованно распространяется или смещается на сам принцип (в нашем случае на монархию), простым носителем которого является данная личность. Именно это привело к провозглашению республики, причем республики «социальной», что мы уже сравнивали с обратной регрессией, возникающей как следствие психических

травм¹⁸. Последовавшие за этим события, отчасти имевшие характер возмездия, привели к окончательной гибели монархии в Италии, скончавшейся без малейшего проблеска величия и трагедии.

VI

Теперь, после небольшого отступления, посвященного историческим событиям, вернёмся к структурному анализу фашистского режима. Как было сказано, в принципе, «диархия» имеет право на существование. Однако, подобная система двоевластия сложилась также в других областях, и в этом случае наша оценка будет иной. Действительно, по самой своей природе революционное движение правых по завершении первой стадии должно – посредством соответствующих процессов интеграции – перейти к восстановлению нормального порядка и единства на новом уровне.

Поэтому, в первую очередь, необходимо обратить внимание на неоднородный характер идеи так называемой «однопартийности», обретшей в новом государстве характер постоянного института. Необходимо вычлнить положительную потребность, лежавшую в основе данной идеи и очертить область её возможного применения после прихода к власти.

Стоит ли говорить, что истинное государство не допускает партократии демократических режимов. Поэтому фашистская парламентская реформа, к которой мы обратимся в дальнейшем, безусловно заслуживает положительной оценки. Однако, сама концепция «однопартийности» – абсурдна. Идея партии имеет смысл исключительно в мире парламентской демократии и в иной системе может сохраняться лишь иррациональным образом. Кроме того, поскольку «партия» буквально значит часть, понятие партии обязательно предполагает множественность. Таким образом, единственная партия становится частью, стремящейся подменить собой целое или, иначе говоря, сектой, устраняющей все другие. Однако, поскольку она продолжает считать себя партией (то есть частью), сущность её остаётся неизменной и перехода на более высокий уровень не происходит. В Италии фашистская партия, обретя характер постоянного института, превратилась в «государство в государстве» или дубликат государства со своей милицией, спецслужбами, Большим Советом и прочим, в ущерб органичной и монолитной системе.

До прихода к власти партия может иметь основополагающее значение как центр кристаллизации движения, его организатор и вождь. После прихода к власти, её существование свыше определенного срока – абсурдно. В данном случае речь идёт не об отрицательной «нормализации» с соответствующим понижением духовного и политического напряжения. Напротив, фашизм, как «революционное» и обновляющее движение чувствовал необходимость в соответствующем постоянном и в некотором смысле индивидуальном воздействии на субстанцию нации. Поэтому он не желал отказываться от партийного принципа из опасения потерять наиболее ценные и ак-

¹⁸ Муссолини провозгласил республику (очевидно под влиянием чувств, накопившихся в нем за время почти тюремного заключения, в котором держало его новое правительство после 25 июля) по собственной инициативе, ни с кем не посоветовавшись. Мы вправе утверждать это, так как находились в главной ставке Гитлера в Ростенбурге, когда туда прибыл Муссолини, недавно освобожденный Отто Скорцени. У него состоялась беседа с находившимися там фашистскими иерархами (мы присутствовали при этом), в разговоре с которыми он даже не касался данного вопроса. Он простился с ними около 21 ч.; на следующее утро, ни с кем не беседуя, около 8 ч. он поставил на повестку дня провозглашение республики. Возможно здесь сказалось влияние Гитлера, с которым Муссолини беседовал до встречи с нами. Гитлер питал явную неприязнь к монархии, несовместимой с концепцией «принципа Фюрера», о чём мы поговорим в дальнейшем. Во время аншлюса и последующий период мы находились в Вене, и надо сказать, что речи, направленные гауляйтером Австрии против Габсбургов, достойны сравнения лишь с пошлостью якобинцев и коммунистического пролетария.

тивные кадры. Но того же можно достичь за счёт внедрения этих сил в обычные структуры государства, по необходимости сокращая их и занимая ключевые позиции. Избранные члены фашистской партии должны были стать не только вооружённой гвардией государства, но также элитой – высшим носителем Идеи. До относительно недавнего времени в центрально-европейских государствах эту роль играла аристократия как политический класс. Поэтому здесь уместнее говорить об «Ордене», нежели о «партии».

Фашизм же пытался сохранить себя как партию. Поэтому, как было сказано, вместо органичного синтеза и симбиоза, произошло удвоение государственно-политических структур, превратившихся в своего рода надстройки, в результате чего вся система приобрела крайне неустойчивый характер. Понятно, что заявления о том, что «партия» и фашистская милиция стоят «на службе нации», явно было не достаточно для решения указанной проблемы. Бессмысленно гадать, удалось бы фашизму справиться с ней в дальнейшем, если бы более могущественные силы не привели к краху системы. Можно согласиться и с тем, что имелись силы, сопротивлявшиеся новому курсу или лишь пассивно следующие ему, что делало опасным слишком быстрое продвижение в нормализующем направлении и окончательный отказ от партийного принципа. Тем не менее, с нашей точки зрения желание фашизма сохранить себя как партию заслуживает отрицательной оценки. Красноречивым свидетельством этого является поведение большинства вчерашних фашистов, поторопившихся при первых признаках крушения режима, покинуть её ряды.

Впрочем, по поводу последнего отметим, что из-за отсутствия качественного избирательного критерия фашистская концепция «партии» с самого начала была внутренне связана с демократической идеей. Даже после прихода к власти фашистская партия стремилась оставаться массовой партией. Вместо того, чтобы сделать членство в партии почётной привилегией, режим практически навязывал его каждому. Кто вчера не был фашистом? Кто мог позволить себе не быть им, если желал заняться определенной деятельностью? Подобная тактика привела к поистине роковым результатам. Чисто из конъюнктурных соображений конформистского и оппортунистического характера в партию вступали все кому не лень, результаты чего не замедлили проявиться в момент кризиса. Испытание временем выявило множество вчерашних «фашистов», (не только простых людей, но известных писателей и интеллектуалов), которые впоследствии перевернулись на другую сторону, пытаясь скрыть свое прошлое, отрекаясь от него или цинично заявляя, что они состояли в партии лишь для видимости. У коммунистов и национал-социалистов концепция «партии» (также сохранившаяся в данных режимах) поначалу имела более избирательный характер. В фашизме же возобладала идея «массовой партии», что нанесло ущерб той положительной роли, которую могла бы сохранить партия при определённых условиях.

С нашей точки зрения положительным выходом из сложившейся ситуации, положительной альтернативой революционному понятию «однопартийности» в рамках нормализованной и интегрированной системы, могла бы стать идея Ордена как станового хребта государства, отчасти сопричастного авторитету и достоинству, сосредоточием которых является неделимая верховная власть.

Энергия, первоначально воодушевлявшая фашистское движение национального и политического возрождения, после прихода к власти должна была преобразиться в естественную движущую силу, способствующую воспитанию и отбору соответствующего человеческого типа. Идеальным решением этой задачи также было создание орденской структуры. Короче говоря, именно партийные предрассудки стали препятствием на пути окончательного и решительного преобразования фашизма в истинно правое движение. Они же привели к различным несуразностям в практической деятельности. Так, с одной стороны, считалось, что партийные заслуги первых фашистов (периода активной борьбы, например, сквадристов – членов боевых дружин) дают им право на занятие должностей, в действительности требующих особых качеств и подготовки, даже в области воспитания «фашистского» мышления. С другой

стороны, охотно принимали в партию известных людей, веря им на слово и не особо заботясь о том, что их «фашистские» взгляды могут оказаться притворством, а сами они – агностиками или даже антифашистами (как это и произошло со многими членами итальянской Академии, учрежденной фашистами).

VII

Нельзя умолчать о последнем негативном аспекте системы, не лишённом связи с вышеупомянутой проблемой структурного раздвоения, удовлетворительного решения которой так и не было найдено. К сожалению, в мифологизации фашизма этому аспекту уделяется столь большое внимание, что если мы не будем придерживаться нашего правила отделять принципы от их практического воплощения, обусловленного неповторимыми историческими обстоятельствами, он может показаться существенной чертой фашистского строя. Речь идет о феномене «вождизма», олицетворением которого стал Муссолини, сохранивший свою должность главы движения и партии и после прихода фашизма к власти. В возникновении этого явления также сыграли свою роль его отдельные личные качества: стремление к престижу подобному тому, которым обладали Наполеон или трибуны в древнем Риме; внимание, уделяемое его личности как таковой; его если не демагогическая, то по крайней мере демократическая склонность «идти навстречу народу»; любовь к овациям толпы, которая после многолюдных собраний перед Венецианским Палаццо, столь низко оплатила ему в 1945 г.¹⁹. Подобное поведение Муссолини явно расходится с его же пониманием государства, выразившемся в частности в известных словах: «Я не преклоняюсь перед новым божеством, перед массой. Это порождение демократии и социализма» (речь в Удине, сентябрь 1922 г.).

Это замечание не противоречит сказанному нами чуть выше по поводу особых личных качеств и престижа, которыми по своему положению должен обладать *dux* как таковой. Однако, при этом нельзя забывать и то, что мы говорили по поводу особого «анагогической» атмосфере, обязательной в любом государстве традиционного типа. Подобная атмосфера не имеет ничего общего с тем воодушевлением, которое охватывает массы благодаря умению их предводителей возбуждать до-личностные глубины человеческого существа в ущерб всякой иной возможной форме индивидуальной реакции. В отдельных случаях это воодушевление способно перерасти в фанатизм и коллективный энтузиазм. Однако интенсивность возникающего в результате этого магнетизма имеет призрачный характер и существенно отличается от той атмосферы, которая складывается под воздействием высшей формирующей силы подлинной традиции. Сплочённость общества, достигнутая указанным путём, напоминает то, как под воздействием магнита слипаются воедино металлические частицы, которые как только поток, создающий магнитное поле исчезает, мгновенно распадаются в неустойчивую массу, тем самым демонстрируя, сколь непрочным было предшествующее состояние бесформенной агрегации. Именно это произошло в Италии и в ещё большей степени в Германии, когда события разрушили (используя наш образ) генерирующий ток магнитного поля.

Естественно возникает вопрос о допустимости применения подобных методов сплочения нации в современном мире, который по сути является миром массового человека. Действительно, нет никакой качественной разницы между вышеуказанным яв-

¹⁹ Безусловно нельзя поставить в заслугу Муссолини отдельные его высказывания, вроде следующих: «Если в истории когда-либо существовал демократический режим, то есть народное государство, то это – наш режим» (речь, произнесенная в Перуджии 6 октября 1926 г.) или: «Если существует страна, где осуществилась подлинная демократия, то это фашистская Италия» (Милан, 1 ноября 1936 г.). Вместо решительного отказа ото всякой демократической идеи, он практически вступил в состязание за звание «подлинной» демократии (точно также поступают сегодня в Италии все партии, включая коммунистов и, к сожалению, отдельные парламентарии, считающиеся «неофашистами»).

лением, которое пытаются списать исключительно на счёт определенных форм диктатуры, и современным политическим миром антифашистской демократии с его методами пропаганды и демагогии, «промывкой мозгов», фабрикацией «общественного мнения». Но сколь бы убедительными не казались эти соображения и вытекающие из них следствия для политики как простого «искусства возможного» макиавеллевского образца, они не должны затрагивать единственно интересующую нас область принципов. В этом смысле существенное значение сохраняет лишь один вопрос. Хотя об этом почти забыли, но существует принципиальная разница между естественным авторитетом истинного главы и авторитетом, основанном на бесформенной власти и указанной способности или искусстве управлять иррациональными и эмоциональными силами масс, пробуждаемых исключительными людьми. Точнее говоря, в традиционной системе низшие повиновались благодаря «пафосу дистанции» (Ницше), то есть склонялись перед человеком высшей породы. В сегодняшнем мире, с превращением народа в плебс и массу готовы повиноваться в лучшем случае на основе «пафоса близости», то есть равенства; терпят наверху лишь того, кто по сути есть «один из нас», «популярен», выражает «волю народа» и является «старшим товарищем». Вождизм в отрицательном смысле, наиболее ярко проявившийся в гитлеризме и сталинизме («культ личности», напоминающий расплывчатую идею «героев» Карлейля, лишенную романтического покрова), является признаком антитрадиционной направленности и несовместим с идеалами и ethos истинно правого движения²⁰.

В некотором смысле мы возвращаемся к прежнему разговору о принципах, отличающих традиционную систему от других режимов, также имеющих преимущественно «авторитарный» характер; их сущностное различие определяется природой и основанием авторитета, и вытекающей из этого общей экзистенциальной ситуацией.

Итак можно сказать, что те стороны фашистского режима, которые были порождены двоевластием или вышеуказанной структурной двойственностью, имели внутреннее дополнение, выражающееся в сосуществовании двух различных центров воодушевления национального движения. Первый имел «вождистский» и популистский, а следовательно, неизбежно демократический характер (так, известно, что Муссолини почти всегда стремился достичь общего согласия, даже когда оно было очевидно вынужденным или заранее подстроенным), что наложило отрицательный отпечаток в том числе на партийные структуры²¹. Значимость этого центра объясняется, прежде всего, слабостью другого – монархического, который в ином случае мог бы направить фашизм в русло традиции. Поэтому приходится вновь признать, что именно слабость прежнего государства сказалась на недостатках фашизма. Живительная сила, проистекающая из иного источника, единственно способная исцелить итальянское государство, вследствие проблематичности (вызванной различными причинами) самой природы этого источника, породила нечто двусмысленное. Впрочем, это также обусловлено определенными историческими обстоятельствами.

Помимо отдельных воззрений Ницше сильное влияние на Муссолини оказали теории Освальда Шпенглера, особенно его тезис о новой эпохе «великих личностей» «цеца-

²⁰ Примечательно, что вследствие падения уровня и желания «идти в ногу со временем», стремление к «популярности», отказ от престижа дистанции присущи ныне не только оставшимся монархиям и дворянству, но и религиозным иерархам, о чем свидетельствует «популярное» поведение последних пап.

²¹ Можно привести в качестве примера Большой Совет фашистской партии, в котором действовал демократический принцип поименного голосования. Возможно 25 июля, некоторые из его членов действительно организовали заговор, совпавший с готовившимся в кругах Каза Реале. Однако, было совершенно абсурдно сначала дать членам Большого Совета право свободного голоса, а затем, когда большинство им воспользовалось, обвинить их в предательстве и отдать под трибунал. В принципе, Большой Совет был всего лишь обычным консультативным органом и 25 июля Муссолини мог вовсе не принимать во внимание решение его большинства.

ристского» типа (заметим, что сам Шпенглер явно переусердствовал, чересчур упростив сложную фигуру Юлия Цезаря), которая должна прийти на смену демократической эпохе. Однако, Муссолини, естественно считавший себя личностью подобного рода, похоже не заметил того, что в системе Шпенглера новый «цезаризм», родственный «вождизму» в его отрицательном аспекте, морфологически и ситуационно относится к конечной сумеречной фазе цикла (к стадии «Zivilisation» противоположной, предшествующей стадии «Kultur», то есть дифференцированному и органичному обществу согласно терминологии Шпенглера), к её закату и, в частности, к знаменитому «закату Запада». Поэтому данное явление, как таковое никоим образом нельзя оценить положительно, хотя Шпенглер и признавал его неизбежность. Положительный характер оно могло бы обрести лишь при условии своего очищения за счёт обращения к высшей традиции, способной дать ему высшее узаконение. С другой стороны, с практической точки зрения маловероятно, чтобы одна «великая личность» сменяла другую, не меняя прежнего курса и соответствующего уровня «величия», то есть сохраняя нормальную преемственность. В Италии различные силы достигли временного равновесия, что было не лишено позитивных аспектов. Однако, это равновесие мгновенно нарушилось как только монархический фашизм двадцатилетнего периода подвергся испытанию силой.

Перейдём к следующей составляющей фашизма, которая в принципе вдохновлялась иным духом, противоположным всему идущему под знаменами масс и их крикливых предводителей. Мы имеем в виду воинскую составляющую фашизма.

Муссолини говорил: «Мы хотим быть и становимся всё более и более воинственной нацией. Не побоимся добавить – милитаристской нацией. Скажем больше – мы станем нацией воинов, то есть всё более одарённой добродетелью послушания, самоотверженностью, готовностью к самопожертвованию» (1934 г.). Чуть ранее он заявлял (1925 г.): «Каждый должен считать себя солдатом; каждый, даже тот, кто не носит военной формы, а работает в конторе, на заводе, на шахте или в поле; солдатом одной великой армии». Здесь необходимо сделать оговорку относительно «милитаризма»: следует различать «воинское» и «милитаристское». Второе понятие скорее применимо к партийным боевым отрядам начального периода фашизма, не предполагавшим качественного отбора. Однако в целом с традиционной и правой точек зрения стремление к определенной милитаризации существования и утверждение «воина» как общего символа можно считать положительными сторонами фашистского движения. В связи с этим необходимо лишь пояснить, что в сущности речь идет о стиле поведения, этике, которая обладает автономной ценностью, независимо от конкретных военных целей. «Воинское» воспитание в положительном, живом, а не «казарменном» направлении безусловно способствует исправлению отрицательных последствий, к которым приводит вышеописанное состояние иррационального и эмоционального единения «толпы» и «народа». Фашизм пытался привить итальянскому народу качество, которым тот вследствие своего индивидуализма почти не обладал, а именно дисциплину и любовь к дисциплине. Кроме того, понимая «опасность буржуазного духа» и питая презрение к «застойному мелкому существованию», фашизм естественно увязывал воинскую направленность с политическим элементом, согласно вышеуказанному противостоянию между политическим и «социальным». Воинский стиль предполагает активную, не показную деперсонализацию и является основным фактором стабильности социально-политического организма. Так армия и монархия, в своей сплочённости служили оплотом истинного государства до революции третьего сословия, демократии и либерализма. Об «аскетическом и воинском ощущении жизни» говорил Примо де Ривера. Этот ориентир неоспоримой ценности, пробный камень призвания. Атмосфера, царящая в «военизированном» обществе прямо противоположна духовно удушливому климату «общества процветания» или «потребления», порождающему разнообразные формы «протеста».

Существенным аспектом воинской этики является понимание службы как чести. Излишне говорить о ценности этого аспекта для политической и социальной жизни. Как известно, фашизм ввёл ношение униформы для государственных служащих, возоб-

новив традицию, ранее существовавшую в других странах, например, России и Пруссии. В сущности это должно было стать символом преодоления бюрократического духа и облагораживания бюрократии. Серому, убогому, всячески уклоняющемуся от ответственности бюрократу, для которого государственная служба отличалась от работы в коммерческой частной фирме лишь размером зарплаты и пенсионным обеспечением (до реформы системы социального обеспечения пенсия выплачивалась исключительно госслужащим), противопоставили тип работника, видящего в служении государству прежде всего великую честь, что, помимо прочего, требует особого призвания. Тем самым, служение государству приравнивалось к воинской службе, а мундир служащего становился символом, обретал ритуальный смысл. Таким образом, бюрократизации армейской жизни, имеющей инволюционную направленность, противопоставили «милитаризацию» как средство дебюрократизации бюрократии, настоящей раковой опухоли демократических и республиканских государств. Это образец правильного подхода, противоположного как механистическому тоталитарному режиму, так и назойливому учительству и морализму пресловутого «этического государства».

Однако отметим, что чёрные рубашки, чёрные куртки²² и прочее не имеют никакого отношения к вышесказанному. Скорее они связаны с теми сторонами режима, которые имели пародийный, принудительный характер и были обусловлены ранее упомянутой структурной раздвоенностью, отсутствием чувства меры. Поэтому в подобных случаях, связанных с конкретными историческими обстоятельствами и, следовательно, выходящих за рамки нашего исследования, довольно сложно отделить положительное от отрицательного.

Из сходных соображений мы не будем рассматривать и проблему фашистского «милитаризма», о котором, как мы видели, не «побоялся» говорить Муссолини (возможно, излишне увлекшись). Действительно, чаще он предпочитал говорить о «сильной нации», что далеко не равнозначно «милитаристской нации». Естественно, сильная нация должна обладать военным потенциалом, чтобы использовать его в случае необходимости и внушать уважение другим народам. Она должна предусматривать как возможность обороны, так и нападения, в зависимости от обстоятельств; но это ещё не означает «милитаризма». Истина заключается в том, что полемистам демократической и «социальной» направленности выгодна подмена «воинского» – «милитаристским». Тем самым они направляют свою атаку против ранее перечисленных нами общих ценностей, вовсе не обязательно связанных с войной: дисциплины, чувства чести, активной безличности, ответственности, умения повелевать и повиноваться, презрения к болтовне и «дискуссиям», мужественной солидарности. То есть ценностей, основанных на подлинной свободе – свобода для свершения деяний, достойных труда и ведущих за рамки буржуазного «процветания» и растительного существования, не говоря уж о пролетарском «трудовом государстве».

Поэтому в «освобожденной» Италии (освобожденной в первую очередь от задачи по поддержанию высокого напряжения и дисциплины, или этики «воинского» типа, которую, пусть даже в спорной форме, ставил перед страной фашизм, и каковая, к сожалению, оказалась не по плечу большинству итальянцев, вследствие свойственных им наклонностей), прежде всего, постарались подорвать доверие к тем ценностям прошлой традиции, которые сохранились почти исключительно в армии, да и то в довольно урезанном виде. В результате мы имеем «гуманное» отношение к «отказникам», число которых возрастает с каждым днём, как следствие абсурдной идеологии Нюрнберга, узаконившей не просто право, но и обязанность солдата и офицера отказываться от выполнения приказа и нарушать воинскую присягу всякий раз, когда ему это подсказывает личное мнение.

²² Элемент униформы в фашистской Италии, (прим. перев.).

VIII

Кризисная ситуация, с которой столкнулся фашизм «двадцатилетнего» периода, предоставила благоприятную возможность преодолеть компромиссное решение, принятое первым коалиционным правительством. Настоятельно встал вопрос о переустройстве системы представительства и реформе самого правительства. Отсутствие теоретических разработок заставило пойти путём проб и ошибок и лишь по прошествии определенного времени парламентская реформа увенчалась созданием нового корпоративного парламента.

«Палата депутатов устарела сегодня даже в самом своём названии – заявил Муссолини в 1933 г. – Этот институт, перешедший нам по наследству, – чужд нашему мышлению». Она «принадлежит миру, разрушенному нами; она возможна только в условиях многопартийности, при которой чуть ли не каждый почитает себя обязанным критиковать власть по всякому поводу и даже без оного. С тех пор как мы отметили многопартийность, Палата депутатов лишилась своего основания». Муссолини считал, что парламентаризм, «как система представительства, порождённая определенным идейным течением, отныне исчерпал себя в своём историческом цикле». Очевидным подтверждением абсурдности самой системы парламентаризма, неразрывно связанной с демократией, для него было то состояние, до которого докатился парламент в Италии и других странах. Особенно ярким примером стала Франция, где на смену политику пришёл политикан, где воцарились некомпетентность, коррупция и безответственность, где правительство не имело никаких гарантий стабильности, учитывая характер, присущий «пустому государству», то есть государству, лишённому субстанциального центра, неподвластного влиянию исторических обстоятельств.

Строго говоря, проблема имела тройной аспект: во-первых, выборного принципа вообще, во-вторых, принципа представительства и, наконец, политического принципа иерархии. Хотя фашизму удалось решить проблему лишь частично, с нашей точки зрения предпринятые им меры заслуживают положительной оценки.

Сегодня мы привыкли увязывать принцип представительства и саму концепцию парламента исключительно с системой абсолютной демократии, основанной на всеобщем равном избирательном праве. Однако, это право абсурдно и порождено, прежде всего, индивидуализмом, который в сочетании с чистым критерием количества, числа определяет современную демократию. Мы говорим об индивидуализме в отрицательном смысле, для которого индивид является абстрактной, атомистической единицей, а не «личностью» (то есть существом, обладающим особым достоинством, особым качеством и отличительными чертами). Равенство голосов отрицает и умаляет достоинство личности, поскольку голос великого мыслителя, князя церкви, выдающегося юриста или социолога, крупного полководца уравнивается с голосом безграмотного ученика мясника, полуидиота или первого встречного, легко поддающегося влиянию толпы или голосующего за того, кто ему платит. Какой может быть «прогресс» в обществе, где подобное положение дел считается вполне естественным? В лучшие времена эта нелепая система вызвала бы лишь насмешки или изумление.

По самой своей природе принцип демократического представительства не способен обеспечить главенства общего интереса, особенно в том случае, если он имеет трансцендентное, «политическое», а не «социальное» содержание; последнее противоречие было разъяснено нами чуть выше. Индивид может иметь лишь частные, в лучшем случае групповые интересы. Кроме того, учитывая нарастающий материализм современного общества, эти интересы обретают всё более экономический, физический характер. Следовательно, тот, кто желает заручиться поддержкой «большинства», то есть количества, вынужден подчиняться соответствующим условиям и отстаивать (хотя бы для видимости) в своей предвыборной программе – как личной, так и партийной – низшие интересы.

Более того, в системе парламентской демократии всевозможные индивидуальные и социальные интересы, сами по себе не имеющие политического характера, подвергаются «политизации». Демократические партии не ограничиваются ролью простого представителя групповых интересов. В тактических целях они вступают в соперничество или состязание на звание лучшего защитника интересов той или иной группы избирателей, однако, на деле каждая из них имеет своё политическое измерение, то есть собственную идеологию. Они не признают высших потребностей или интересов, действуют в «пустом государстве», стремясь лишь к захвату власти, что приводит к крайне хаотичной и неорганичной ситуации.

Политическая прибавочная стоимость наиболее ярко проявляется в либерально-демократическом тезисе, согласно которому многопартийность является гарантом свободы, поскольку якобы столкновение мнений, «дискуссия» позволяют выбрать без принуждения наилучшее решение. Бессмысленность подобного утверждения совершенно очевидна, если в парламенте или тем более в «Палате депутатов» действует тот же чисто количественный критерий равного голосования. В результате, после «дискуссии» решение всегда принимается простым большинством голосом и остаётся меньшинство, вынужденное подчиниться чисто количественному насилию. Многопартийность и плюрализм могут быть плодотворными лишь в консультативных рамках и при условии сотрудничества, то есть при наличии единых принципов и целей. Но поскольку сегодня каждая партия имеет собственную политическую прибавочную стоимость, руководствуется собственной идеологией, то вместо того, чтобы исполнять свою функцию в органичной системе, спаянной дисциплиной, все они озабочены тем, как бы «свалить правительство», то есть захватить власть в государстве в свои руки. Недаром они постоянно твердят о бескомпромиссной «политической борьбе»; борьбе, в которой именно при демократии хороши все средства.

Не следует смешивать представительскую систему как таковую и уравнительную, эгалитарную систему представительства на чисто количественной основе. В государстве, которое мы называем традиционным, также существовал представительский принцип, но в органичных рамках. Это была система представительства не индивидов, но «сословий», различных по своему влиянию и качеству. Соответственно ценность индивида зависела от его принадлежности к тому или иному сословию. Парламент (или иное учреждение подобного рода) как представительство сословий имел неоспоримую ценность, охватывая интересы всей нации во всём их богатстве и многообразии. Поскольку значение имела не чисто количественная сила сословий или иных частных групп, представленных в парламенте, но их роль и положение в обществе, наряду с представительским принципом спокойно уживался принцип иерархии. Особая атмосфера и ценности, присущие традиционному государству, автоматически исключали господство (достигаемое за счёт количества) интересов низшего уровня, неизменно преобладающих при современных абсолютных демократиях, вследствие неизбежной победы наиболее массовых партий. Приблизительное представление о существовавшей в традиционном обществе системе можно составить на примере Генеральных Штатов, парламента, некогда существовавшего в Венгрии и Австрии и основанного на принципе *Ständestaat*²³. Это было характерное обозначение для качественной, многоступенчатой и органичной системы представительства. Корпорации, дворянство, духовенство, армия и прочие сословия, отражающие качественное деление нации, имели своих представителей, делом которых было совместное решение конкретных общенациональных задач²⁴.

²³ (нем.) сословное, корпоративное государство (прим. перев.)

²⁴ Можно вспомнить и систему, долгое время просуществовавшую в Пруссии, где после предоставления всеобщего избирательного права, избиратели были разделены на три группы, голос каждой из которых при подсчёте имел разный вес, практически в обратной зависимости от количества.

Вышеизложенные соображения возвращают нас к крайне легко забытой действительности и позволяют адекватно оценить положительные стороны фашистской реформы системы представительства, которую в зависимости от избранной точки зрения можно назвать как революционной, так и контрреволюционной. Последнее определение приемлемо с учётом того, что парламентская система на неорганичной и количественной основе порождена непосредственно революционными идеологиями 1789 и 1848 гг. Фашистская корпоративная палата, в принципе, означала возврат к «сословной» представительской системе. Поэтому в целом она заслуживает положительной оценки.

Однако, имелись и некоторые отличия. Так, особое внимание уделялось «профессиональному» представительству, в соответствии с духом времени понимаемому преимущественно в техническом смысле. Впрочем, с другой стороны, это позволяло решительно устранить то, что мы называли политической, или идеологической прибавочной стоимостью. Новый критерий «профессионализма», сужавший и сферу действия, и саму концепцию «корпораций», пришедших на смену партиям, способствовал также преодолению абсурдности демократической выборной системы, при которой некомпетентный политикан, оказавшись в парламенте, мог путём закулисных интриг и комбинаций пролезть в состав правительства даже в качестве министра или замминистра, не обладая ни необходимой подготовкой и образованием, ни практическим опытом. Должностное назначение на основе корпоративно-синдикалистского парламентского представительства позволяло избежать подобных ошибок, ибо оно зависело не от бесформенной и колеблющейся массы избирателей, но от решения узкого круга специалистов, которые выбирали наиболее подготовленную и сведущую в своём деле личность.

Помимо того фашистская реформа предусматривала смешанную систему, в которой выборы дополнялись утверждением сверху: «корпорация» выдвигала не одного, а нескольких кандидатов, из которых правительство делало выбор. Это позволяло учесть и иные критерии, в том числе политические, однако без ущерба основному принципу профессионализма. С этой точки зрения фашистская реформа имела продуманный характер и заслуживает одобрения. Вопрос же о практической реализации этих принципов, как мы уже неоднократно говорили, выходит за рамки настоящего исследования.

Наконец, основной задачей Корпоративной Палаты должна была стать не «дискуссия», но скоординированная работа, допускающая критику в технических и практических вопросах, но не в области политики. Однако это ограничение сферы деятельности, свойственное профессиональному представительству с неизбежным преобладанием производственных экономических интересов, требовало соответствующего законодательного закрепления иерархического принципа, как высшей инстанции, связанной с областью конечных целей. С отменой многопартийности и деполитизацией органов представительства требовалось сосредоточить чистый политический принцип на ином, вышестоящем уровне.

Образцом подобного устройства в государстве традиционного типа служил двухпалатный парламент, состоящий из Нижней и Верхней Палаты. В качестве примера из сравнительно недавнего прошлого можно привести английский парламент в его изначальном виде, с палатой общин и палатой лордов. В связи с указанной профессионализацией и корпоративизацией парламента, и практически полным отсутствием в современном обществе организованных «сословий», как носителей высших ценностей или традиций, подобное разделение представляется более чем необходимым. Ко времени прихода фашистов к власти в Италии существовали Палата депутатов и Сенат. Фашисты не отменили этого деления, но оставили практически без изменения «Верхнюю Палату» – Сенат который в целом сохранил прежний характер декоративной и неэффективной надстройки. Вышестоящей иерархической инстанцией по отношению к Корпоративной Палате мог бы стать Сенат, члены которого назначались бы исключительно сверху и преимущественно на основе их политических качеств,

как представители «трансцендентного» измерения государства, а, следовательно, с учётом духовных, метаэкономических и национальных факторов. Основной задачей нового Сената должно было стать поддержание главенства «целей» над «средствами», то есть установление и утверждение естественной иерархии ценностей и интересов.

Но в этом отношении революционная преобразовательная сила фашизма остановилась на полпути. Сенат в основном сохранил лицо, данное ему традицией конца 18 – начала 19 вв., и практически бездействовал. Одной из причин стало чрезмерное количество различных учреждений: партийных иерархий вплоть до Большого Совета, притязающих преимущественно на политическую роль; монархических учреждений, сохранившихся от прежней Италии. К последним относился вышеупомянутый Сенат, а также Итальянская Академия. По идее, именно Академия должна была собрать в своих стенах представителей высших ценностей, задачей которых, в свою очередь, должно было стать активное утверждение этих ценностей, а не бесплодные академические изыскания. Все перечисленные учреждения необходимо было подвергнуть переоценке, сохранив или преобразовав одни из них, и распустив другие. В связи с этим напомним сказанное нами о необходимости создания «Ордена», который мог бы стать основным ядром Верхней Палаты. Тем не менее, учитывая нынешнее состояние Палаты Депутатов и нового Сената, где восторжествовал абсурдный избирательный принцип абсолютной демократии, с точки зрения идей парламентская реформа фашизма, несмотря на указанные недостатки, заслуживает положительной оценки.

Безусловно, к второстепенным и малозначительным сторонам фашизма следует отнести ложную идею «государства Труда» (к слову сказать, сохранившуюся в новой конституции демократического итальянского государства), концепцию «этического государства» (наставника для несовершеннолетних преступников) и ещё более сомнительную концепцию «гуманизма труда» (мы имеем в виду идеи Дж. Джентиле).

Действительно, устами самого Муссолини фашизм недвусмысленно заявил, что «корпорации являются средством, а не целью» (1934). Корпорация – это институт, посредством которого «в государство включается прежде чуждый ему и беспорядочный мир экономики» (1934), а политическая дисциплина дополняется дисциплиной экономической. Но корпоративизм не должен превратиться в некоего «Троянского коня», некую маску, под прикрытием которой завершается штурм государства со стороны экономики, то есть происходит деградация и инволюция самой идеи государства. Именно к этому вёл так называемый «панкорпоративизм», представителями которого стали отдельные интеллектуалы вроде Джентиле, рьяно отстаивавшие эту идею на совещании в Ферраре в 1932 г. Схожих воззрений придерживались сторонники своеобразного корпоративного коммунизма (частично национализированная «частная корпорация») и те, кто настаивал на роспуске партии во имя создания чисто корпоративно-синдикалистского государства. Однако все эти тенденции не имели серьёзных последствий в практическом плане.

В то же время, разрыв между политической и корпоративной областями не был преодолен и сверху, посредством национализирующего «тоталитаризма». Действительно, Муссолини считал, что помимо высокого идейного напряжения и введения «политической дисциплины наряду с дисциплиной экономической... что поставило бы долг над противоборством различных интересов», третьим условием для проведения в жизнь «полного, комплексного, интегрального корпоративизма» было тоталитарное государство (1933). Однако, он же говорил: «Корпоративная экономика многообразна и гармонична. Фашизм никогда не стремился свести всю её целиком к наибольшему общему знаменателю, то есть передать всю национальную экономику в монополию государству. Корпорации дисциплинируют хозяйственную жизнь нации, и государство вмешивается лишь в область, связанную с обороной». Было чётко заявлено: «корпоративное государство – не экономическое государство», что следует понимать двояко: с одной стороны, корпорация не должна была стать средством цен-

трализирующей национализации, с другой – орудием для штурма государства со стороны экономики.

IX

Перейдём к рассмотрению корпоративного принципа в его социально-экономическом аспекте. В этом отношении фашизм также попытался восстановить традиционный принцип «корпорации», понимаемой как органичное производственное единство, не расколотое духом классово-борьбы. Действительно, корпорация в том виде, как она существовала в рамках ремесленничества до наступления крайней индустриализации, как и корпорации времён расцвета Средневековья (примечательно, что их уничтожение стало одним из первых шагов, предпринятых Французской революцией), представляла собой образец, который с соответствующими поправками мог – и может поныне – послужить моделью для общего преобразования, основанного на органичном принципе. Однако на практике этот принцип был реализован лишь частично, что было обусловлено сохранившимися в фашизме пережитками первоначального революционного периода. Прежде всего, речь идёт о синдикализме, который продолжал оказывать заметное влияние на Муссолини и его окружение.

Синдикат или профсоюз, как надпроизводственная организация, неразрывно связан с концепцией классово-борьбы и, следовательно, с общим марксистским взглядом на общество. Он представляет собой своего рода государство в государстве и поэтому является характерной чертой системы, в которой авторитет государства ослаблен. «Класс», организуемый в профсоюз, – это часть нации, желающая вершить справедливость от своего имени и переходящая к прямому действию, каковое, в сущности, является шантажом, независимо от достигаемого результата. Пресловутое «синдикатов право» – это право, изъятое из области действительного права, распоряжаться которой может только суверенное государство. Известно, что у Сореля, поклонником которого некогда был Муссолини, синдикализм обретает прямо революционные черты и непосредственно связан с соответствующим «мифом» или общей идейной силой.

С другой стороны, известно, что синдикализм в любой не полностью социалистической системе, где сохраняется капитализм и частная инициатива, неизбежно приводит к возникновению хаотической, неорганичной и нестабильной ситуации. Борьба между рабочими и работодателями, где орудием первых служат забастовки и другие формы шантажа, а вторые ограничиваются всё более слабой и редкой защитой в виде «локаутов», перерастает в мелочные стычки и нападки. Каждый заботится лишь об удовлетворении собственных интересов, не задумываясь о вреде, который наносят их частные требования экономике в целом. Заботу же об общем интересе обычно перекалдывают на плечи государства и правительства, которое вынужденно разрываться на части, чтобы заткнуть прорехи и удержать от развала шаткую систему. Только веруя в чудо какой-нибудь «предустановленной гармонии» лейбницкого типа, можно вообразить, что в обществе, где государство вынужденно идти на уступки синдикализму как самоорганизующейся силе, экономика может развиваться нормально. Совершенно очевидно, что в результате роста разногласий и неполадок в конце концов единственным разумным решением останется разрушить всё до основания и сделать окончательный выбор в пользу социализма, который при помощи всеобщего планирования сумеет восстановить принцип порядка и дисциплины. Экономическое положение современной Италии служит более чем красноречивым доказательством этой истины.

Таким образом, фашизм надеялся использовать корпоративизм для преодоления указанной ситуации, сложившейся под влиянием синдикализма и классово-борьбы. Нужно было восстановить единство различных элементов, задействованных в производстве, которое было нарушено, с одной стороны, искажениями и злоупотреблениями позднего капитализма, с другой – марксистской отравой, заразившей рабочие

массы. Для этого требовалось восстановить авторитет государства, как регулятора и хранителя идеи справедливости, не только на политическом, но и на социально-экономическом уровне, при этом решительно отвергнув социалистический путь. Однако, как было сказано, хотя в основе реформы лежал органичный принцип, в своей практической деятельности фашистский корпоративизм остановился на полпути, не сумев искоренить истоки болезни. Причиной стало то, что фашизм не осмелился занять чётко антисиндикалистскую позицию. Напротив, в законодательном плане сохранили деление на союзы рабочих и работодателей. Таким образом, не сумели преодолеть разобщенность не только на самом производстве, что требовало его новой органичной структуризации (преобразования его «инфраструктуры»), но и на уровне государственных надстроек, погрязших в бюрократическом централизме и, как правило, паразитических и неэффективных. Справились лишь с наиболее болезненными проявлениями старой системы: запретили забастовки и локауты, регламентировали трудовые контракты и разработали формы контроля, препятствующие анархизму групповых требований. Однако, это была внешняя, довольно произвольная регламентация, не распространившаяся на конкретную экономическую жизнь. Тем не менее, как мы видели, Муссолини, настаивая на особом идейном напряжении и подчеркивая не только экономический, но и этический характер корпорации, верно понимал, что должно было стать основой корпоративной реформы. Первостепенное значение имело создание новой атмосферы, непосредственно влияющей на сам образ производства, что могло бы вернуть ему традиционный характер «корпорации». Поэтому, в первую очередь, нужно было изменить мышление: с одной стороны, демарксистизировать и деполитизировать рабочего, с другой – разрушить чисто «капиталистическое» мировоззрение предпринимателя.

В принципе, более удачно эта проблема была решена немецким национал-социализмом, а также контрреволюционными испанским (фалангизм) и португальским (конституция Салазара) движениями. В Германии, в отличие от Италии, этому благоприятствовали остатки традиционных структур, которые сумели сохранить свое влияние даже после краха гитлеризма и формальной отмены национал-социалистического трудового законодательства. В частности, это стало одной из основных причин так называемого «экономического чуда» – поразительно быстрого восстановления ФРГ после великой катастрофы.

Национал-социалисты распустили профсоюзы (к этому мы еще вернемся в «Кратком обзоре Третьего Рейха») и попытались преодолеть классовую борьбу с присущим ей дуализмом именно внутри предприятия, внутри каждого отдельного предприятия, органично и иерархично преобразовав его с целью достижения тесного взаимосотрудничества. При этом, они использовали ту же модель, которая легла в основу устройства самого государства. Производство понималось как «общность», что в принципе соответствует смыслу древней корпорации. За руководителем предприятия соответственно признавали функцию Führer'a; его называли Betriebsführer (производственный Führer), а трудовой коллектив – Gefolgschaft, что буквально означало «дружина», то есть союз людей, объединенных чувством солидарности, иерархической субординации и лояльностью. Таким образом, «обоюдность прав и обязанностей», должная, согласно фашистской Трудовой Хартии (пар. VII), вытекать из «сотрудничества производственных сил», в немецком варианте опиралась на вполне конкретный образец, что придавало ему твердую основу. Марксистскому, материалистическому мышлению в самой сфере труда и производства противостоял вышеописанный «воинский», мужественный стиль и этика.

Также в рамках самого предприятия был решён вопрос о политическом принципе как высшей инстанции, исполняющей функции посредника и улаживающей споры и разногласия. В отличие от Италии, где эту роль исполняли корпоративные государственные фашистские органы, в Германии эта обязанность возлагалась на доверенные политические лица, приписанные к предприятию и способные уладить возникшие разногласия, дать рекомендации, а в случае необходимости изменить установленную регламентацию, руководствуясь высшими принципами. Само название этой

высшей инстанции – «Трибунал общественной чести», *Soziales Ehrengericht*, подчеркивает этический аспект солидарности внутри каждого предприятия. Как и у фашистов, в основе указанной системы лежала ответственность предпринимателя перед государством за направление развития производства, государство же в свою очередь признавало за ним свободную инициативу. Здесь уместно вспомнить сказанное нами об антитоталитаризме и децентрализации: свобода и свободная инициатива допустимы в тем большей степени, чем сильнее центральная власть и центр притяжения, связь с которым носит скорее нематериальный, этический характер, нежели характер какой бы то ни было позитивной договоренности или обязательного требования. Например, в Германии, предприятия, как новые корпоративные единицы, объединялись только в так называемый «Трудовой Фронт».

Приблизительно в том же направлении шли испанские фалангисты – путём органичного внутрипроизводственного переустройства. Работодатель не противостоял рабочему в своего рода непрерывной холодной войне, но их объединяла иерархическая солидарность. В первоначальной схеме так называемой «вертикальной корпорации» предприниматель исполнял функцию главы – *jefe de empresa*; его окружали *jurados de empresa*, как консультативный орган, тождественный внутренним комиссиям и даже профсоюзам в том виде, как они существовали ранее в США (то есть профсоюз на каждом отдельном предприятии или индустриальном комплексе, а не общепроизводственная отраслевая организация). Таким образом, упор также делали на принципе сотрудничества и лояльности, а не на защите частных интересов производственных коллективов.

Стоит вкратце остановиться на том, как представлял себе дальнейшее развитие корпоративной реформы республиканский и «социальный» фашизм времён Сало. В нём существовали довольно противоречивые тенденции. С одной стороны, действительно был сделан шаг вперёд в вышеуказанном положительном направлении. Также как в Германии и Испании главе предприятия намеревались придать больший вес и создать на предприятиях смешанные «советы управления», что в принципе могло бы привести к органичному сотрудничеству, естественно в вопросах, не требующих привлечения узких специалистов (например, специализированных технических проблем или задач высшего руководства). Наиболее дерзкий и революционный демарш – атака на паразитирующий капитализм – был предпринят в так называемом Веронском Манифесте. Указанное потенциальное достоинство и авторитет главы предприятия признавались исключительно за тем, кто сам был «первым работником», то есть трудящимся капиталистом-предпринимателем, но не за капиталистом-спекулянт, чуждым производственному процессу и живущему исключительно на дивиденды (кстати, марксистская полемика имеет смысл лишь по отношению к этому второму типу). Здесь также проявилось стремление вернуться к традиционной модели древней корпорации, где «капитал» с собственностью на средства производства не был элементом чуждым производству, но принимал в нём активное участие в лице цехового мастера.

Однако, трудовое законодательство второго периода фашизма имело два основных недостатка. Прежде всего, речь идет о так называемой «социализации», в проведении которой (даже если в основе её и лежала реальная потребность) вышли за рамки дозволенного из чисто демагогических соображений. Впрочем, возможно этот перегиб был продиктован тактическими целями. В критической, если не безнадежной ситуации, в которой оказался фашизм времен Сало, Муссолини стремился использовать любое средство, чтобы привлечь на свою сторону рабочий класс, который неотвратимо затягивался на орбиту левых идеологий. Поэтому здесь скорее стоит говорить о пробном начинании, предпринятом с целью воспрепятствовать возникновению настоящего левого движения. Но социализация как таковая неизбежно носит черты штурма предприятия снизу и (помимо нелепостей технического и функционального порядка, на которых мы не будем здесь останавливаться) ввиду своей явной односторонности не соответствует тому законному требованию, которое могло лежать в её основе.

Действительно, в этом смысле наиболее привлекательным в системе, предложенной фашистским республиканским законодательством, является соучастие рабочих и служащих во владении средствами производства, что само по себе в определенных рамках можно признать справедливым ограничением возможностей, которыми обладает капитализм как эксплуататор и накопитель доходов. Но эта привлекательность сразу рассеивается как только понимают, что истинная солидарность за совладение средствами производства требует соучастия рабочего коллектива в возможных потерях, с соответствующим уменьшением зарплаты: солидарность и в удаче, и в беде. Этого вполне достаточно, чтобы охладить пыл многих энтузиастов. Правильным решением, способным обеспечить взаимную ответственность и участие обеих сторон в производственном процессе является скорее не «социализация», но система акционерного участия (с колебаниями дивидендов) рабочих и служащих, получающих свою долю акций (не подлежащих передаче, что исключает их возможность попадания в чужие руки), при которой, однако, право собственности сохраняется за предпринимателем. Эта система недавно прошла успешное испытание за рубежом на отдельных крупных предприятиях. Впрочем, эти вопросы выходят за рамки нашего исследования. Мы упоминаем их лишь для того, чтобы посредством сравнения указать границы и перегибы фашистского трудового законодательства времен Республики Сало.

Вторым отрицательным и регрессивным моментом указанного законодательства было усиление синдикализма и централизации путём создания единой Конфедерации, во главе которой на законных основаниях должны были встать профсоюзы, нацеленные на решение «вопросов, касающихся жизни предприятия, выпуска и производства продукции в рамках национального плана, устанавливаемого компетентными государственными органами». Эта Конфедерация, в отличие от корпоративного законодательства фашизма двадцатилетнего периода, не предусматривала союза предпринимателей и рабочих. Её целью была «спайка в единый блок всех трудящихся, включая технический персонал и руководство». Перед лицом этого требования отступала на второй план (важнейшая для нас) проблема органичного преобразования инфраструктуры каждого предприятия, обладающего относительной самостоятельностью. На национальном и государственном уровне это могло привести к одному из тех отрицательных результатов, о которых мы говорили чуть выше: либо к штурму государства со стороны экономики, «труда» и производства, либо к тоталитарной национализации самой экономики. В приведённом выше высказывании, в словах о «национальном плане, устанавливаемом компетентными государственными органами», легко угадывается вторая тенденция. Однако и желанный «блок» в перспективе также мог обернуться «тотальной мобилизацией», необходимой и оправданной лишь в критической ситуации (и лишь на время действия подобной ситуации); что и произошло с «республиканским» фашизмом в трагической атмосфере конца войны. Впрочем, совершенно очевидно, что это относится к области конъюнктуры и, следовательно, никоим образом не должно влиять на доктрину и нормативные принципы.

В заключение нашего анализа корпоративной реформы фашизма в любом случае следует признать в ней наличие требований, ценность и законность которых становятся всё более очевидными в современной социально-экономической ситуации, где, несмотря на видимость производственного рывка и эфемерного процветания, всё более заметны признаки кризиса и хаоса, где нарастает классовая борьба, а государство вынуждено идти на всё большие уступки под напором узаконенной и разнузданной демагогии. Однако ещё раз отметим, что положительные стороны фашистской корпоративной реформы, не говоря уже о результатах, которые могли быть достигнуты при условии устранения недостатков и дальнейшего развития в указанном нами направлении, связаны не с «революционными» в отрицательном и исключительно обновительном смысле тенденциями фашизма, но обязаны своим появлением влиянию тех традиционных форм (с которыми до той или иной степени были знакомы зачинатели фашистского корпоративизма), родной почвой которых была прежняя цивилизация.

Как читатель уже догадался, мы не сочли нужным обращаться непосредственно к «национальному социализму», который некоторые считают одной из наиболее важных и ценных черт фашизма. По их мнению, основной задачей не только Италии, но и Германии должна была стать именно реализация подобного социализма, а фашистская Трудовая Хартия должна была стать основанием для создания подобного «социалистического общества». Однако, мы никак не можем согласиться с этим мнением. Мы отказываемся рассматривать «социализм» отдельно от других его ценностей, несовместимых с более высокими стремлениями фашизма. Социализм есть социализм и, добавив к нему эпитет «национальный», можно лишь замаскировать его под «Троянского коня». Воплотив в жизнь «национальный социализм» (с неизбежным отказом ото всех высших ценностей и иерархий, с ним несовместимых), кончили бы социализмом без эпитетов, потому что на наклонной плоскости нельзя затормозить на полпути.

В своё время итальянский фашизм был одним из самых передовых и многообещающих режимов в области социальных реформ. Но наиболее ценные аспекты фашистского корпоративизма двадцатилетнего периода, в сущности, связаны с органичной и антимарксистской идеей, а, следовательно, не имеют ничего общего с тем, что по праву называют «социализмом». Только так фашизм смог стать «третьей силой», возможностью, открывшейся перед европейской цивилизацией, противоположной как коммунизму, так и капитализму. Поэтому во избежание деградации необходимо избегать всякого толкования фашизма в левом ключе, как того ни хотелось бы некоторым поклонникам «национального государства труда». Они желают быть оппозиционерами и даже «революционерами» по отношению к современной демократической и антифашистской Италии, даже не замечая того, что в её действующей конституции содержится практически та же, столь близкая их сердцу формулировка.

Х

Перейдем к следующему вопросу, касающемуся взаимосвязи национальной и международной экономик. Сегодня во многих кругах принято порицать как нечто абсурдное фашистский принцип автаркии. С этим мы никак не можем согласиться.

Как для личности, так и для нации свобода и независимость являются величайшим благом. Это недвусмысленно подтвердил Муссолини, заявив: «Без экономической независимости, независимость самой страны находится под угрозой; даже народ, обладающий высокими воинскими доблестями, можно сломить экономической блокадой» (1937). Поэтому, по его мнению, на новой стадии итальянской истории необходимо было «руководствоваться следующим постулатом: в наиболее возможно короткие сроки добиться максимально возможной независимости в экономической жизни нации» (1936). Выражение «автаркическая мистика» (1937) безусловно обязано своим появлением на свет широко распространённому в последнее время злоупотреблению понятием «мистика»²⁵. Однако, на основе происхождения самого слова вполне можно говорить об «автаркической этике». Данное понятие (автаркия²⁶) воз-

²⁵ Столь же часто злоупотребляют выражением «мистика фашизма»: в Милане даже была создана Школа фашистской мистики. Хотя эта организация покровительствовала отдельным, довольно интересным инициативам и в её состав входили достаточно квалифицированные представители того поколения, тем не менее, использовать понятие «мистика» по отношению к этому начинанию с нашей точки зрения неприемлемо. В лучшем случае, в то время можно было говорить об «этике фашизма». Как уже было сказано, фашизм не справился с проблемой высших ценностей, проблемой сакрального, тогда как лишь по отношению к этим ценностям имеет смысл говорить о «мистике». В двадцатилетний период фашизма, указанные ценности остались на уровне бесплодного и конформистского заигрывания с господствующей религией.

²⁶ Прим. пер. – слово «автаркия» происходит от греческого autarchia, которое в свою очередь складывается из autos (сам) и archein (командовать), т.е. его можно перевести как самообладание, самоконтроль.

никло во времена классической античности и, в частности, непосредственно связано со школой стоиков, исповедовавших этику независимости и самодержавности личности, то есть ценностей, для сохранения которых в случае необходимости приходилось подчиняться суровому принципу *abstine et substine*.

Таким образом, фашистский принцип автаркии можно считать своего рода распрощанием вышеуказанной этики на область национальной экономики. Речь шла о том, чтобы научить нацию при необходимости довольствоваться относительно низким уровнем жизни, сделать своим принципом так называемую *austerity*²⁷ (что, впрочем, в других условиях приходилось делать и другим нациям в послевоенный период), дабы обеспечить себе максимум независимости. Подобная ориентация безусловно заслуживает положительной оценки. Стране с ограниченными природными ресурсами (как Италия) определенный режим автаркии и самоограничения безусловно пошёл бы на пользу. В любом случае, в национальной жизни для нас нормальной является ситуация, противоположная сложившейся сегодня: показное общее процветание и бездумная жизнь одним днём, свыше собственных возможностей, сопровождающиеся устрашающим пассивом государственного баланса, крайней социально-экономической нестабильностью, растущей инфляцией и нашествием иностранного капитала, влекущим за собой скрытое или явное ограничение независимости.

Естественно, при этом не стоит перегибать палку. Необходимо действовать подобно человеку, достойному так называться. Он заботится о физическом здоровье и развитии своего тела, но при этом не становится его рабом; в случае необходимости сдерживает соответствующие влечения и подчиняет их высшим потребностям, даже ценой жертвы. Точно также он поступает тогда, когда сталкивается с задачами, требующими особого напряжения. Аналогичным образом на национальном уровне необходимо установить адекватные отношения между политическим принципом органичного национального государства и экономикой, которая в данном случае соответствует его физическому телу.

С одной стороны, фашизм стремился к созданию сильного государства, в котором все возможности нации должны были быть активизированы. Но, с другой стороны, нельзя отрицать, что под автаркией имели в виду не своеобразную *splendid isolement* (сверх-изоляция) нации, ставшей самодостаточной, но также необходимость подготовки и накопления сил на случай возможной войны с другими государствами, уроком чего стал опыт Эфиопской компании. Вышеприведённые слова Муссолини неоспоримо подчеркивают данный аспект. Несмотря на это, сам принцип автаркии является своего рода вызовом, брошенным экономике с её якобы железными законами, благодаря которым она становится «нашей судьбой». С этой точки зрения нельзя сказать, что результаты были отрицательными: как в Италии, так и в Германии довоенная экономическая жизнь развивалась довольно легко и нормально, несмотря на экономический бойкот, которому подверглись эти нации, выразившийся в первую очередь в обесценивании их валют за рубежом.

Таким образом, от автаркии, толкуемой некоторыми как экономическая ересь, можно перейти к рассуждениям более общего характера.

Всем известен марксистский лозунг «экономика – наша судьба» и соответствующее ему толкование истории с точки зрения экономики. Однако, экономический детерминизм признают не только марксистские, но даже противоположные им концепции. Сам по себе данный принцип абсурден, но, к сожалению, человек делает его всё более реальным в современном мире. Чистый *homo economicus* – это абстракция, но как все абстракции он может стать реальностью, что происходит, когда одну часть

²⁷ Прим. пер. (англ.) – политика, требующая введения режима строгой экономии, например во время войны и т.п.

чрезмерно увеличивают и абсолютизируют в ущерб целому. Если в жизни главенствуют экономические интересы, человек в свою очередь, естественно начинает подчиняться законам экономики, которые обретают всё более независимый характер, пока не пробудятся иные интересы и не вмешается высшая сила.

Муссолини также считал, что «экономического человека» не существует в действительности и противопоставлял ему «цельного человека» (1933). Он говорил: «политика всегда господствовала и будет господствовать над экономикой», тем самым утверждая, что человеческая судьба «как минимум на три четверти зависит от его безволия или его воли» (1932). Можно сослаться здесь также на Шпенглера, который анализируя конечные стадии развития общества, под «Zivilisation» имел в виду именно ту стадию, над которой господствуют экономические интересы и устанавливается определенная связь между демократией, капитализмом и финансами. Эта связь, помимо прочего, свидетельствует об иллюзорности ранее завоеванных «свобод», так как очевидно, что «политические свободы» ничего не значат без экономической свободы или независимости как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Причина утраты свободы на уровне коллективном состоит в том, что при демократическом режиме наиболее обеспеченные группы всегда берут под свой контроль печать и другие средства создания «общественного мнения» и пропаганды. Что до индивидуального и практического плана, достаточно вспомнить о том, что за доступ к различным «завоеваниям» технической цивилизации и современной экономики, на индивида налагаются различные новые обязательства, превращающие его в бесконечно вращающуюся шестерёнку коллективного механизма, движимого экономикой, по сравнению с чем «политические свободы» выглядят просто смехотворно.

Однако, согласно Шпенглеру, на смену этой стадии приходит иная, названная им фазой «абсолютной политики», которая связана с появлением новых вождей проблематичного типа, о чём мы говорили ранее. Несмотря на сделанные нами по этому поводу оговорки (которые остаются в силе), заслуживает внимания идея о возможном изменении ситуации со стороны сильного государства, основанного на принципе высшего авторитета. Лишь подобное государство способно обуздать экономику «как судьбу», «сорвавшегося с цепи великана». Это выражение, использованное впервые Вернером Зомбартом относится, в первую очередь, к стадии высокоразвитого капитализма с присущими ему взаимосвязями. Следует принять во внимание и следующее соображение: уродливое развитие капитализма в направлении безудержной производительности может быть ограничено только при условии восстановления приоритета политики над экономикой. Для этого необходимо возвратиться к идее истинного государства, надлежащим образом утвердив его верховную власть и авторитет. Конечной целью должно стать возвращение экономики и всего связанного с ней в подчинённое положение средства, и ограничение области её действия более широкой иерархией ценностей и интересов.

В добавление к вышесказанному стоит уточнить, что мы вкладываем в понятие конечной цели. С нашей точки зрения, на определённом этапе важным является достижение равновесия, стабильности, остановки бесконечного движения. Перед фашизмом подобной задачи не стояло, поскольку предварительно он должен был решить сложнейшую задачу по налаживанию экономического, индустриального и социального порядка, не говоря уже о свойственных ему экспансионистских замыслах, связанных скорее с определенным стремлением к «величию», чем к автаркической splendid isolement. В подобных условиях, естественно, возобладали активистская и динамичная ориентация, потребность в резком рывке вперёд, игре на опережение, что, в том числе, породило более чем сомнительный лозунг: «кто остановился, тот проиграл». Всё это стало естественным следствием его неограниченной вовлечённости в общий процесс мирового развития.

Таким образом, фашизмом не была поставлена последняя принципиальная проблема – выбор идеала общества. В связи с этим возникает вопрос, насколько сильна была

его готовность пойти наперекор общему течению, увлекающему современный мир по пути так называемого прогресса, который уместнее было бы назвать «бегством вперёд» по выражению Бернаноса (Bernanos)? Не следовало бы в определенный момент выбрать так называемый «иммобилизм»²⁸, как называют это те, кто путает устойчивость и умение вовремя остановиться с неподвижностью и инерцией? Эти люди не осознают, что именно остановка, торможение на «горизонтальном» направлении, на плоскости становления, эволюции материальных, технических и экономических процессов, которые, в конце концов, выходят из-под контроля человека, является неизменным условием продвижения по «вертикали», направленного на реализацию высших возможностей и подлинной независимости личности? Иначе говоря, используя известное выражение – на реализацию «бытия» по ту сторону «прибытка»²⁹.

Однако, подобные рассуждения уводят нас далеко от предмета данного исследования, то есть фашистской доктрины, а также тех возможностей, которые были заложены и отчасти реализованы фашизмом в плане взаимоотношений власти и экономики; возможностей, которые могли быть реализованы лишь при условии адекватного выбора призвания и, самое главное, за счёт утверждения особой общей атмосферы и иного мировоззрения, противоположных тем, которые фактически безоговорочно восторжествовали в наши дни.

XI

Даже среди тех, кто сегодня в Италии критикует демократический режим и не отрицает ценности отдельных аспектов фашистского строя, большинство оценивает «расизм» как одну из его тёмных сторон, достойных умолчания, и, в любом случае, как некое «инородное тело», проникшее в систему. Считается, что фашизм в последний период развития итало-германских отношений, времён Оси Рим-Берлин попал под влияние гитлеризма, став его слепым подражателем в этом вопросе.

Одной из причин подобного отношения стало недоразумение, возникшее в результате того, что «расизм», как правило, отождествляют с антисемитизмом и жёстким преследованием евреев. Дошло даже до того, что один из журналов, открыто провозгласивших себя «неофашистским», опубликовал различные данные, взятые в том числе из работ еврейских авторов, в попытке стереть воображаемое пятно и доказать, что Муссолини на самом деле не был «расистом», поскольку фашисты в период войны, даже в критический момент немецкого контроля над Италией не только не преследовали евреев, но даже часто брали их под защиту. Однако, авторы явно не понимают, что это делалось чисто из чувства гуманности и неприязни к некоторым мерам, используемым немцами, а не из принципиальных соображений.

Поэтому имеет смысл вкратце остановиться на данном вопросе. Имелось три основные причины, побудивших Муссолини в 1938 г. затронуть проблему расы. 5 августа 1938 г. в официальной ноте было заявлено, что «отныне созрела атмосфера для итальянского расизма», после чего в октябре Большой Совет наметил основные направления, а месяцем позже были приняты первые законодательные меры «по защите итальянской расы». Из трёх этих причин, еврейская проблема была наиболее обусловлена чисто временными соображениями. В ранних работах Муссолини почти не обращался к еврейскому вопросу. Можно вспомнить одну его старую статью, отчасти затрагивающую эту проблему, где, в частности, говорится, что покорённый еврей, лишённый привычных средств для открытой борьбы, в современном мире прибегает к косвенным методам, то есть действует посредством денег, банковских спекуляций и ума (в профаническом смысле) для утверждения своей власти в той

²⁸ инерция, неподвижность, косность (ит.). По сути, аналог консерватизма, (прим. перев.).

²⁹ Игра слов: «essere» — бытие; «benessere» — благосостояние, достаток (прим. перев.).

или иной сфере. Кроме того, в статье 1919 г. Муссолини задавался вопросом, не был ли большевизм, поначалу опиравшийся на евреев-банкиров из Лондона и Нью-Йорка и возглавляемый в тот период многочисленными евреями, «мстью Израиля арийской расе».

С другой стороны, не стоит даже говорить, что антисемитизм возник отнюдь не во времена нацизма. Евреи на протяжении всей истории, со времён древнего Рима вызвали неприязнь и подвергались гонениям, что в христианскую эру нередко происходило с согласия светских и церковных властей. Тем не менее, надо признать, что в Италии еврейский вопрос почти никогда не имел существенного значения и выступление Муссолини против еврейства в 1938 г. имело скорее политический, чем идеологический характер. Всё большее число итальянских дипломатов и информаторов сообщали о нарастании воинственной, антифашистской враждебности евреев за рубежом, прежде всего в Америке, что до той или иной степени было вызвано сотрудничеством Италии с Германией. Поэтому, в конце концов Муссолини был вынужден отреагировать, и итальянские евреи, которые за некоторым исключением не проявляли особых антифашистских настроений, пострадали от поведения своих зарубежных единоверцев, вследствие предпринятых по отношению к ним мер, которые впрочем не идут ни в какое сравнение с методами, используемыми немцами, и, к тому же, по большей части остались лишь на бумаге. Поскольку в нашем исследовании мы занимаемся исключительно доктриной, нет смысла рассматривать здесь данный аспект фашистского «расизма»; изучение же еврейской проблемы во всей её совокупности выходит за рамки нашего сюжета.

Поэтому вернёмся к основному вопросу. О «расе» Муссолини говорил часто. В апреле 1921 г. (то есть период, когда гитлеровское влияние безусловно исключено), выступая в Болонье, он связал рождение фашизма с «сокровенной, вечной потребностью нашего арийского и средиземноморского племени, в определенный момент ощутившего угрозу коренным основам своего существования». В том же году он заявил, что «историю делает раса», а в 1927 г. добавил: «Необходимо всерьёз позаботиться о судьбе расы, необходимо исцелить расу». Можно привести множество его высказываний подобного рода. В 1938 г. на общем собрании фашистской партии Муссолини, отвергая обвинения в простом подражании немцам, напомнил о них, пояснив, что говоря о племени, он «имел в виду расу». Но если в первой цитате понятие «арийский» ещё может иметь чисто расовое значение, то в прочих случаях о расе говорится излишне общо, более того, заметна явная путаница понятий расы и нации. Та же путаница присуща так называемому «Расовому Манифесту» (исключительно небрежному и поверхностному документу), где используется понятие «итальянская раса», сохранившееся и в фашистском «расовом» законодательстве 1938 г. Безусловно – это абсурд. Ни одна историческая нация не является расой. Таким образом, за исключением отдельных чисто евгенических требований, «защита расы» в подобном понимании свелась к приданию слабой этно-биологической окраски националистической позиции. Самое большее, речь могла идти об «историческом этносе», но не о расе. Более того, стоит отметить, что отождествление расы с нацией, возвеличивание тех идей, которые особо подчёркивались в национал-социалистическом коллективистском понятии *Volksgemeinschaft* (то есть национал-расовая общность или единство народа-расы), по сути вели к уничтожению и лишению смысла самого понятия расы, вследствие его демократизации. Как справедливо заметил К. А. Rohan, сохранялось ещё нечто, что не смогла одолеть демократия, а именно раса в аристократическом смысле: ибо обладает «расой» и бывает «породистой» только элита, тогда как народ – это всего лишь народ, масса. Путаница, порожденная отождествлением расы с нацией и введением таких понятий как «итальянская», «немецкая» раса и т.п., привела к падению этого последнего бастиона. Поэтому можно и нужно было выступить против подобного «расизма» именно с аристократических и иерархических позиций.

Второй причиной постановки расового вопроса являлась концепция «расового» сознания нации. Отчасти это было обусловлено конкретной исторической ситуацией,

то есть завоеванием Эфиопии и созданием африканской Империи. В этом отношении фашистский «расизм» также имел скорее практический, чем идеологический характер. Схожим путём шло большинство европейских колонизаторских наций (особенно – англичане), которые соответствующими мерами усиливая «расовое» чувство, стремились сохранить престиж белых перед цветными и предотвратить появление бастардов и метисов. В том же духе был выдержан декрет, принятый фашистским правительством в 1937 г. Таким образом, Муссолини ограничился продолжением традиции, существовавшей до тех пор, пока демократическая идеология с её пресловутым принципом «самоопределения народов», провозглашенным самими белыми, не обратился против них же, породив волнения, борьбу за права и восстание цветных народов, вследствие охватившего европейцев психоза «антиколониализма».

В пользу Муссолини следует сказать, что его позиция в этом вопросе была ясной и последовательной. Он признавал «неизменное, плодотворное и благотворное неравенство людей» и понимал необходимость сохранения дистанции. Дальнейшие шаги в этом направлении были предприняты 18 сентября 1938 г., когда он заявил, что в итальянцах нужно пробудить «ясное, суровое расовое чувство, позволяющее осознать не просто своё отличие, но очевидное превосходство». При этом, однако, не стоит забывать, что в другой, более ранней речи, произнесенной перед восточными студентами, Муссолини выступил против материалистического и негативного колониализма, осудив тех, кто видит в колониальных владениях лишь «источник сырья и рынок дешёвой рабочей силы». Так мы приближаемся к главному. Безо всяких предрассудков, связанных с цветом кожи, следует утвердить иерархический принцип и поставить проблему узаконения права на господство определённого народа и соответствующей цивилизации. Невозможно скрыть тяжесть подобной проблемы. Действительно, рассматривая период основной колонизации, приходится признать, что эта проблема не была решена удовлетворительным образом не только тогда, когда белые сталкивались с дикарями, неграми и другими низшими расами, но, прежде всего, при завоевании народов, обладавших древней цивилизацией и традицией, например, индусов. «Белые» не смогли противопоставить этим народам ничего, кроме своей технической цивилизации, материального и организационного превосходства, а также христианства с его странной претензией на единственно верное или, по крайней мере, величайшее учение. Поэтому на практике оказалось довольно сложным реализовать иерархический принцип и «расовое сознание» (сознание расы-нации), которое давало бы право почувствовать не просто своё отличие, но реальное превосходство по отношению к другим расам. Безусловно данный вопрос никак не связан с проблемой «жизненного пространства», вероятно вдохновлённой «демографической компанией». Как мы уже говорили, количественное превосходство не даёт никакого права в высшем – этическом или духовном – смысле, поэтому известный лозунг Муссолини времён Эфиопской компании: «Вставай пролетарская и фашистская Италия!» безусловно является самым недостойным из тех, что были продиктованы его «популистскими» наклонностями. В лучшем случае можно было говорить о трудовой Италии, не прибегая к марксистскому жаргону и не распространяя соответствующий пагубный миф «классовой борьбы» на международный уровень (что на национальном уровне начал делать ещё Коррадини).

В то же время, вполне очевидно, что то состояние, до которого докатились сегодня западные нации, лишает указанные проблемы всякого смысла. С одной стороны, в современном мире сохранились лишь скрытые формы экономического колониализма, то есть зависимость цветных, «слаборазвитых», наконец-то обретших независимость, стран от иностранного капитала и индустрии (так называемый «второй колониализм», главными соперниками в котором являются США и СССР). С другой стороны, парадоксальным образом новые неевропейские «нации» всё более решительно отказываются ото всякой подлинной независимости. Ведь по сути – за исключением примитивных и действительно низших этносов – получается, что большинство неевропейских народов сбросило «колониальное» иго лишь для того, чтобы подвергнуться ещё худшей форме колониализма: экономической эксплуатации со стороны иностранного капитала. Практически отрекшись от своих вековых традиций, эти народы

приняли западный образ жизни. Капитулировав перед псевдо-цивилизацией, они имитируют социальные, политические и идеологические формы белых народов, утратив всякие высшие стремления, в результате чего всё «развитие» сводится к пародическому копированию «белого» государства. В результате мы имеем всеобщую уравниловку и соперничество, идущее на крайне низком уровне и, более чем когда-либо в прошлом, обусловленное исключительно грубой силой³⁰.

Возвращаясь к основному вопросу, следует рассмотреть здесь третью и основную причину, обусловившую поворот фашизма к расовому вопросу. Она, несомненно, стала естественным следствием развития идей, исповедуемых Муссолини. Последнего интересовал, прежде всего, позитивный расизм, то есть расизм не имеющий ничего общего ни с антисемитизмом, ни с вопросами престижа народа-расы – «итальянской расы» – перед цветными народами. Основная задача такого расизма, по его мнению, состояла в воспитании нового типа итальянца, что, в свою очередь, требовало избирательного подхода к расовым характеристикам (смешение которых не позволяет говорить о какой-либо однородной «расе») итальянского народа, довольно неустойчивого и анархичного в своей массе. Муссолини вполне обоснованно считал, что будущее фашизма и нации зависят не столько от преемственности идей и институтов, сколько от формирующего воздействия, которое могло бы привести к появлению избранного «типа». С первых дней установления режима он ощущал потребность в создании «нового образа жизни» и «нового типа итальянца». Уже в 1929 г. (то есть, как уже было отмечено, в период, исключая нацистское влияние, поскольку Гитлер ещё не пришел к власти) он в своём выступлении в парламенте в связи с заключением соглашений с Ватиканом говорил о влиянии государства, которое «постоянно преобразяя нацию», может добиться «изменения даже ее физического облика». Эта идея, помимо прочего, тесно связана с вышеупомянутым пониманием отношений между государством и нацией как между «формой» и «материей».

Именно эту идею можно считать положительным и созидательным аспектом политического расизма. В принципе её осуществление на практике вполне реально. История знает немало примеров, когда расы формировались не из изначально существовавших на той или иной территории племён, но из групп, типические черты которых складывались и приобретали сравнительно устойчивый характер в зависимости от конкретного общества или традиции, под влиянием, прежде всего, определённого образа жизни, «внутренней расы». В качестве примера можно привести тот же народ Израиля, который поначалу был не чистой и однородной единой расой, но скорее этнической смесью, постепенно обретшей единство под влиянием религиозной традиции. То же относится к США, где благодаря специфическому климату данной цивилизации, точнее псевдо-цивилизации, (что позволяет предположить куда более широкие возможности в рамках истинной цивилизации традиционного типа) из невероятной этнической смеси, в течение довольно короткого срока сложился совершенно особый «расовый» тип³¹.

Более того, в качестве цели можно было поставить идеал человеческой цельности. С одной стороны, обращение к расе и крови было связано с потребностью противопоставить себя индивидуализму, интеллектуализму и, одновременно, заботе о «внутреннем» в ущерб «внешнему». В то же время, сам факт наличия в языке таких укоренившихся выражений, как «быть породистым», «обладать породой», применимых не только к человеку, но и к животным, придаёт специфический и безукоризненный смысл понятию «расы». Речь идёт о максимальном соответствии «типу» соб-

³⁰ До недавнего времени интересным исключением являлась Япония, где сосуществовали традиционное общество и внешняя модернизация. Но после второй мировой войны это равновесие всё больше нарушается в сторону второго и последние бастионы рушатся один за другим.

³¹ В целом можно отметить, что, хотя Эвола и упрекает фашизм в смешении понятий «нация» и «раса», в данном случае он делает ту же ошибку, (прим. перев.)

ственного вида, что свойственно отнюдь не большинству, но лишь ограниченному количеству людей. Все возражения со стороны интеллектуалов или «спиритуалистов» теряют смысл, если мы признаём за благо то, что подлинные ценности должны отстаиваться людьми, которые как с точки зрения физической расы (soma), так и с точки зрения характера (духовная раса), воспроизводят собой высший тип, вместо того, чтобы демонстрировать тягостный разлад между телом и душой. Поэтому можно оставить в стороне всякий современный «расизм» и обратиться к классическому или, если угодно, эллинистическому идеалу. Надо сказать, что истерика, в которую впадают некоторые интеллектуалы и интеллигенты при слове «раса», свидетельствует лишь о том, что у них самих с «расой» что-то не в порядке.

Мы уже говорили, что Расовый Манифест, составленный в 1938 г. – небольшой группой авторов достаточно разнородной направленности – в качестве прелюдии к постановке расового вопроса, был написан халтурно и несостоятельно. Отчасти, причиной этого стало отсутствие в Италии предварительных исследований подобного рода. Так например, в Манифесте говорилось, что понятие «раса» является «чисто биологическим» и помимо использования абсурдного термина «итальянская раса», утверждалось, что «современное население Италии является арийским по крови, а созданная им цивилизация – арийской». При этом позабыли указать, что, собственно говоря, надо понимать под «арийским». На деле же всё арийство сводилось к чему-то негативному и проблематичному, и состояло лишь в том, чтобы не быть евреем или цветным. Совершенно отсутствовала позитивная часть, не давалось никакого высшего критерия для определения поведения, стиля, мировоззрения, черт характера и духовных склонностей того, кто имел право называться арийцем. В том месте, где уточнялось, что фашистский расизм должен быть «арийско-нордического типа», явно ощущалось иностранное влияние.

Понятно, что при серьёзном развитии, подобные нелепости по необходимости оказались бы подвергнуты обсуждению и исправлению. Воспользуемся случаем, дабы лично засвидетельствовать, что Муссолини безусловно был склонен к этому. Ещё до обращения фашизма к расовой проблематике нам представилась возможность выступить против расизма, имевшего с одной стороны биологический и научный характер, с другой – коллективистский и фанатичный, типа того, который возобладал в Германии. Мы противопоставили ему «расизм», который также стремясь к достижению идеала цельного и совершенного человека, делает особый упор на том, что мы назвали «внутренней расой», то есть исходит из традиционной, антиматериалистической концепции человека. Именно «внутренняя раса» могла стать точкой отсчёта и опоры для вышеуказанного формирующего воздействия. Итальянцам для выбора особого «типа» как идеала и центра кристаллизации не имело смысла обращаться к арийско-нордическому типу в подражание немцам. Исследования в области происхождения народов свидетельствуют о том, что из общего первоначального племени («индоевропейского», «арийского») в Европе выделился: во-первых, эллинистический (прежде всего, дорический – Спарта) элемент, во-вторых, – романский и, наконец, – германский. Отдельные типичные черты характера, этики, обычаев, мировоззрения и общественного устройства, общие для этих племен, подтверждают их происхождение от единого корня. Таким образом, в качестве центра кристаллизации можно было выбрать «арийско-романский» тип с его характерными чертами, что могло бы придать правильную направленность мужественной «римской» склонности фашизма и позволило бы сохранить независимость от немецкого расизма. В книге «Синтез расовой доктрины» мы, помимо прочего, высказали схожие идеи. Муссолини, прочтя её, безоговорочно одобрил содержащиеся в ней тезисы и одобрил предложенные нами шаги, которые можно было бы предпринять в данном направлении, осуществлению коих, однако, воспрепятствовали последовавшее обострение ситуации, а также некоторое внутренне сопротивление.

Конкретно, мы утверждали, что единая нация и единая «раса» – суть разные вещи и в каждом представителе исторической нации имеются различные составляющие или возможности. Надлежащая атмосфера высокого напряжения позволяет создать

условия, при которых некоторые из них способны возобладать и начать действовать избирательным образом, что постепенно приводит к изменению в том числе уровня *soma*. В качестве примера, некоторые указывают на отбор, – в том числе по физическим характеристикам – который происходит среди представителей спецподразделений, предназначенных для исполнения особо ответственных миссий (например, десантники и прочие). Подобный подход явно не имеет ничего общего ни с искажённым расизмом, ни с вульгарным антисемитизмом³² и, следовательно, может быть использован государством, основанным на иерархических и традиционных ценностях.

Таким образом, учитывая три вышеперечисленные причины и соответствующие требования, а также память о недопустимости одностороннего отождествления расизма с фанатичным антисемитизмом, мы не должны считать расистский аспект фашизма (если склонны использовать именно этот термин) чистым заблуждением, подражанием или «инородным телом».

В связи с вышесказанным имеет смысл дать общую ретроспективную оценку фашистского опыта в целом. Внутренняя ценность данной идеи или системы должна оцениваться сама по себе, независимо от обстоятельств, обусловивших её воплощение. Однако, практически и исторически решающим фактором является качество людей, которые утверждают и защищают эту идею или систему. Если это качество низкое, то мало пользы принесет внутренняя ценность принципов – и, наоборот: бывает, что ущербная или теоретически неприемлемая система может удовлетворительно функционировать, пусть даже непродолжительное время, если её отстаивают качественные люди и вожди. Поэтому очевидно принципиальное значение, которое обретают ценности «расы» в более широком духовном и типическом, а не чисто биологическом смысле, о чём мы говорили чуть выше.

Поэтому попытаемся понять насколько отрицательные стороны фашизма, – как открыто проявленные в нём, так и сокрытые до поры за идеологическим фасадом, но всплывшие на поверхность в момент испытаний, – были обусловлены человеческим фактором. Риснём перевернуть положение антифашистов, утверждающих, что фашизм отрицательно повлиял на итальянский народ, «итальянскую расу», и попытаемся разобраться, не обстоит ли дело прямо противоположным образом. Предположим, что именно этот народ, эта «раса» оказала отрицательное влияние на фашизм,

³² Чуть выше мы говорили, что антисемитизм существовал во все времена. В христианскую эру он имел религиозный характер, но довольно сложно объяснить постоянную неприязнь к евреям в одном и том же народе лишь религиозными факторами, без учёта особых черт характера, присущих этому народу. Современный антисемитизм, напротив, имеет социальную подоплёку; его существование связано с реакцией на то, что евреи в разных странах, тесно сплочённые между собой, ухитрились занять ключевые позиции в интеллектуальной, экономической и профессиональной жизни, в процентном отношении никак не сравнимом с количеством евреев по отношению к общему «арийскому» населению соответствующих народов. Однако, если мы хотим быть беспристрастными, подобная позиция недопустима, так как в этом случае обращение к «расе» может свестись к претензии типа «ты убирайся, а я займу твоё место». В первую очередь необходимо определить еврейский образ жизни (еврейство, как внутреннюю или духовную расу) и, помимо численной диспропорции на ключевых позициях, показать, что в отдельных случаях данный образ жизни придаёт особое, нежелательное направление соответствующим видам деятельности, пусть даже сами евреи этого не замечают. Естественно, данная «раса» – «еврейство» – не имеет ничего общего с религией; принятие христианства столь же мало изменяет её, насколько оно способно изменить телосложение, наследственность или врождённые задатки негра. Это свидетельствует о важности понятия «внутренней расы» для беспристрастной оценки. Однако, воспользуемся случаем заявить, что сегодня всякая антиеврейская полемика почти бессмысленна, учитывая, что все обвинения, предъявляемые евреям, не в меньшей степени затрагивают и так называемых «арийцев», которые даже не могут сослаться на дурную наследственность. Говоря об американском капитализме и рассматривая традиционную связь евреев с торговлей, капиталом и выгодой, Вернер Зомбарт утверждал то же самое, говоря, что еврей эмансипировался и продвинулся в современную эпоху ровно настолько, насколько передал своё мышление нееврею.

точнее, на попытку фашизма, поскольку оказалась не в состоянии выдвинуть достаточное количество людей, соответствующих поставленным задачам; здоровых людей, способных развить положительные потенциальные возможности, заложенные в системе. Подтверждение тому стала, прежде всего, нехватка действительно свободных людей, действовавших не вне и против фашизма, но внутри него, то есть людей, которые могли бы бесстрашно и открыто сказать Муссолини правду, вместо того, чтобы обманывать его, потакая его желаниям (например, его ввели в заблуждение относительно реального военно-промышленного потенциала Италии, необходимого для вступления в войну). Конечно, подобные люди существовали во времена фашизма, но их было очень мало. Следовало бы вспомнить древнее римское правило, согласно которому истинный государь желает быть не хозяином рабов, но вождем свободных людей, добровольно идущих за ним. Ведь только такие люди способны очистить душу властителя от задатков, которые вследствие человеческой слабости нередко побеждают в нём на радость прирождённым льстецам. Шире говоря, стоит поставить вопрос о качестве человеческого материала, на который пришлось опереться фашизму. Красноречивым свидетельством его негодности стала та скорость, с которой народные массы, столь же легко меняющие своё мнение, как флюгер своё направление при любом дуновении ветра, растаяли как снег под солнцем в момент опасности, и та готовность, с которой большинство вчерашних фашистов отрёклось от своих убеждений, без малейшего стыда оправдывая своё членство в партии конформистскими и оппортунистическими соображениями или временным помешательством. Мы считаем, что «итальянская раса» заслужила суда, который приводит нас к малоутешительному выводу о её очевидной невосприимчивости ко всему, что не стыкуется с той её «традицией», согласно которой фашизм является тёмным пятном в итальянской истории, а возвращение к «демократии» (исключительно благодаря военному поражению), озаменованное окончательным разрывом с политическими и государственными идеалами истинно правого движения, превозносится как второе «Возрождение».

Большинство читателей, вероятно, заметило, что в нашем критическом исследовании фашистской доктрины, мы обращались в основном к фашизму двадцатилетнего периода. На наш взгляд, нет смысла в подробном изучении второго периода фашизма, времён Республики Сало, поскольку эта попытка создания государственной и общественно-политической доктрины была чрезмерно обусловлена чисто временными соображениями, а последующие события не позволили обрести ей более зрелый характер. Однако безусловной ценностью этого фашизма второго периода является его фронтовой и легионерский аспект. Кто-то верно подметил, что именно тогда, возможно впервые за всю итальянскую историю сравнительно большое количество итальянцев сознательно избрало путь борьбы на потерянных позициях, проявило готовность к самопожертвованию ради верности вождю и воинской чести. Это стало возможным благодаря тому, что среди итальянцев ещё сохранились люди, способные выдержать испытанием огнём. Поэтому вне каких-либо идеологических или партийных пристрастий (это нам хотелось бы особо подчеркнуть) можно сказать, что с чисто моральной и экзистенциальной точки зрения, «итальянская раса» доказала свою способность действовать в чрезвычайных обстоятельствах, подтвердила, что среди простых итальянских солдат, как сражающихся в регулярных частях, так и в батальонах чернорубашечников, есть герои, способные на подвиг³³.

³³ 28 сентября 1943 г. в журнале «Новая политика» была опубликована статья под названием «Размышления о событиях в Италии», которая впоследствии по распоряжению Муссолини, судя по этому, разделявшего изложенные в ней идеи, была переиздана в виде брошюры для широкого распространения. Это была своего рода самокритика отдельных сторон фашистского строя и выявившихся в нем недостатков. Некоторые из высказанных в ней суждений заслуживают цитирования. В частности, в ней политический класс режима обвинялся в «создании преграды между Муссолини и фашистской массой ради того, чтобы воспрепятствовать Дуче найти новых возможных соратников: поэтому любого фашиста, обладавшего малейшей ценно-

XII

В заключение приведём несколько соображений относительно того, как проявил себя фашизм на международном уровне – в плане заключения политических союзов. Прежде всего, укажем на возможные альтернативы развития внешней итальянской политики, приведшей к сближению Италии с Германией, возникновению Оси Рим-Берлин и, наконец, к заключению «Трёхстороннего Пакта» в начале мировой войны.

Даже у тех, кто в принципе не разделяет антифашистских воззрений, в этом отношении чувствуется некий комплекс. Нет смысла скрывать, что в Италии – за исключением высших дипломатических кругов – идея сближения с Германией не пользовалась популярностью. Отчасти это было вызвано влиянием прежней идеологии, до той или иной степени охватившей все слои населения. Согласно особой «отечественной истории» либерально-масонского приготовления, проникнутой идеями эпохи освободительного движения, немец (помимо прочего, отождествляемый с австрийцем) считался извечным врагом итальянского народа (эта история в своих мистификациях умудрилась приписать «национальное значение» даже восстанию коммун против Священной Римской Империи и ее представителя Фридриха I). Однако, второй и более существенной причиной стала нетерпимость итальянской «материи» к «форме», которую пытался придать ей фашизм.

Мы уже говорили о фактическом родстве Спарты, древнего Рима и германских племен с точки зрения мировосприятия и типичных добродетелей. С другой стороны, нельзя отрицать очевидного различия между романским и «латинским» – в частности «итальянским» – темпераментом, образом жизни и мировоззрением. Поэтому, обращение фашизма к римскому символу, желание сделать его орудием политического и этического воспитания, естественно привело к пересмотру как «латинского», так и антинемецкого мифа. Говоря о первом, Муссолини позволил себе использовать такое выражение как «братства ублюдков», что до второго, то он не мог не видеть, что такие черты как дисциплина, порядок, военная выправка, любовь к авторитету и суровость, свойственные центрально-европейским народам и особенно пруссачеству, роднили их с древними римлянами в изначальный и лучший период их существования и, одновременно, существенно отличались от тех, которые возобладали в латинских народах, а следовательно, и в итальянцах. Типичными для последних были скорее индивидуализм, недисциплинированность, поверхностность, мелкобуржуазная мораль. Именно эти черты считались характерными для лубочной Италии для

стью, подвергали травле до тех пор, пока его не убеждали уйти в тень или политически стирали в порошок». Второе обвинение состояло в «применение метода смены караула в фиксированной и замкнутой системе политического сообщничества и общих материальных интересов в руководящих сферах режима: в злоупотреблении доверием Муссолини, настолько, что от него скрывали и нередко обманывали по поводу положения режима и настроения страны даже в самое критическое время, затем взваливая на плечи Дуче всю ответственность и непосредственную инициативу мероприятий и директив, ему не принадлежавших». Необходимо постоянно помнить об этом, когда заявляют (как это делает М. Bardeche), что «урок итальянского фашизма показывает нам опасности и пределы человека, изолированного от самой своей власти», «неприемлемость и опасность чистого цезаризма, к которому в конце концов пришел фашизм». Нельзя умолчать о той роли, которую сыграла в этом итальянская человеческая субстанция, о чем мы говорили ранее, своим поведением мало соответствовавшая тому идеалу, который требует суровая идея Ордена (единственное, что могло противостоять подобной изоляции).

В этой статье также высказывались претензии по поводу ведения войны: «сначала скомпрометировали ход войны, несмотря на постоянную эксплуатацию риторического иссякшего патриотизма, а затем предрешили военную катастрофу естественным отвращением ко всякому высшему испытанию, которое могло подвергнуть риску не столько судьбу нации, сколько пообеспокоить их собственную, до того времени процветающую и спокойную жизнь». Признание этих ошибок, пусть запоздалое, достойно упоминания.

туристов, с её мандолинами, гондолами, музеями, руинами, «Sole mio» и прочими атрибутами, хотя наряду с ней существовала другая Италия, где вдали от праздного взгляда продолжали жить трудолюбивые, верные древним обычаям люди³⁴.

Итак, с точки зрения идеалов наличие внутреннего сродства было неоспоримо. По этому призыв к «романизации» и фашизации нации (последняя в данном случае обрела бы положительный характер, естественно, с учётом сделанных нами ранее оговорок) в сущности был равнозначен требованию придать ей до определенной степени прусскую форму. Итальянская история знает примеры подобной политической ориентации – мы имеем в виду гибеллинство, приверженцами которого был Данте и большинство итальянской знати того времени. Поистине удивительно, что в период образования Оси фашизм не воспользовался гиббелинским мифом. Возможно, этому воспрепятствовали социальное происхождение и воспитание Муссолини и его ближайших соратников.

Как бы то ни было, из вышесказанного следует, что дипломатические связи с Германией, приведшие к возникновению Оси Рим-Берлин, могли бы иметь более прочную идейную опору, не зависящую от исторической конъюнктуры³⁵. Одновременно это проясняет скрытый смысл той нетерпимости и неприязни к сближению с Германией, доходящей до прямого противодействия, которую выказала определенная часть «итальянской расы» и даже отдельные фашисты (типичный пример: Галеаццо Чиано). Впрочем, не будем излишне односторонне истолковывать события. Само собой, сближение Италии с Германией было вызвано также наличием конкретных общих интересов, обоюдной симпатией двух «диктаторов», сродством фашистского и национал-социалистического движений в смысле их тяготения к популизму, относительно чего мы уже высказали наше суждение. Но это не отменяет сильнеешего впечатления, которое оказала на Муссолини сохранившаяся и в гитлеровской Германии преемственность с прежней традицией, этикой и концепцией германо-прусского государства.

С другой стороны, сама природа доктрины и мировоззрения, утверждаемых фашизмом, делали его естественным противником как мира европейских демократий и капитализма (высшим олицетворением которого были США), так и коммунистического мира в лице советской России – или, говоря современным языком, – как Запада, так и Востока. Поэтому, в принципе позиция, занятая Италией во время Второй мировой войны, логически вытекала из идеологии фашизма и утверждаемых им ценностей. Теоретически по этому поводу нет никаких возражений.

Соображения другого рода, которые можно было бы привести касательно войны, выходят за рамки нашей темы. Мы уже говорили, что нельзя по итогам войны судить о реальной ценности идеологии, которая привела Италию к участию в войне на стороне Германии, под знаменем трехстороннего сотрудничества. Однако, вполне правомочен вопрос о правильности ведения самой войны, в том числе в смысле реальной оценки собственных возможностей и наличия чувства меры, что относится как к Италии, так и – в большей мере – к Германии. Естественно, всяк задним умом крепок. В то время, после краха западного союзнического фронта, когда только Великобритания продолжала оказывать почти безнадежное сопротивление в предчувствии скорого поражения, мало кто сомневался в победе Германии и мог предугадать, что Италия, вступив в войну, окажется втянутой в события, на ход которых Муссолини не сможет оказать ни малейшего влияния.

³⁴ См. по этому поводу уже упомянутую нами ранее книгу «Люди и руины».

³⁵ Подобные соображения могли стать основой сближения для заключения Трехстороннего Пакта, если рассматривать японцев, (в прошлом) как нацию прямых наследников Империи божественного права, самураев (воинская знать) и их этики. Однако, это было довольно сложно, учитывая большие различия в расе, истории и среде.

(Кстати, не надо забывать, что Муссолини до последнего момента пытался избежать второй мировой войны, выступив с инициативами, которые, к сожалению, не нашли должного отклика и были отвергнуты, прежде всего, Францией. Стоит помнить и о том, что он же предлагал заключить «Четырехсторонний Пакт» (между Германией, Англией, Италией и Францией), который мог бы оказать серьёзное влияние на весь ход последующих событий, если бы не натолкнулся на эгоизм, идеологические предубеждения и узость взглядов других партнеров).

Кроме того мы полагаем, что хотя с идеологической точки зрения фронты мировой войны в целом выглядели логично, это не оправдывает проявленного Гитлером отсутствия чувства меры, его фанатизма и самой настоящей мегаломании, которые привели к столь губительным результатам. Реальной первопричиной войны стала именно его одержимость мифом народа-расы, который он жаждал объединить в едином Рейхе во главе с единым Фюрером («Ein Volk, ein Reich, ein Führer»). Вполне вероятно, картина современной Европы была бы совершенно иной, если бы Германия ограничилась возвращением позиций, утраченных после поражения в первой мировой войне и вернув себе статус великой европейской державы, сумела бы соблюсти чувство меры в своём подъеме и экспансии. Если бы она, не забывая о непримиримых противоречиях, повременила бы с началом войны, ей не пришлось бы воевать с единой коалицией (возникшей именно благодаря неосмотрительным действиям Гитлера) тех сил, с которыми при более благоприятном стечении обстоятельств можно было бы справиться по одиночке.

Однако события пошли в направлении, наиболее желательном для тех, кто, как в Германии, так и в Италии горячо жаждал военного поражения своих наций, поскольку оно означало падение соответствующих режимов³⁶. Многие события итальянской войны, наводят на горькие мысли о том, насколько их неподготовленность и непродуманность со стороны верховного командования, были вызваны саботажем или даже изменой.

Впрочем, если вы не являетесь принципиальным антифашистом, то подход должен быть совершенно иным. Прежде всего, не следует исключать возможности исправления недостатков, присущих, как фашизму, так и национал-социализму, в случае выигрыша войны. Залогом этого очистительного действия могли бы стать бывшие фронтовики. Вернувшиеся на родину ветераны первой мировой войны в ответ на царившую тогда общественно-политическую атмосферу положили начало новому движению. Точно также люди, закалённые новой войной, могли бы обновить кадры режима, исправив его отрицательные стороны, но сохранив в неприкосновенности основные идеи.

Развёрнутая в невиданных прежде масштабах послевоенная пропаганда стремится представить все события предшествующего периода как позорную страницу истории, безустанно талдыча о страшных застенках Гестапо или Овра, концентрационных лагерях и т.п., бесконечно преувеличивая, незаконно обобщая или даже попросту вы-

³⁶ Среди них – Бенедетто Кроче. Противник выступления Италии в первой мировой войне против Германии (он говорил тогда, что против Германии могли воевать лишь «слабоумные») и поклонник Гегеля, философа авторитарного прусского Государства, он, в дальнейшем не постыдился заявить в публичном выступлении о том, что желает победы врагу и даже ей способствует «мыслью, чувством и действием», подтвердив, что союзники вели не «просто войну политических и экономических интересов, но религиозную войну (sic!)» – которую генерал Эйзенхауер не побоялся назвать «крестовым походом» в Европе. Был лишь один маленький изъян – среди союзников фигурировал, и даже сыграл решающую роль в исходе войны, Советский Союз, атеистический и намеренный сражаться со всякой религией как «опиумом для народа» и «контрреволюционным» фактором. После крушения, Кроче, как и многих других антифашистов постигло горькое разочарование, о чём естественно умалчивают сегодня те, кто превозносит Кроче-антифашиста.

думывая всякие ужасы, пригодные для этой цели. Прежде всего, это касается Германии. Мы вовсе не склонны идеализировать режимы того времени и охотно согласимся с тем, что многое в них заслуживало сурового осуждения. Но не бывает революции или войны без тёмных сторон и непонятно, почему только Третий Рейх должен нести ответственность за злодеяния, в которых в не меньшей, если не в большей степени повинны зачинщики европейских религиозных войн, Французской революции или большевистского мятежа и последующего советского режима, о чём заинтересованные лица, естественно, предпочитают умалчивать. Метод приписывания противнику всех ошибок и преступлений, скрывая или отрицая при этом свои собственные, хорошо известен. Но никогда прежде он не использовался столь нагло и систематически как во время и после второй мировой войны.

Итак, учитывая сказанное нами о возможности исправления и нормализации системы, следует сказать, что никакая цена не показалась бы слишком высокой, если бы война чудом (учитывая чудовищную диспропорцию материальных сил к концу войны) закончилась бы победой. Представим себе следующую картину: вместо коммунизации европейских стран за «железным занавесом» и холодной войны между «Востоком» и «Западом», которая худо-бедно идёт по сей день – общий кризис коммунизма, который со всей вероятностью последовал бы за падением советской власти в России; вместо современной Западной Европы, униженно заискивающей перед американскими президентами в страхе за свою безопасность, присмирившие США, устранённые из европейской политики; уменьшение господства Англии, положение которой, однако, несмотря на потерю отдельных колоний, было бы не столь плачевным, как положение «победоносной» Великобритании, ставшей свидетелем распада собственной Империи (то же произошло с «победоносной» Францией); вместо нового крупного и крайне опасного очага мировой крамолы в Азии – предотвращение коммунизации Китая в результате победы Японии; сохранение европейской гегемонии за счёт обуздания повстанческого движения цветных народов, ибо никогда при «Новом Ордене», образованном во имя идей, отстаиваемых странами Оси, не развился бы противоестественный психоз антиколониализма и взбунтовавшиеся цветные не могли бы рассчитывать на поддержку со стороны Советов. Не обязательно становится «фашистом», достаточно быть человеком правых убеждений, свободным от современных предрассудков, чтобы охватив мысленным взором нарисованную нами картину, подвести итог и адекватно оценить дистанцию отделяющую её от того печального зрелища, которое представляет собой современный мир.

XIII

Мы подошли к концу нашего исследования. Надеемся, несмотря на его краткость, нам удалось указать основы для критической оценки структур и значения фашизма, рассматриваемых с точки зрения, отличной как от одностороннего его восхваления, так и от априорного поношения. Существенным для нас было введение критериев, позволяющих выйти за ограниченный горизонт, свойственный обоим вышеуказанным подходам.

В связи с этим воспользуемся случаем подчеркнуть исключительность «чрезвычайных» законов против фашизма и его пропаганды, действующих в Италии по сей день, пусть даже в несколько измененном виде.

Мы не отрицаем, что «демократия» имеет право на самозащиту при помощи законодательных мер, но только в том случае, если под «демократией» понимают определенную процессуальную политическую форму, а не однозначную догматическую доктринальную систему. Иначе, учитывая множество самых разнообразных толкований «демократии», мы сталкиваемся со странным противоречием. Сколь бы ни казалось парадоксальным, демократическая «свобода мнений» обязана признать законность исповедания и защиты антидемократических идей, ибо в противном случае она сама становится насильственным, тираническим режимом, пусть и с обратным зна-

ком. (Впрочем, многие отмечали, что ни один режим не является столь нетерпимым и фанатичным, как тот, который провозглашает «свободу»).

Демократия, как метод, имеет право бороться лишь с практической деятельностью, направленной на захват власти в государстве путём прямого насилия. Если бы упомянутое законодательство, преследуя как преступление возрождение фашистской партии, руководствовалось бы этим правилом, нам нечего было бы возразить (но не надо забывать, что в Италии фашизм пришел к власти законным путём – Муссолини получил бразды правления от монарха, также и в Германии нацизм добился успеха, победив на выборах).

Однако, обсуждаемое законодательство направлено не только на подавление определённых внешних проявлений (фашистское приветствие, чёрные рубашки, фашистские гимны и т.д.), но также расценивает как преступление «апологетику фашизма». Это – юридический абсурд, назначать наказание, не определив состава преступления – в нашем случае не дав предварительно чёткого определения «фашизма». Впрочем, отсутствие такового отчасти связано с фактической невозможностью. Читателю, следовавшему за нами до данного момента, совершенно ясно, что стремление осудить и окончательно искоренить фашизм равнозначно одновременному осуждению идей и принципов, присущих не исключительно фашизму, но сыгравших значительную роль во многих предшествующих системах. Пришлось бы признать «фашистскими» большинство государств, существовавших с древнейших времен, основанных на принципе авторитета и иерархии и не допускавших ничего подобного абсолютной демократии, либерализму или социализму.

Серьёзное законодательство по самозащите демократии, дабы не нарушить логики и не впасть в явное сектантство, должно начать с общего определения системы, конституционно для неё неприемлемой, частным случаем которой является «фашизм» (точнее отдельные стороны фашизма) и каковую, если угодно, можно назвать «тоталитарной» в указанном нами отрицательном смысле. Это определение должно иметь строго системный и объективный характер, без навешивания ярлыков. Однако, совершенно очевидно, что подобного рода законодательство в первую очередь ударило бы по коммунизму и привело бы к немедленному роспуску и запрету компартий в демократических государствах. Именно так поступили в США и поначалу в ФРГ.

Италия, приняв законодательство против фашизма, не сделала того же по отношению к коммунизму и коммунистической пропаганде (хотя известно, что в Италии компартия является активной организацией, занимающейся пропагандой, обладающей складами оружия, сетью «ячеек», пользующейся иностранным финансированием и так далее, что явно требует принятия куда более серьёзных мер, нежели против устрашающего «возрождения фашистской партии»). Это свидетельствует о специфической направленности данных законов, обусловленной не строго юридическими соображениями, но партийными пристрастиями. Практически демократия попала под влияние левых сил и коммунистов, которые, как говорилось ранее, в тактических целях готовы воспользоваться ей для её же ниспровержения в будущем, рассчитывая на невежество, загипнотизированность и низость её представителей.

В современной Италии это невежество оборачивается самой настоящей безответственностью, хотя казалось бы естественным признать необходимость организации национального движения в качестве противоядия против болезни, поразившей практически все национальные учреждения. Два выдающихся социолога Парето и Моска справедливо указывали, что в результате возникновения индустриализованного массового общества и усиления социальной сферы, современное государство почти лишилось средств для защиты своего авторитета, которыми оно располагало ранее. В чрезвычайной ситуации профсоюзы и аналогичные массовые организации трудящихся при помощи забастовок и саботажа способны настолько парализовать весь национальный организм, что не поможет ни вмешательство сил полиции, ни даже армии. Учитывая степень распространения в Италии коммунистической заразы, вполне оче-

видна необходимость создания национальным движением своего рода сети, охватывающей всю страну и способной быстро мобилизовать своих сторонников для оказания повсеместного (на заводах, в учреждениях, сфере услуг и т.д.) сопротивления в чрезвычайной ситуации. Первоочередной целью должна быть защита государства от развала и от подрыва его авторитета (даже если это «пустое государство»), а не отрицание того и другого. Вклад, который могло бы внести в решение указанной проблемы правое движение, похоже ускользает от глаз современных правителей демократической Италии (худшего политического класса из когда-либо бывших), подверженных психозу «фашизма» и способных лишь придумывать «чрезвычайные законы», поверхностность и односторонность которых мы показали.

* * *

Мы говорили в начале, что хотя в столь сжатом исследовании невозможно полностью изложить правую политическую доктрину, мы постараемся в ходе критического анализа выявить основные её предпосылки. Надеемся, что так и произошло. Однако возможно для многих результат покажется обескураживающим. Действительно дистанция, отделяющая принципиальную доктрину правых от существующей сегодня политической и идеологической реальности, выглядит едва ли преодолимой. Помимо вышеупомянутого национального движения, основной задачей которого является чуть ли не чисто физическая самооборона, где сегодня те силы, которые рискнули бы бескомпромиссно отстаивать указанные положительные стороны фашизма – с особым упором на монархическую, аристократическую и иерархическую идею – выявленные нами путём отделения отрицательных аспектов и соответствующей интеграции.

Учитывая сложившуюся ситуацию, критический анализ, подобный предпринятому нами в данной работе, имеет чисто теоретическое значение и может быть интересен лишь постольку, поскольку не только в Италии, но и во всей Европе такого исследования – не связанного партийными пристрастиями и конъюнктурными соображениями, но опирающегося на почти забытые идеи высшей традиции – до сих пор не было. С практической точки зрения ситуация может измениться лишь, если вместо окончательного развала, достигнутого силами мировой крамолы при помощи средств, предоставленных в их распоряжение демократическим законодательством, наступит подлинный кризис, который вызовет реакцию со стороны национального организма, подобно тому как в индивидуальном физическом организме при смертельной угрозе внезапно пробуждаются казалось бы уже угасшие жизненные силы. Тогда единственной альтернативой, предугаданной ещё Доносо Кортесом и упомянутой нами чуть ранее, останется выбор между «абсолютными отрицаниями» и «высшими утверждениями». На сегодняшний же день бесполезно искать в нашей работе каких-либо особых практических намерений.

В качестве заключения нам хотелось бы вкратце перечислить важнейшие черты государственного строя, который мог бы возникнуть из движения «фашистского» типа, если бы тому удалось преодолеть все колебания и путаницу, свойственные движениям прошлого, в указанном нами положительном, то есть правом смысле. Однако, следует помнить, что мы исходим здесь не из фактической действительности, которую представлял собой итальянский фашизм и схожие движения других стран в их неповторимой «историчности». Ценность и актуальность имеют скрытые возможности «фашизма», то есть – как было удачно подмечено – то, чем «он мог и должен был быть» в случае реализации определенных условий.

Первой характерной чертой такого государства является решительная и бескомпромиссная позиция против всякой демократии и социализма. Пора положить конец глупой недалковидности, трусости и лицемерию тех, кто безостановочно талдычит о «демократии», пропагандируя и восхваляя её. Демократия – это регрессивное, сумеречное явление.

Настоящее государство должно быть направлено как против капитализма, так и против коммунизма. Его средоточием должны стать принцип авторитета и трансцендентный символ верховной власти. Самым естественным олицетворением данного символа является монархия. Потребность в высшем освящении данной трансцендентности имеет основополагающее значение.

Монархия вполне совместима с «легитимной диктатурой», в соответствии с древним римским правом. Монарх может даровать (обязательно на основе лояльности) исключительные права человеку, обладающему особыми качествами и подготовкой, на время чрезвычайной ситуации или для решения особых задач.

Возможна система «авторитарного конституционализма», которая включает в себя преодоление детерминизма и мифологии так называемого «правового государства». Право не возникает из чего-то готового и не подвержено изменениям. В основе всякого права лежат отношения силы. Власть, из которой рождается всякое право, обладает правом вмешательства для устранения и изменения действующих структур в случае необходимости, свидетельствуя тем самым, что политический организм сохраняет волю и высшую власть, что он не утратил живой души, превратившись в нечто абстрактное и механическое.

Государство это первичный по сравнению с нацией, народом и «обществом» элемент. Оно (вместе со всем, принадлежащим политическому уровню и политической реальности) определяется преимущественно на основе идеи, а не натуралистических и договорных факторов.

Не договорные отношения, но узы верности и послушания, свободного подчинения и чести составляют основы настоящего государства. Ему не ведомы демагогия и популизм.

Оно органично и едино, не будучи «тоталитарным». Вышеуказанные отношения являются предпосылкой широкой децентрализации, частные свободы и автономии находятся в прямой зависимости от преданности и ответственности. В случае нарушения обязательств центральная власть в соответствии с собственной природой имеет право на вмешательство, осуществляемое с тем большей твердостью и суровостью, чем больше свободы было допущено.

Настоящее государство не признает системы парламентской демократии и партократии. Оно может позволить лишь гибкое корпоративное представительство избирательного характера в виде Нижней или Корпоративной Палаты, над которой стоит Верхняя Палата, как высшая инстанция, гарантирующая главенство политического принципа и высших (не только материальных и практических) целей.

Поэтому оно требует решительного отказа от ложной системы всеобщего равного избирательного права, сегодня доступного даже женщинам. Столь же неприемлем лозунг «политизации масс». Большинство здоровой нации не должно заниматься политикой. Фашистская триада «авторитет, порядок и справедливость» сохраняет для настоящего государства неоспоримое значение.

Политическая партия, необходимый орган движения в период борьбы и на переходном этапе, после прихода к власти и стабилизации не должна перерастать в «однопартийную» систему. Основной задачей должно стать создание Ордена, соучастника достоинства и авторитета, сосредоточенных в центре, на членов которого будут возложены некоторые из функций, свойственных в прежних традиционных режимах дворянству, как политическому классу, занимающему ключевые позиции в государстве: в армии, на дипломатических должностях и т.п., предпосылкой чего служили суровая этика и особый образ жизни. Это ядро должно стать также хранителем и

носителем идеи государства, а также не допустить «цезаристской» изоляции обладателя верховной власти.

Сфера политики и власти по самой своей природе независима от экономики и не должна подчиняться экономическим группам или интересам. Здесь уместно вспомнить слова Суллы, который говорил, что он стремится обладать не золотой утварью, но иметь власть над теми, кто ею владеет.

Необходимо провести корпоративную реформу в самом сердце мира труда и производства, то есть на предприятиях, которые должны быть органично реорганизованы и решительно освобождены от классовости и классовой борьбы, то есть, как от «капиталистического», так и пролетарского или марксистского мышления. Необходимо решительно отказаться от синдикализма как основного орудия всех беспорядков последнего времени, настоящей раковой опухоли на теле демократического государства. Согласно фашистской концепции судьей, улаживающим конфликты и недоразумения, должно быть государство. Объективность и сила этой высшей инстанции, воплощенные в соответствующих структурах, полагат конец использованию забастовок для шантажа государства, ибо уже вполне очевидно, что их целью является удовлетворение скорее политических, нежели социальных или экономических требований.

Защита принципа истинной справедливости требует отказа от пресловутой «социальной справедливости», служащей исключительно интересам самых низших слоев населения, так называемых «трудящихся» в ущерб высшим классам, что приводит к самой настоящей несправедливости. Настоящее государство должно быть иерархичным и, прежде всего, потому, что оно способно установить и заставить соблюдать истинную иерархию ценностей, утверждая главенство тех, которые принадлежат высшему, а не материально-практическому уровню и признавая законность естественного неравенства и соответствующих различий в социальном положении, возможностях, достоинствах. Оно отвергает ложный лозунг государства труда, будь то государство «национальным» или нет.

Жизненно важным условием существования настоящего государства является наличие особой атмосферы высокого напряжения, которую не следует пугать с искусственным возбуждением. Предпочтительно, чтобы каждый занимал собственное место, получая удовольствие от деятельности, соответствующей его природе и склонностям, и, следовательно, свободной и желанной как таковая, а не из практических соображений или нездорового желания прыгнуть выше собственной головы. Понятно, что нельзя требовать от всех «аскетического и воинского мировоззрения», однако, можно достичь такой интенсивности личной жизни, благодаря которой человек предпочтёт большую свободу довольству и prosperity, за которые приходится расплачиваться ограничением свободы за счёт неизбежного увеличения социально-экономических условностей. Автаркия, в указанном нами понимании, является ценным фашистским принципом. Высокой оценки также заслуживает мужественное, умеренное ограничение потребностей, а также вкус к внутренней дисциплине и антибуржуазная ориентация жизни. Совершенно недопустимо нахальное морализаторское вмешательство общественного в частную жизнь. Здесь принципом также является свобода, связанная с такой же степенью ответственности, а в целом предпочтение должно быть отдано принципам «высшей морали» перед конформистскими принципами «мелкой морали».

По сути, атмосфера настоящего государства должна быть персонализирующей, одухотворяющей и свободной. Внутренняя сила должна создавать потенциальное тяготение, заставляющее отдельных людей, группы, отдельные части и людей Ордена вращаться вокруг центра. За этим тяготением необходимо признать «анагогический» и дополнительный характер; дополнительный, так как нет ничего парадоксального в том, что истинная личность реализуется лишь там, где действуют силы, указывающие на нечто большее, чем просто личное. Короче говоря, для возникновения и су-

существования настоящего государства существенное значение играют «неуловимые» причины, нечто в своём роде провиденциальное, поскольку невозможно создать и сохранить указанную атмосферу, просто пожелав того.

В подобном государстве, благодаря соответствующему мировоззрению, народ может по мере развития достигнуть спокойствия, внутренней силы и стабильности, означающей не застой, но равновесие достигнутой силы, которая в случае необходимости способна мгновенно мобилизовать всех и дать силы для свершения абсолютного деяния.

Доктрина государства может лишь предложить ценности, позволяющие подвергнуть проверке избирательное сродство и преобладающие или латентные склонности нации. Если народ не умеет или не желает признать ценности, названные нами «традиционными» и определяющие истинное правое движение, он стоит того, чтобы предоставить его самому себе. В лучшем случае можно указать его прошлые и нынешние ошибки и заблуждения, жертвами которых он стал благодаря регрессивным процессам, а также общему и нередко систематически организованному внушению. Если и это не принесёт ощутимых результатов, значит народ испытает ту судьбу, которую он сам себе уготовил, воспользовавшись своей «свободой».

Часть II. Краткий обзор Третьего Рейха

I

В этом обзоре мы намерены лишь вкратце рассмотреть немецкий национал-социализм. Это вызвано, прежде всего, тем, что нам пришлось бы повторить многие из оценок, уже высказанных в предыдущей части, посвященной фашизму, где мы также ссылались на различные аспекты деятельности Третьего Рейха. Поэтому остановимся только на отличиях.

Первым делом необходимо иметь в виду, что в данном случае выявить конкретные принципы, обладающие внутренней ценностью, независимо от конъюнктурных соображений, по многим причинам сложнее, чем в фашизме. Во-первых, нужно отделить те отрицательные черты «нацизма», которые сегодня принято выдвигать на первый план при любом упоминании Третьего Рейха, – концентрационные лагеря, преследование евреев, ответственность за начало второй мировой войны, причуды Гитлера и т.п. Во-вторых, следует учесть, что для многих справедливую оценку национал-социализма затрудняет та чрезмерная роль, которую в Германии (в большей степени, нежели в Италии) сыграла определенная личность – Адольф Гитлер, что позволило некоторым прямо говорить о Германии того времени как о Führer-Staat, то есть «государстве Фюрера». В третьих, как за границей, так и в современной Германии многие поторопились навесить ярлык «нацизма» на весь период от распада Веймарской Республики до окончания второй мировой войны, как если бы речь шла о чем-то всецело едином и однородном. При этом совершенно не учитывают отдельные компоненты, сыгравшие свою роль в рождении и строительстве Третьего Рейха, между которыми существовали трения и разногласия (нередко достаточно серьезные), не заметные постороннему взгляду.

Поэтому в настоящем исследовании мы намерены остановиться на малоизвестных, но наиболее значимых для наших целей аспектах. Следовательно, чтобы представить всю картину целиком, имеет смысл обратиться к предшествующим событиям и рассмотреть общую идеологическую и политическую ситуацию, сложившуюся в Германии накануне прихода Гитлера к власти.

Можно не принимать в расчёт социал-демократические и либеральные силы парламентской республики Веймар, некомпетентность, слабость и несостоятельность которых становились всё более очевидными, также как их неспособность покончить с социальным кризисом, вызванном поражением немцев в войне, падением предшествующего строя, гибельными для Германии условиями Версальского договора и растущей безработицей. Воцарившаяся атмосфера упадка позволила марксизму и, в частности, коммунизму занять сильные как никогда ранее в немецкой истории позиции. Хотя главным образом это стало следствием неудачного стечения обстоятельств, однако дальнейшее развитие в том же направлении могло привести к тревожным результатам, если бы не произошли события, коренным образом изменившие сложившуюся ситуацию.

Партия Гитлера называлась Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei (NSDAP), дословно Национал-социалистическая немецкая рабочая партия, что дает ясное представление об основном направлении, в котором намеревался развернуть свою пропагандистскую деятельность Гитлер. Он пытался завоевать массы немецких рабочих и отвлечь их от интернационального марксизма, предложив вместо него «национальное», «немецкое» решение их проблем. По мнению многих авторов, соединение или синтез «национального» и «социального», или «социалистического» (предсказанный уже Сорелем) был характерной чертой различных «фашистских» движений прошлого. Мы допускаем, что отчасти именно эта формулировка позволила Гитлеру добиться успеха и создать крупную массовую партию, позволившую ему диктовать свои условия. Однако, излишне говорить, что подобная трактовка упрощает события и упускает из вида наиболее интересные с нашей точки зрения моменты. Поясним свою мысль на примере Германии.

Прежде всего, следует разобраться с тем, что собственно Гитлер подразумевал под «национальным». Для этого необходимо обратиться к некоторым из его предшественников. Надо сказать, что в принципе в Германии почти отсутствовал демократический массовый национализм современного типа. Первым заразил Германию этой болезнью Наполеон, «революционер-империалист». Собственно националистические чувства пробудились в немцах – вне традиционных лояльно-династических структур, центром тяжести для которых было государство, а не «народ» или «нация» – именно во времена освободительных войн против французских захватчиков. Впрочем, этот демократический «национализм» свёлся к кратковременному существованию франкфуртского парламента, созданного в 1848 г. в ответ на разгул революционных движений, свирепствовавших тогда по всей Европе (примечательно, что король Пруссии Фридрих Вильгельм IV отверг предложение парламента встать во главе всей Германии, поскольку, приняв его, он тем самым признал бы демократический принцип – власть, вручаемую народным представительством, – отказавшись от своего легитимного права, пусть и ограниченного только Пруссией). Бисмарк, создавая Второй Рейх, также строил его не на «национальной» основе, считая что подобная идеология может привести к опасным потрясениям в общеевропейском масштабе, а консерваторы из Kreuzzeitung считали национализм «натуралистическим» и регрессивным явлением, чуждым более высокой традиции и концепции государства.

Однако, нас больше интересует здесь другое течение, на первых порах не имевшее особого влияния. Прежде всего, следует прояснить смысл, который вкладывали в понятие «народническое!» (по-немецки *völkisch*), имевшее хождение в этих кругах. В данном случае мы имеем дело с «этническим национализмом», поскольку под понятием Volk (от которого происходят *völkisch* и *Volkstum*) понимали некую сущность, обусловленную общим происхождением, идентичность которой сохранялась на протяжении долгого времени. Здесь можно вспомнить и романтическую концепцию нации и понятия Volk, сформулированную Фихте в его «Речах к немецкой нации», также отчасти связанных с освободительным движением. После Фихте эту тему продолжили Арндт, Ян и Ланге. Уже в 1849 г. появились на свет *Deutschbund* и *Völkische*

Bewegung. Идея нации-расы не ограничивалась «внутренним пользованием», но временами приобретала пангерманский характер. Во имя Volk нередко проповедовали антисемитизм. Отчасти именно в этом движении берёт свои корни немецкий «расизм».

Как бы то ни было, для немцев «национальное» значило нечто иное, чем для остальных западных народов. Понимание «национального» как *völkisch* можно считать одним из важнейших элементов гитлеризма. Гитлер всегда говорил о Volk, лозунгом Третьего Рейха стал Volksgemeinschaft, то есть общность Volk, народа-расы, что, как мы увидим в дальнейшем, привело к возникновению довольно проблематичной ситуации.

Поэтому связь между «национальным» и «социальным» имела для Гитлера особый характер. С одной стороны, он клеймил марксизм как антинациональное движение, гибельное для немецкого Volkstum, с другой – взывал к расово-национальной немецкой гордости, провозглашая «национальный социализм», ориентированный, как свидетельствует первоначальное название партии, в первую очередь на массы и рабочие классы. Итак, это было первой составляющей нацизма. Состояние «лишённости корней» и отчуждения индивидуума и масс окружались своего рода мистическим ореолом.

Перейдем к следующим составляющим, различным как по духу, так и по происхождению. Ситуация, сложившаяся после первой мировой войны в Германии, ощутило отличалось от происходящего в Италии. Как было сказано, Муссолини пришлось начинать практически с нуля. Укрепляя государство и противостоя красной крамоле, он не мог опереться на традицию в высшем смысле этого слова. Собственно говоря, под угрозой оказалось лишь дальнейшее существование либерально-демократической «Италянии» образца 19 в. с её идейным наследием периода Рисорджименто, густо приправленным идеями Французской революции, с монархией, которая царствовала, но не правила, и окончательно расшатанным сословным устройством. В Германии дело обстояло иначе. Даже после военного поражения и революции 1918г., несмотря на глубокий социальный кризис, там сохранились институты, имевшие глубокие корни в иерархическом (отчасти феодальном) мире – основанном на принципах государства и его авторитета – и причастные древней традиции, в частности пруссачество. Именно благодаря этой традиции центральные Империи выглядели в глазах западных демократий «невыносимым обскурантистским пережитком». Действительно, в центральной Европе идеи Французской революции никогда не имели столь широкого распространения, как в других европейских странах.

После 1918 г., накануне прихода Гитлера к власти как раз интеллектуалы, опиравшиеся на традиционное наследие, предприняли попытки к созданию нового движения, нацеленного одновременно на возрождение и обновление. Революцию они понимали не как прогрессистское, подрывное действие, но как устранение всего негативного, одряхлевшего и истощившего свои изначальные жизненные силы под напором новой индустриальной эры. Именно тогда возникло часто используемое сегодня выражение «консервативная революция». Речь шла не о простом возврате ко вчерашнему, ибо сохранению подлежали не определенные исторические формы, но принципы, имевшие незыблемую ценность, Мёллер ван ден Брук (умер в 1925 г.), один из основных представителей этого течения, писал: «быть консерватором не означает привязанность к прошлому; это значит – жить и действовать, исходя из принципов, имеющих вечную ценность». В указанных кругах преобладала

Взятый на вооружение Гитлером термин «Третий Рейх» придумал именно Мёллер ван ден Брук, так называлась одна из его книг, вышедшая в 1923 г. (другая его работа, опубликованная после смерти, называется *Das ewige Reich*, то есть «Вечный Рейх», и возможно некоторые «тысячелетние» причуды Гитлера связаны именно с ней). В этих кругах также имела хождение идея «тайной Германии» (*Geheimen Deutschland*),

живущей в вечности и должной воскреснуть к новой жизни. Первым Рейхом была Священная Римская Империя, вторым – немецкая Империя, основанная Бисмарком в 1871 г. и просуществовавшая во главе с Вильгельмом II до конца первой мировой войны. Третий Рейх должен был возникнуть благодаря преодолению всего не аутентичного, существовавшего в Империи Вильгельма. Таким образом, Веймарскую Республику рассматривали как период простого междуцарствия, место было свободно для нового политического творения. Подобного рода идеи распространялись главным образом в интеллектуальных кругах. Однако, их также можно считать идейными предшественниками».

Другое направление, зародившееся в среде так называемого «фронтowego поколения», отражало, прежде всего, экзистенциальные аспекты. В Германии начала послевоенного периода широкой известностью пользовался Э.М. Ремарк, автор печально известной, пораженческой книги «На западном фронте без перемен», но в ней существовал и анти-Ремарк, исповедовавший веру воинов, для которых война как опыт была не тем, что их «разрушило, даже если снаряды их пощадили» (слова Ремарка), но, скорее, испытанием, ставшим для лучших началом процесса очищения и освобождения. Схожие идеи высказывали Томас Манн, Франц Шаувекер, Г. Фишер, но в первую очередь Эрнст Юнгер, который прежде чем стать писателем, ушёл на фронт добровольцем, где получил множество наград и ещё больше ранений. Для Юнгера Великая война была разрушительной и нигилистической лишь по отношению ко всему риторическому, «идеализму» громких лицемерных слов, буржуазной концепции жизни. Для части поколения она, напротив, стала началом «героического реализма», закалкой, где «в стальных грозах» обрёл форму новый тип человека, описанного Юнгером, которому, по его мнению, должно было принадлежать будущее, Юнгер продолжал развивать аналогичные идеи и в послевоенное время в книге «Der Arbeiter»³⁷, вызвавшей бурный отклик в Германии незадолго до прихода Гитлера к власти. Не столь консервативно настроенный, как другие представители вышеупомянутых течений, он настаивал на том, что прежде посредством «позитивного нигилизма» необходимо достичь нулевой отметки всех ценностей буржуазного мира; но и для него конечной перспективой являлось создание Третьего Рейха, хребтом и формирующей силой которого должен был стать новый человеческий тип.

Помимо этих теоретических разработок, «не сломленное фронтowego поколение» к тому времени уже создало так называемые *Freikorps*, добровольческие формирования, которые сразу после 1918 г. сражались против большевизма на границах восточных и балтийских регионов (где прославилась бригада под командованием Г. Эрхардта) и в самой Германии, внося свой вклад в подавление попыток коммунистической и «спартаковской» революции.

На политическом уровне более существенную роль имели силы бывших фронтовиков правого национального движения, объединившиеся в [Stahlhelm](#) («Стальной Шлем») во главе с Зельдте и Дюстербергом, и политическая партия «Немецких националистов» (DNVP) во главе с Гутенбергом. К ним, естественно, примкнула основная традиционная и консервативная сила, *Reichswehr*, армия. Хотя формально она подчинялась законному правительству Веймарской республики, но в душе не приняла нового режима, сохранив идеи, идеалы и этос прежней традиции, сформировавшей офицерское сословие. Рейхсвер подобно пруссачеству считал себя не просто военной силой, стоящей на службе у парламентского буржуазного режима, но представителем особого мировоззрения и политической идеи. Эту позицию, отмеченную хорошо развитым чувством чести и дисциплины, рейхсвер сумел сохранить и в последующие годы тяжелых испытаний, выпавших на долю Третьего Рейха.

³⁷ Русское издание: Юнгер, Э. Рабочий, господство и гештальт. – СПб., 2000. – 539 с. См. также: Эвола Ю. «Рабочий» в творчестве Эрнста Юнгера». – СПб., 2005. -192 с.

Представителем рейхсвера был президент республики, фельдмаршал Пауль фон Гинденбург. Существовали естественные, традиционные связи между армией и аристократией (основным центром которой был берлинский Клуб Господ – Herrenklub), особенно с юнкерством; большинство дипломатов, высокопоставленных чиновников и крупных промышленников также придерживалось правых взглядов.

II

В предыдущей главе мы описали существовавшие в Германии накануне прихода к власти национал-социалистов антимарксистские и антидемократические движения. «Консервативная революция» имела реальные шансы на успех, если бы они сумели договориться между собой и, самое главное, если бы среди них нашлись люди, способные реально оценить ситуацию и возглавить общее движение после похорон Веймарской республики и падения социал-демократии.

Однако этого не произошло. Влияние Гитлера на массы росло. После выборов 1930 г. он стал главой крупной массовой партии, имевшей представительство в парламенте (107 голосов в Рейхстаге), и этим нельзя было пренебречь.

Именно тогда произошли события, приведшие в дальнейшем к роковому исходу. Постепенный захват Гитлером власти происходил при полном соблюдении законности; ему не понадобилось ничего, вроде фашистского Похода на Рим. Вышеперечисленные правые силы, ещё сохранявшие прочные позиции, сочли лучшим решением сотрудничество с ним. Впрочем они намеревались использовать национал-социализм как средство для достижения своих целей, тогда как Гитлер, в свою очередь, осознал невозможность дальнейшего продвижения без союза с немецкими националистами и центром. Поэтому Гинденбург по совету фон Папена, также представителя правых, назначил Гитлера канцлером, а сам фон Папен стал вице-канцлером. В состав первого кабинета министров вошли Зельдте, Дюстерберг, фон Нейрат, Шверин фон Крозиг, фон Бломберг и другие представители правых. По их мнению, этого было достаточно, чтобы в крайнем случае поставить Гитлера на место. С другой стороны, все основные события, ускорившие развитие ситуации и создавшие предпосылки для образования нацистского тоталитарного Рейха, произошли в то время, когда Гинденбург по-прежнему занимал пост главы государства, с его одобрения и согласия. Так как первоочередными задачами правые также считали объединение национальных сил, уничтожение крамолы и аморфного демократического парламентаризма, Гитлеру развязали руки.

Первый шаг был сделан в феврале 1933 г. После поджога Рейхстага (кто это сделал, осталось невыясненным до сих пор, но тогда вину свалили на коммунистов) был принят «Закон о защите народа и государства», направленный в первую очередь против коммунистов. В нём предусматривалось также временное приостановление действия отдельных статей конституции. Подписанный Гинденбургом он имел полностью легальный характер. Однако, незаконной была последовавшая за этим акция против коммунистов, поскольку в ней кроме сил полиции по собственной инициативе приняли участие гитлеровские СА и СС, что привело ко многим эксцессам. Тем не менее, оценивая эти события с точки зрения правых, мы вынуждены признать, что в любом государстве, достойном так называться, подобные меры в данных условиях вполне допустимы. Именно потому, что к вящей славе демократии, в послевоенной Италии не были предприняты аналогичные меры, раковая опухоль коммунизма приняла угрожающие размеры и столь крепко укоренилась в итальянской земле, что удалить ее способна, пожалуй, лишь гражданская война. Послевоенная Западная Германия проявила большую предусмотрительность и решительность в данном вопросе: с точки зрения самой демократии, но лучше понятой демократии, деятельность компартии была запрещена.

После роспуска Рейхстага, состоялись новые выборы и парламенту уже на втором заседании предложили одобрить так называемый Ermächtigungsgesetz, то есть закон, предоставлявший Гитлеру и его правительству чрезвычайные полномочия за счёт «народного представительства» в либерально-демократическом смысле, Закон был принят 441 голосами «за» при 94 – «против», при этом в голосовании кроме национал-социалистов участвовали депутаты правых и центристы, не было лишь коммунистов и социалистов, но даже их присутствие не смогло бы повлиять на исход голосования, так как необходимое большинство в две трети было обеспечено.

После принятия этого закона Гитлер мог спокойно приступить к осуществлению своих замыслов. Гинденбург, по-прежнему оставаясь главой государства, одобрил роспуск отдельных партий под предлогом так называемого Gleichschaltung, то есть объединения различных политических сил в единый национальный фронт для возрождения Германии. Подчинившись новому призыву к единству, самораспустились также Stahlhelm и правая организация немецких националистов. Наконец, 14 июля 1933 г. многопартийность официально была отменена законом, запрещающим членство в любой другой партии кроме национал-социалистической. Таким образом, на смену пришла «однопартийная» система с единственной партией как политической организационной силой Рейха.

Говоря о фашизме, мы уже высказывали своё мнение по поводу подобной системы. Однако, в данном случае необходимо особо отметить, что роспуск многопартийного парламента не сопровождался как в Италии созданием Корпоративной Палаты или аналогичного органа. В принципе отдельные лица или чиновники могли выражать иные взгляды, но последнее слово всегда оставалось за Гитлером; на законодательном уровне настоящий совещательный орган отсутствовал. Те, кто надеялся, что будущий Рейхстаг станет хотя бы выразителем различных внутривластных тенденций, потерпели полное фиаско. Все возникавшие в дальнейшем в нацистском Третьем Рейхе трения и разногласия, иной раз столь значительные, что его единство и сплочённость казалась чудом, неизменно ограничивались высшими партийными кругами: между Герингом и Геббельсом, Риббентропом и Гиммлером, Леем и отдельными представителями крупной промышленности, не говоря уж об отношениях между рейхсвером и СА, поначалу крайне резких, о чём мы более подробно поговорим в дальнейшем.

Вышеупомянутый закон, предоставивший Гитлеру все полномочия, оставался в силе до самого конца 1945 г., вместо четырёх лет, запрошенных Гитлером на «национальное возрождение», Хотя мы не разделяем идолопоклонства пресловутого «правового государства» либеральной выделки, подобное поведение безусловно неприемлемо. Временные меры, допустимые в чрезвычайных условиях, нельзя увековечивать в законодательном порядке. Это правило необходимо соблюдать и в авторитарном правом государстве во избежание «диктаторского» произвола; его нельзя подменять этическими узами, по необходимости неопределёнными и гибкими, которые связывают вышестоящего и подчинённого, требуя от первого прямой ответственности, а от второго – доверия и преданности. Неотъемлемым условием является наличие вышестоящего авторитета, хотя бы в том виде как его представлял Гинденбург.

Во время правления Гинденбурга Гитлер предпринял ещё одну инициативу, носившую антитрадиционный характер: он распространил действие Gleichschaltung на Земли, то есть отдельные региональные единицы, пользовавшиеся частичной автономией и суверенитетом, подобно княжествам, королевствам и вольным городам, объединённым на федеративном принципе во второй Рейх, центром которого была Пруссия. Автономии были одна за другой упразднены, отдельные Земли объединены под общим руководством, тем самым уподобившись Gau (Gaue) – округам, во главе которых стояли функционеры центрального правительства Рейха, а не представители соответствующих сообществ. Первой этой судьбе подверглась Пруссия, чему, к сожалению, способствовал фон Папен, представитель правых. Гинденбург также ничего не возразил против. В результате, восторжествовали централизм и уравнилов-

ка. Оправданием вновь послужила необходимость тотальной мобилизации всех сил в целях максимальной эффективности. Особый упор делался на то, что впервые за свою историю Германия объединилась как «нация» (в смысле современного национализма). Однако, по нашему мнению, негативный аспект подобной инициативы совершенно очевиден. Органичной и качественной, в высшем смысле традиционной была именно прежняя система, при которой вышестоящая центральная власть находилась в гибкой взаимосвязи с мелкими политическими единицами, обладавшими частичной автономией. В этом отношении Германия служила образцом для всех европейских наций³⁸.

Нельзя обойти вниманием эпизод, подтверждающий лицемерие гитлеризма первоначального периода. Мы имеем в виду события, произошедшие 30 июня 1934 г. В этот день, точнее ночь, прозванную «ночью длинных ножей», усилиями главным образом СС были устранены отдельные личности. Среди них фигурировали представители различных политических направлений: от генерального экс-канцлера фон Шлейхера до таких представителей правых как фон Безе, фон ден Декен, фон Альвенслебен, секретарь фон Папена, Эдгар Юнг. Но основной смысл операции заключался в следующем: среди СА, коричневых рубашек, возглавляемых Эрнстом Рёмом, распространилась идея «второй революции» или второй стадии революции, направленной на уничтожение «реакционных групп», то есть правых, а также против сговора Гитлера с «баронами армии и индустрии». Главный удар был направлен на рейхсвер, его высший состав, связанный с аристократией и юнкерами. Рейхсвер, сохранившийся от прежнего режима, хотели заменить новой «народной армией», революционным Volksherr чисто национал-социалистического духа (подобную идею сегодня проводит в жизнь маоистский Китай), а старый реакционный тип офицера – новым «политическим солдатом» национал-социализма. Таким образом, 30 июня 1934 г. по сути можно считать уничтожением внутривластного радикального течения и предполагаемых зачинщиков заговора. Распростился с жизнью Рем, глава СА и близкий друг Гитлера, а также Грегор Штрассер, организатор штурмовиков в Берлине. Показательно, что Гинденбург, имея в виду лишь данный аспект акции Гитлера, за которой последовало разоружение СА, что явно шло на пользу его классу, не постеснялся поблагодарить Гитлера за его «мужественное выступление против предателей», пытавшихся подорвать единство Рейха. Геринг также получил от него благодарственное письмо, составленное в схожих выражениях.

После смерти Гинденбурга (2 августа 1934 г.) события ускорились. Изменили конституцию, что привело к возникновению чисто тоталитарного Führer-Staat (государства Фюрера). Гитлер отомстил за себя, объединив в своём лице должность президента Рейха (занимаемую Гинденбургом) и канцлера (пост, который он уже занимал), оставшись при этом руководителем национал-социалистической партии. Впрочем, это также было осуществлено законным демократическим путем. Большинство в 90% голосов (что нельзя объяснить лишь принуждением, так как в других областях, остававшихся под иностранным контролем, результаты голосования практически не отличались; причины чего, по видимому, кроются в поразительном влиянии пропаганды) национальный референдум одобрил нововведение. Таким образом, Гитлер стал вдобавок главнокомандующим вооруженными силами и ему приносили присягу «безоговорочного послушания», что, учитывая огромное значение присяги в традиции, служило весомым залогом в дальнейших событиях.

³⁸ Немецкая «национальная» унификация, осуществленная Гитлером, (также как и объединение Италии фашистами) существенно отличалось от того, как подобное мероприятие в той же Германии провёл Бисмарк в период создания Второго Рейха: при нём объединение имело органичный характер и шло сверху на основе соглашения правителей отдельных земель, сохранивших свою традиционную структуру, а не через «народ»; в противоположность этому объединение Италии произошло в период так называемого Воссоединения под знаменами идеологий Французской революции и соответствующего «национализма».

Можно сказать, что в некотором отношении Третий Рейх был народной диктатурой. Власть находилась в руках отдельной личности, но не имела высшего узаконения, так как её «легитимность» основывалась исключительно на народе и его согласии. В этом состоит суть так называемого Führerprinzip. Тем самым была предпринята попытка возродить традиции древних германцев, восстановить узы верности, объединяющие вождя и его воинов. Однако забыли о следующем: во-первых, в те времена подобные отношения устанавливались лишь в чрезвычайных обстоятельствах или для достижения конкретных военных целей, то есть пост Führer'a (dux или heretigo), как и должность диктатора в изначальный римский период, не был постоянным; во-вторых, договор заключался с предводителями отдельных племён, а не с массой – Volk; в третьих, в древнегерманском обществе помимо вождя, обладающего исключительными правами в указанных обстоятельствах и имеющего право требовать безоговорочного повиновения – помимо dux или heretigo – существовал rex, обладающий верховным саном, благодаря своему происхождению. Мы уже упоминали об этом, говоря о «диархии», установившейся в фашизме вследствие существования монархии, и признали положительное значение подобного решения проблемы. Гитлер испытывал непреодолимую неприязнь к монархии, а его полемика, направленная в частности против Империи Габсбургов, зачастую носила невыносимо вульгарный характер. Для него принципом законности служил лишь Volk, прямым представителем и вождем которого он являлся и который должен был беспрекословно ему подчиняться. Никакого более высокого принципа он не признавал. Таким образом, его режим с полным правом можно назвать народной диктатурой, укрепившийся за счёт режима однопартийности и мифу Volk. Как мы увидим в дальнейшем, не только древние германские традиции, но и сама концепция расы и Рейха были перенесены Гитлером на уровень масс, что привело к деградации и извращению данных идей. Тем не менее, именно благодаря этому они стали могущественным оружием. Успех Гитлера во многом основывался на том, что он дал массам, народу идеи и символы высшей германской традиции, которые, несмотря ни на что, сохранили силу в коллективном подсознании.

Учитывая сказанное, понятно, что в этом отношении нацистский Третий Рейх не имел положительной ценности, независимой от исторической конъюнктуры. Всё вращалось вокруг одного человека, обладавшего исключительными способностями захватить, увлечь, активизировать и фанатизировать народ. По словам многих, он сам нередко напоминал одержимого: создавалось впечатление, что за него действовала некая сверхъестественная сила, наделявшая его ясной, железной логикой в действии, но лишавшая его чувства меры. Этим Гитлер заметно отличался от Муссолини, который лучше умел сохранять контроль над ситуацией и самим собой. Естественно для режима настолько сконцентрированного на Фюрере как нацистский Третий Рейх стабильное будущее было невыносимо; самое большее могло возникнуть нечто вроде правления народных трибунов. Но в реальности, даже в случае успешного завершения войны, после смерти Гитлера образовалась бы пустота. Невозможно изготавливать по приказу и серийно людей, которые обладали бы исключительными чертами, обеспечившими Гитлеру власть и сделавшими его центром тяжести всей системы. Führer-Staat неизбежно должен был уступить место иному порядку. Пока Гитлер был жив и судьба была к нему благосклонна, его животворящая сила обеспечивала единство целого и до последнего часа заставляла людей приносить невыносимые жертвы. Однако полный идеологический коллапс, в котором оказалась Германия после 1945 г. (несравнимый с тем, который последовал за поражением в первой мировой войне), когда напряжение спало, свидетельствует о том, сколь поверхностно, несмотря на «мифы» и жёсткую тоталитарную организацию, было магнетическое воздействие на массу.

Именно в период становления Führer-Staat, начавшийся после смерти Гинденбурга, отдельные представители «консервативной революции» ясно осознали контраст между своими идеалами и новым государством, которое их фальсифицировало и профанировало, тем самым, разорвав связь с прежней традицией. Некоторые из них покинули Германию (как Герман Раушнинг, бывший нацистский президент данциг-

ского сената, в 1938 г. опубликовавший за границей книгу под названием «Революция нигилизма: за фасадом Третьего Рейха», в которой он подверг Третий Рейх резкой критике³⁹), другие остались, но замкнулись в молчании или занялись литературной деятельностью (как Юнгер или фон Заломон), третьи подверглись преследованиям. Те же, кто остался на службе у режима (к слову сказать, таких было немало), надеялись, что в будущем возобладают те положительные тенденции, которые всё же существовали в Третьем Рейхе и отчасти были связаны с их идеями.

На самом деле, прусской традиции было свойственно действовать при помощи народа, но удерживая его на расстоянии, а не через народ, следуя за ним после его соответствующей политизации и активизации согласно якобинской модели. Указанный принцип лежал в основе так называемого «прусского социализма» или «социальной монархии» Гогенцоллернов. *Führer-Staat*, черпавшее свой авторитет (по крайней мере, с точки зрения официальной идеологии) из массы или коллектива *Volk*, с нераздельным двучленом *Volk-Führer*, противоречило принципам, на которых строилась Пруссия и создавался Второй Рейх. Действительно, Пруссия была делом рук династии, опиравшейся на знать, армию и высшую бюрократию. Основополагающим элементом была не «нация», не *Volk*, но государство, более чем земля или этнос, служащее подлинной основой и объединяющим принципом. Ничего подобного в гитлеризме (хотя бы в плане общей политической идеологии) не существовало. Государство считалось чем-то второстепенным, средством. Организующей, движущей и ведущей силой должен был стать *Volk* во главе с *Führer*'ом, его представителем и олицетворением. Поэтому правы те, кто проводит различие между доктринами национал-социализма и итальянского фашизма, так как фашистская доктрина, несмотря на то, что в Италии не существовало традиции аналогичной прусской, признавала главенство государства над «нацией» и «народом». Некоторые нацистские писатели, зачарованность которых равнялась забвению собственной истории, считали эту сторону фашизма «романской» чертой, чуждой «немецкой натуре». Подобное отношение стало одной из причин нападков на государственные наднациональные структуры, аналогичные существовавшим в Империи Габсбургов. *Ein Reich, ein Volk, ein Führer* – то есть единый народ, сплочённый в единый Рейх и идущий за своим Фюрером – вот главный лозунг системы, слепое упрямство которой в стремлении собрать всех немцев, живущих за пределами Германии, стало одной из причин, приведшей (после мимолётного миража *Großdeutschland*, Великой Германии) к авантюре, закончившейся катастрофой. Кроме того, он нёс в себе внутреннее противоречие, которое неизбежно вышло бы на поверхность, если бы, вследствие возрождения пангерманских идей или экспансионистской теории «жизненного пространства», Третьему Рейху удалось бы установить власть над территориями, находящимися за границами *Deutschtum* – немецкого этнического пространства – в рамках которого этот лозунг мог сохранять свой смысл.

³⁹ Герман Раушнинг, безусловно, принадлежит к числу наиболее одиозных фигур, непосредственно повлиявших на зарождение целого ряда мифов о нацизме. Эмигрировав из Германии в 1938 году, этот авантюрного склада человек начал сотрудничать с «военной партией» Черчилля, оформив контракт на написание серии антигерманских памфлетов. Работу финансировали влиятельные еврейские круги. В результате, на свет появилось несколько сомнительных книг, наиболее известные из которых – «Говорит Гитлер» и «Зверь из Бездны». В них Раушнинг утверждал, что Гитлер в ходе доверительных бесед сообщил ему свои планы по завоеванию мирового господства, тотальному уничтожению христианства и умерщвлению целых народов. Автор изобразил Гитлера орудием сатаны (в буквальном смысле). Несмотря на очевидную сенсационность и сомнительность, тексты Раушнинга были привлечены в качестве «надежных свидетельств» в ходе Нюрнбергского процесса. Книги Раушнинга наполнены истинными цитатами из «Майн Кампф», приписанными Гитлеру чужими словами и выдумками противников национал-социализма. Утверждение автора о том, что он «более ста раз» лично беседовал с Гитлером, было давно легко опровергнуто многочисленными воспоминаниями и документами германских архивов, из которых явствует, что Раушнинг виделся с фюрером всего 4 раза исключительно по рабочим вопросам, постоянно в присутствии третьих лиц и ни разу с ним лично не беседовал. – Прим. ред.

Эрнст фон Заломон, писатель, служивший в дивизии генерала Эрхардта и участвовавший в убийстве В. Ратенау, так вспоминал об этом периоде: «Мы понимали, что первая серьёзная попытка национального движения, предпринятая сверху, со стороны государства изменить ситуацию в Германии (о чём мечтали деятели «консервативной революции») провалилась по вине этого человека, Адольфа Гитлера»⁴⁰. Однако, он, как и другие (например А. Мёлер) признаёт, что причиной было нежелание правых (а также отсутствие соответствующих способностей) воспользоваться теми же средствами, к которым прибегнул Гитлер для завоевания масс. Бессовестное использование масс, политизированных и доведённых до фанатизма при помощи пропаганды, претило их антидемагогической ментальности и казалось им «грязным» делом. Поэтому они уступили Гитлеру, который понял, что требовала сложившаяся ситуация. Как мы уже говорили, правые – хранители традиции – сделали ошибку, считая, что смогут использовать Гитлера в своих целях (как в свою очередь король Италии надеялся руками Муссолини совершить национальную революцию). В действительности, как мы видели, всё произошло наоборот.

III

Впрочем, несмотря на разрыв с прусской государственной традицией, в Третьем Рейхе сохранилось немало основных черт прусского характера и образа жизни. Именно они в период образования Второго Рейха, после того как Пруссия перестала быть независимым королевством оказали значительное влияние на формирование других областей Германии. Поэтому, если мы хотим найти конечную формулу успеха Третьего Рейха, необходимо обратиться к слиянию двух факторов. Первым стала фанатизация Volk, массы, с культом своего Führer'a, нередко доходившим почти до истерии. Достаточно вспомнить празднование Дней Партии в Нюрнберге и выступление Гесса, заместителя Фюрера, истерично скандирующего: «Германия – это Гитлер! Гитлер – это Германия!», и поддерживаемого неистовыми воплями сотен тысяч глоток – явное свидетельство подлинной одержимости. Однако, кроме фанатизма, разжигаемого великолепной постановкой грандиозных массовых собраний, которые оставляли поистине неизгладимое впечатление, существовал второй фактор – «пруссский» дух. Его также старались сохранить как в коллективе, так и в самих партийных образованиях. Неизменным же хранителем этого духа оставался рейхсвер, «интегрированный» в Третий Рейх, но сохранивший при этом внутреннюю автономию и пытающийся держаться на определенной дистанции, когда Гитлер, честно говоря довольно сомнительным путем отстранив от командования генералов фон Бломберга и фон Фрича, сам занял их место.

Взаимодействие этих двух факторов обеспечивало единство гитлеровского государства и исключительную жертвенность его граждан. Глупо думать, что своим существованием оно было обязано лишь режиму террора и насилия. Этим не объяснить множество свершений и искреннего восхищения иностранцев, посетивших Германию, например, во время Олимпиады 1936 г., а также мужества, проявленного всем населением и армией, так что понадобилось шесть лет беспощадной войны и объединения почти всего мира в единый фронт для победы над Третьим Рейхом. Немцы держались до последнего, не жалуясь и не возмущаясь, подобно чудесной птице Феникс возрождаясь из пепла после каждого поражения. Гитлерюгенд – юноши, мобилизованные отнюдь не под дулом Гестапо, участвовали в безнадежной защите Берлина и отважно вступали в бой с чудовищными советскими танками Т-34, и всего

⁴⁰ Тот же фон Заломон, выражая мнение других представителей своей группы, добавляет: «Любая попытка перенести основной акцент с государства на народ, с авторитета на коллектив должна считаться абсурдной и подлым предательством подлинных интересов национального движения.... С точки зрения истории, не существует никакой связи между концепцией государства и популистским понятием национальной сущности: к сожалению, этого не поняли, благодаря тому дезориентирующему обстоятельству, что популистский лозунг говорил тем же языком, претендуя на роль обновлённой концепции государства».

одним подразделением вынудили отступить американскую танковую дивизию, нанеся ей тяжелые потери и заслужив Железные Кресты. Конечно, во многом это связано с фанатизмом, разжигаемым мастерством «великого мага», однако, одного этого объяснения явно недостаточно. Нельзя забывать о любви к дисциплине, духе безличного, героического самозабвения и верности, то есть о тех явлениях, которые связан со вторым из вышеуказанных факторов. Естественно, следует принять во внимание и мнение тех, кто обвинял Гитлера в злоупотреблении врожденными склонностями немцев, что толкнуло их на путь, ведущий к катастрофе.

Впрочем, подобные вопросы выходят за рамки нашего исследования. Поэтому попытаемся вкратце рассмотреть и дать оценку отдельным сторонам Третьего Рейха и его учреждениям.

В области социальной защиты малообеспеченных слоев населения гитлеровская Германия обогнала все нации. С ней могла поспорить лишь фашистская Италия. Этот аспект являлся одним из важнейших факторов политики Гитлера, стремившегося привлечь на свою сторону рабочий класс, которому он гарантировал максимум буржуазного благосостояния; одарив же его пошлым титулом «аристократии труда», он обеспечил его особую «сознательность». При этом, нередко забывали о чувстве меры и необходимости соблюдения дистанции во избежание наплыва самонадеянного плебса, который как настоящая чума наших дней расплодился в «обществе потребления». Массы Volksgenossen (соотечественников, букв. «народных товарищей»), «арийцы» из KdF (Kraft durch Freude – «Сила через радость», организация, занимавшаяся вопросами досуга, отдыха и развлечений), самонадеянность развитого и «депролетаризованного» берлинского рабочего вызывали дрожь ужаса при мысли о будущем Германии при подобном развитии⁴¹.

Отдельные нацистские мероприятия, направленные на укрепление национал-социалистической солидарности, нередко имели принудительный характер, хотя им хотели придать видимость спонтанных. Наиболее неудачным в этом плане стало введение Arbeitsdienst, то есть трудовой повинности, которая законом от 25 июня 1935 г. была признана обязательной для всей молодежи, без различия пола. Благодаря стремлению сплотить Volksgemeinschaft, то есть народное сообщество, под знаменами Volk (не без привкуса якобинского садизма), трудовая повинность, сначала добровольная, стала обязательной для всех. Каждому молодому человеку вменялось в обязанность заниматься физическим трудом в течение определенного времени в обществе сверстников, принадлежащих к различным слоям общества (так девушка из аристократической семьи могла оказаться рядом с крестьянкой или работницей на ферме или заводе). Естественно, нередко результат этого «средства национал-политического воспитания» оказывался прямо противоположным. Это не единственный случай тоталитарного вмешательства общественного в частное, что, на наш взгляд, заслуживает отрицательной оценки. Мы уже говорили об этом, рассматривая аналогичные мероприятия фашизма, как например, его концепцию морализаторского «этического государства», демографическую кампанию, практически категорическое предписание обращения в разговоре на «voi»⁴². Неоспоримо наличие в нацизме пролетарского аспекта, что проявлялось в самой личности Гитлера, мало похожего на аристократический тип «господина» и не обладавшего «породой». Пролетарский

⁴¹ В нацистский период ходила шутка, основанная на игре слов. Спрашивалось: чем отличается Россия от Германии? Ответ: Россия – это Proletarierstaat (пролетарское государство), а Германия – Prolet-arierstaat (то же слово, но разделенное таким образом, означает – «пролетарское арийское государство»). [Прим. ред. ВС: Слово «Prolet» в немецком имеет пренебрежительную окраску, в смысле «голодранец». Эту шутку можно интерпретировать так: Россия – это государство голодранцев, а Германия – это государство арийских голодранцев.]

⁴² В Италии на «voi» было принято обращаться к слугам, вежливое обращение к равному – «Lei». (прим. перев.)

аспект и вульгарность национал-социализма наиболее резко проявились в Австрии, после её присоединения к Рейху, когда спал пыл неосторожной «национальной» влюбленности австрийцев в «великую Германию».

Gleichschaltung, уравнивательная интеграция в целях тотальной унификации, привела к отрицательным результатам и в других областях. Например, в принудительном порядке распустили студенческие корпорации, обычаи, традиции чести и сословный дух которых (особенно так называемых *Korpsstudenten*) благоприятствовали формированию характерных черт высшего сословия. Всю студенческую молодежь объединили в единую организацию, контролируемую партией.

В экономической сфере Гитлер провозгласил главенство политических проблем и соответствующего мировоззрения над экономикой. Он говорил: «Государство не имеет ничего общего с конкретной экономической концепцией или конкретным путем развития экономики», «Государство – это народный организм, а не экономическая формация». В Германии также сумели предотвратить опасность перерастания профсоюзного движения в политическую силу, способную подготовить путь для штурма государства со стороны марксизма. Гитлер писал: «национал-социалистический профсоюз – не орудие классово-борьбы, а орган профессионального представительства». Взяв власть в свои руки Гитлер отважно совершил решительный шаг. На следующий день после празднования 1 мая, торжественно отмеченного как «национальный праздник труда», (в подражание аналогичному мероприятию, проведенному итальянскими фашистами) с манифестацией, вызвавшей волну энтузиазма, внезапно были захвачены все помещения профсоюзов и на всякий случай арестованы отдельные руководители. Было заявлено, что «свободные» профсоюзы распускаются, а их имущество отчуждается в пользу государства. Исходя из сказанного нами по поводу аналогичных фашистских мероприятий, подобный шаг с нашей точки зрения несомненно заслуживает положительной оценки. Затем в Германии приступили к реорганизации труда и экономики путём «корпоративной» перестройки предприятий. Не будем особо останавливаться на данном аспекте нацистского законодательства, так как мы уже достаточно подробно говорили о нём при рассмотрении недостатков фашистского государственного корпоративизма. Особо отметим лишь то, что духом реформы (которой предшествовала переоценка средневековой органично-корпоративной структуры, осуществленная отдельными представителями «национальной революции», считавших «корпоративную революцию» неотъемлемым компонентом «третьего пути», вне рамок вырождающегося капитализма и марксизма) было преодоление классовости и классово-борьбы внутри каждого отдельного предприятия; на смену должна была прийти эффективность и солидарность интересов, залогом чему служило утверждение *Führerprinzip*'а, то есть основанных на взаимной преданности отношений между вождём (*Führer*, предприниматель) и его «дружиной» (рабочий коллектив, служащие). Специально назначенные партийные «доверенные лица» должны были улаживать возможные разногласия и следить за соблюдением национальных интересов. Предусматривалось также введение «суда чести». Согласно статье закона от 20 января 1934 г.: «На предприятии предприниматель, исполняющий функцию вождя (*Führer*) производства, а служащие и рабочие – его дружины (*Gefolgschaft*), должны заниматься конкретной работой для достижения целей предприятия и общей пользы нации и государства». Неполноценности в работе крупного производства считались не просто частным делом, но почти политическим преступлением. Был создан «Немецкий Трудовой фронт», впрочем, вступление в него не считалось обязательным. В общем, трудовое нацистское законодательство не было чрезмерно регламентировано как фашистская трудовая Хартия. Уже в первоначальной программе национал-социалистической партии стояло требование *Brechung der Zinsknechtschaft*, что можно перевести как отмену эксплуатации, осуществляемой капиталом посредством процентных налогов. Другими словами, уважением пользовался капиталист-предприниматель, авторитет которого даже укреплялся своего рода морально-политическим одобрением, однако капиталист-финансист «еврейского типа», чуждый производственному процессу, категорически отвергался. Это также можно записать в актив национал-социализму.

Впрочем, новое законодательство Третьего Рейха предоставляло частной экономике широкую свободу. Остались гигантские индустриальные комплексы, внутри которых стремились укрепить свойственное им чувство солидарности всех элементов производства, отчасти подорванное марксизмом и синдикализмом. Не было ни национализации, ни социализации. В связи с этим отказались от некоторых радикальных положений партийной программы (ст. 13 и 14). В этой области удалось сохранить чувство меры, что позволило некоторым обвинить Гитлера в сговоре с «баронами индустрии». На самом деле речь шла о национальном объединении, в рамках которого каждый занимал своё место и был совершенно волен в своих действиях, если брал на себя личную ответственность за их последствия. Эта система продемонстрировала максимальную эффективность, преодолев все испытания. Была окончательно ликвидирована безработица. Более того, нередко не хватало рабочих рук для реализации планов, нацеленных на возрождение национального могущества.

В торговой политике Третий Рейх следовал принципу автаркии ради обеспечения максимальной экономической независимости. Шахт, представитель правых, внёсший значительный вклад в оздоровление национальной экономики, ввёл правило, согласно которому «покупать надо не у тех стран, где больше дешёвых товаров, а у тех, поставки которых будут максимально оплачены собственным экспортом».

Следующей положительной стороной Третьего Рейха следует считать его меры по защите крестьянства. Однако, при этом необходимо учитывать, что центрально-европейскому крестьянству удалось сохранить своё чувство достоинства в отличие от крестьянства латино-средиземноморского, где «крестьянин» стал практически синонимом нищего. Немецкий крестьянин мог с гордостью сказать: «Я из старинного крестьянского рода». Гитлер назначил министром Рейха по сельскому хозяйству Р. Вальтера Дарре, выдвинувшего лозунг: «Кровь и Почва». Лояльный крестьянин-земледелец считался источником наиболее чистых по крови, расе народных сил. Дарре даже написал книгу, где ссылаясь на древние индоевропейские («арийские») цивилизации, пытался доказать эту идею (другая его книга, опубликованная в 1929 г., называлась «Новая знать, основанная на крови и почве»). В Германии у этой идеи было множество предшественников. Например, «антимодернистские» концепции В. Г. Райхля, который видел в крестьянстве единственный, помимо дворянства, общественный слой «не лишённый корней». Утверждался принцип «свободы земли от денег», который пытались претворить на практике в отдельных «колониях» (Siedlungen). Ещё в конце прошлого века вышел пользовавшийся довольно широкой популярностью роман В. фон Поленца «Бондарь» («Der Büttnerbauer»), где описывалась трагедия старого крестьянина, наследственная земля которого из-за долгов, в которые он вынужден был залезть, была сначала заложена, а потом продана кредитором (евреем – использовался один из традиционных типажей еврея) группе спекулянтов, построивших на ней фабрику. Увидев это, крестьянин покончил жизнь самоубийством. 8 период Веймарской республики в некоторых областях случались даже крестьянские бунты против изъятия и закладывания земель, вызванного не только неуплатой долгов, но и непосильным налоговым бременем.

Третий Рейх не был противником индустриализации, однако при этом он энергично пытался избежать «лишения корней» крестьянства (и его массового переселения в города), ограждая естественную основу его существования не только от экспроприации и экономической спекуляции, но также от раздробления и задолженностей. За основу была взята Erbhof, то есть усадьба или земельное владение, неотчуждаемое и передаваемое по наследству в руки единственного наиболее умелого наследника (в полном согласии с древними обычаями). Заботились о сохранении на протяжении поколений «родового наследства в руках свободных крестьян». Государство готово было прийти на помощь, когда обстоятельства угрожали существованию и целостности Erbhof. Экспроприация и передел владения производились лишь в редких случаях нерадивости или плохого управления. На большие земельные владения распространялся тот же принцип. Действительно, традиционной основой юнкерства было земельное владение, по-прежнему сохранившее практически феодальную основу.

Таким образом, Третий Рейх отчасти стал продолжателем дела Фридриха Великого, который в 1748 г. издал законы, запрещавшие отчуждение и продажу земли, передачу её в руки денежного и спекулянтского буржуазного сословия, Земля могла отчуждаться лишь в пользу государства. Стоит ли говорить, что с нашей точки зрения данные инициативы Третьего Рейха, имевшие подчёркнуто антимодернистский, но ничуть не «тоталитарный» характера, заслуживают положительной оценки. Хорошим подтверждением тому служит бедственное состояние, в котором благодаря демократической свободе оказалось в Италии сельское хозяйство и деревня (что, правда, вызвано также отсутствием традиции).

IV

Теперь вкратце рассмотрим, как в Третьем Рейхе обстояли дела с расовым и, в частности, еврейским вопросом, а также с проблемой мировоззрения. Говоря об особом значении Volk, мы уже указывали на расовую основу этого понятия, что вело к своего рода «племенному» или «этническому национализму». Уже первая программа национал-социалистической партии предусматривала различие на расово-биологической основе между настоящим гражданином (Reichsbürger) и «подданным» (Staatsangehöriger). Четвёртый пункт гласил: «Полноправным гражданином является лишь соотечественник (Volksgenosse), немец по крови, независимо от религиозного вероисповедания». Термин «подданный государства» являлся чисто юридическим; так называли тех, кто был связан с государством простой формальной принадлежностью, чтобы отделить их от иностранцев. Гитлера считал нелепостью, что на протяжении долгих лет расово-этнический аспект гражданства совершенно не принимался во внимание; что принятие гражданства было равноценно «вступлению в клуб автолюбителей» и хватало «лишь прошения, чтобы по зле чиновника произошло то, что даже Небесам не под силу: один росчерк пера и зулус или монгол становится настоящим немцем». Рождение на немецкой территории давало право на звание «подданный», но не позволяло занимать общественные должности или заниматься политической деятельностью. Согласно воззрениям Гитлера, изложенным в «Mein Kampf», на звание «гражданина», истинного члена Рейха мог претендовать лишь тот, кто кроме коренного происхождения, обладал хорошим физическим здоровьем и был предан Volksgemeinschaft, то есть народному сообществу, что торжественно подтверждалось клятвой. Лишь в этом случае выдавалось «удостоверение гражданства», которое являлось как бы «узлами, соединяющими все сословия и уничтожающими все различия», «Быть членом Рейха – большая честь, чем быть главой иностранного государства» – утверждал Гитлер. Подобные его высказывания, выдержанные в чисто плебейском духе, привели к тому, что у любого немца, если только он не родился от смешанного брака с «неарийцем» или евреем, закружилась голова. В шестой статье первоначальной программы национал-социалистической партии говорилось: «Правом решающего голоса в управлении государством обладает лишь гражданин, соплеменник. Поэтому мы требуем, чтобы на всех общественных должностях в Рейхе, его провинциях и областях стоял гражданин Рейха».

После прихода к власти началась реализация указанной программы. Все служащие, не соответствующие определению «соплеменника» (под которое попадал лишь тот, у кого на протяжении трёх поколений не было предков еврейского или неарийского происхождения) были отправлены в отставку. Аналогичные меры предприняли по отношению к служащим-«арийцам», состоявшим в браке с представителями неарийской расы. Им был предоставлен выбор: развестись или потерять место. Поначалу действовало исключение для фронтовиков и родственников погибших в первой мировой войне. Иногда по решению специального отдела министерства внутренних дел делали исключение и для служащих, работавших за границей, исходя из практических соображений в каждом конкретном случае. Были также исключения, продиктованные государственными интересами: за особые заслуги перед Рейхом присваивался забавный титул Ehrenarier, то есть «почётный ариец». Не мешало бы ввести и звание Ehrenjude – «почётный еврей», «почётный левантиец» и т.д. для тех, кто был

«арийцем» с биологической точки зрения, но не был таковым по характеру, поведению и духу.

Законом предусматривались аналогичные меры не только в политической и государственной сфере, но также в культурной, профессиональной и даже религиозной областях, что стало причиной конфликтов как с католиками, так и протестантами, поскольку в Третьем Рейхе согласно «арийской статье» священники и другие религиозные служители обеих Церквей, имевшие среди своих предков до третьего поколения неарийцев, не могли быть возведены в сан и исполнять свои обязанности. Безусловно это было неприемлемо с христианской точки зрения, утверждающей равенство всех тварей Божьих и надрасовый характер священничества, в католичестве даруемый лишь посвящением. Нововведение одобрили лишь так называемые немецкие христиане протестантского толка, принявшие аналогичные законы и выбиравшие епископов, который подчинялись главному епископу Рейха, в свою очередь обязанного присягнуть на верность главе государства, то есть Гитлеру. В том же ключе развивались идеи, связанные с созданием «национальной немецкой Церкви» (Розенберг, Хауэр, Бергман и пр.).

Расистская идея наложила неизгладимый отпечаток на проводимую политику. Гитлер писал: «Государство – это не цель, но средство. Оно является предварительным условием для создания высшего человеческого общества, но не началом, создающим данное общество. Этим началом или причиной является исключительно наличие расы, способной к созданию цивилизации. Даже если бы на земле нашлась сотня образцовых государств, то в случае исчезновения арийца, носителя цивилизации, не осталось бы ни одного общества, находящегося на духовной высоте современных высших наций... С максимальной тщательностью необходимо отличать государство, каковое есть «сосуд», от расы, то есть «содержимого». Сосуд имеет смысл лишь если он пригоден содержать и охранять содержимое; в любом другом случае его существование бессмысленно». Таким образом, первостепенной задачей государства считалась «защита расы». Поэтому были приняты так называемые «законы по защите немецкой крови и чести». Были запрещены смешанные браки и даже внебрачные связи во избежание отрицательных последствий, тем самым пытались предохранить расовую сущность граждан Рейха от дальнейшего кровосмешения. Помимо того были предприняты различные евгенические меры с целью предотвращения рождаемости неполноценного потомства и у самих немцев-арийцев.

Огромное значение в данном вопросе сыграли «миф» и смешение понятий «раса» и нация (что по сути равноценно демократизации и деградации самого понятия расы). Вдобавок не сочли нужным дать положительное, духовное определение «арийства». Каждому немцу внушалось, что именно он является тем самым «арийцем», которому приписывалось создание и происхождение всякой высшей цивилизации. Это стало причиной более чем пагубного националистического опьянения (абсолютно чуждого традиционному правому мышлению), которое, несмотря на его неоспоримую эффективность в плане эмоциональной мобилизации немецких масс, в конечном счёте привело к негативным последствиям, что отразилось, например, на политике, проводимой нацистской Германией на оккупированных территориях, о чём мы поговорим в дальнейшем. Наиболее серьёзные авторы-расологи, говоря об «арийце», подразумевали довольно широко распространённый тип, частным видом которого являлись немцы (а также «германцы»). Х.С. Чемберлен, которым восхищался главный идеолог нацизма А. Розенберг, относил «арийца» к «кельтско-немецко-славянскому комплексу».

Таким образом в национал-социалистической пропаганде и в самом законодательстве не было дано чёткого определения концепции расы (более того, смысл её был значительно искажен). Несмотря на это, в Третьем Рейхе, хотя и полуофициально, имелись сторонники иного, более избирательного подхода к расовому вопросу. По этому поводу читатель может обратиться к сказанному нами ранее о смысле, целях и положительных аспектах фашистского «расизма». В целом расизм был простым

средством укрепления национального самосознания; в этом смысле он мало отличался от свойственного представителям Британской Империи отношения к другим расам). Однако, современная расовая доктрина делит человечество не только на крупные антропологические группы, но и на отдельные подгруппы внутри «расы», в том числе внутри белой или «арийской» расы. С этой точки зрения Германия представляет собой не единый, чистый и однородный расовый тип, но смесь множества «рас» (в более избирательном смысле). Это был переход к расизму, так сказать второй ступени. Коллективизм Volk и арийско-немецкого Volksgemeinschaft, требующий разграничения, защиты и тотальной идеологической обработки, преодолевался идеей, согласно которой не все расовые компоненты немецкого народа обладают одинаковой ценностью; наиболее качественным, высшим элементом является северная, или нордическая раса. Предусматривались меры, направленные на усиление роли нордической расы и обеспечение ей главенствующего положения в Третьем Рейхе. Возник термин Aufnordung, то есть «нордизации» немецкого народа, но уже не на биологической основе, а с учётом определенных типических черт и мировоззрения. Хотя, как было сказано, в Третьем Рейхе указанная идея не получила официального признания, она всё же пользовалась симпатией в верхах и ей придавалось особое значение при формировании организаций типа СС, к чему мы ещё вернёмся.

Как бы то ни было, у простого немца имелось более чем достаточно поводов для иронии; сам Гитлер, как расовый тип, никак не походил на чистый «нордический» тип, так же как и его ближайшие соратники и партийные боссы: Геббельс, Гиммлер, Лей, Борман и пр. (в лучшем случае к этому типу можно было отнести Розенберга, Гейдриха и фон Шираха), Безусловно, нордического происхождения были Гинденбург и Бисмарк, а в пруссачестве нордический элемент смешивался с «восточным» (славянским). Нордический тип был широко представлен среди представителей офицерского сословия, аристократии и жителей отдельных сельских провинций.

С нашей точки зрения, немецкий расизм в целом с его арийско-немецкой самонадеянностью, согласно которой, по словам Гитлера, «быть частицей Рейха более почётно, чем государем иностранного государства», можно считать демагогическим отклонением. Тем не менее, с правой точки зрения укрепление взвешенного расового самосознания и достоинства несомненно является целительной мерой, особенно учитывая то состояние, до которого докатились сегодня многие «белые» с их преклонением перед неграми и другими цветными, антиколониальным психозом, навязчивой болтовней об «интеграции» и прочими подобными идеями, свидетельствующими о внутреннем упадке Европы и Запада. Говоря о фашизме, мы признали, что средоточием общего процесса кристаллизации, очищения и формирования субстанции нации должен стать идеал нового высшего человеческого типа, но при этом необходимо сделать упор на концепции «духовной расы», а не на биологическом аспекте. К сожалению, именно последний возобладал в национал-социалистическом расизме, что породило множество недоразумений. Извращенная склонность современного человека к «наукообразному» мышлению привела к выводу, что достаточно применить определенные профилактические и евгенические меры, препятствующие дальнейшему расовому смешению, чтобы едва ли не автоматически возродились исчезнувшие добродетели и их носитель – человек-творец высшей цивилизации. Однако, такие народы как шведы, норвежцы или голландцы по сей день сохранили высокий уровень расовой (даже «нордической») чистоты, но внутренне они практически угазли, духовно выродились и утратили прежние достоинства.

Юдофобство национал-социализма – один из существенных вопросов, о котором нельзя умолчать в данной работе, однако этот аспект требует адекватного углубления. Для Гитлера еврей являлся смертельным врагом арийской расы и, в частности, немецкого народа, носителем заразных крамольных идей, губительных для цивилизаций и обществ, в которых он пытается добиться власти и влияния. Приходится признать, что для Гитлера антисемитизм был настоящей навязчивой идеей, однако сложно выявить причины этой одержимости, иной раз принимавшей параноидальные формы и приведшей к трагическим последствиям. В своих писаниях и речах Гитлер

неизменно видел в евреях причину всякого зла. Он всерьёз верил, что еврей – единственное препятствие на пути реализации немецкого национал-социалистического идеала общества, и эта фантазия стала важнейшим элементом его пропаганды. Для него как марксизм с большевизмом, так и западная «капиталистическая плутократия» и масонство были творением и орудием еврейства. Подобные воззрения уже в то время можно было назвать односторонними. Возникает вопрос, не стал ли Гитлер со своей «навязчивой идеей» жертвой тактики «окультурной войны», о которой мы говорили в другой нашей книге⁴³, тактики, заключающейся в том, что всё внимание переводят на частный сектор, где также имеются силы, требующие сопротивления, тем самым, отвлекая от других областей, где благодаря этому они могут действовать практически беспрепятственно. Мы не хотим сказать, что еврейской проблемы не существует вообще, и к ней мы скоро вернёмся. Но в истолковании Гитлера, опиравшегося на идеи своих предшественников из пресловутого «Немецкого Движения», антисемитизм перерастал в фанатическую одержимость, что стало свидетельством отсутствия внутреннего контроля и оставило трудноизгладимое пятно на репутации Третьего Рейха. Именно Гитлер стал причиной широко распространённого заблуждения, согласно которому расизм и антисемитизм считаются практически синонимами.

Поведение Гитлера породило своего рода дьявольский порочный круг. Его высказывания по поводу евреев и борьбы с ними, содержащиеся уже в первой программе партии, не могли не восстановить против Германии всё международное еврейство (чьё сопротивление возрастало по мере усиления нацизма), которое, к слову сказать, контролировало большинство крупных информационных агентств. Их пропаганда, в свою очередь, давала предлог Гитлеру для дальнейшего усиления антисемитских мер. Как мы уже говорили в Германии (в отличие от Польши и России, славящихся массовыми и жестокими преследованиями евреев, известными как погромы), кроме упомянутого «Немецкого Движения», большинство населения не испытывало по отношению к евреям неприязни, хотя и не питало к ним особой любви. Поначалу в нацистском Третьем Рейхе антисемитизм ограничивался бойкотом евреев, в будущем, видимо, предполагалось нечто вроде апартеида. Еврей не признавался членом Volksgemeinschaft, народного сообщества, он был лишь подданным неарийской расы, вроде иностранного гостя (для Гитлера евреи были не немцами другой религиозной конфессии, но народом в себе). Предполагалось, что евреи будут жить отдельно, иметь свою торговлю, профессии, школы и т.д., вне арийского общества. Также намеревались наложить запрет на те виды их деятельности, которые были признаны паразитическими, материалистическими и спекулянтскими. Евреям, которым подобная перспектива была не по душе, предоставлялось право покинуть Рейх, однако, оставив всё нажитое состояние. Стоит напомнить о том (сегодня об этом предпочитают молчать), что во многих странах они отнюдь не стали желанными гостями, получение виз было связано с немалыми сложностями. Например, хорошо известна трагедия парохода с высланными немецкими евреями, который был задержан на границе территориальных вод США, так что в конце концов им пришлось в отчаянии затопить себя вместе с кораблем. Можно вспомнить и другой случай, произошедший во время войны, когда масса венгерских и сбежавших в Венгрию евреев могла бы избежать трагической участи, если бы во время переговоров с командованием СС (устроенных, кстати, именно по инициативе последнего) британское правительство не отказалось принять их в Египте. В общем, идеальным решением еврейской проблемы считалось избавление от них. Намеревались дать им землю, для этих целей предлагался, например, Мадагаскар. Впрочем, известно, что возникшее впоследствии государство Израиль, реализуя на практике идеи «сионизма», менее всего заботится об осуществлении своей миссии по «собираению евреев». Современные исследователи еврейского вопроса (несмотря на то, что испытанные евреями преследования, сделали эту тематику своеобразным «табу») считают, что наиболее опасные евреи отнюдь не склонны возвращаться в родные Палестины, но предпочи-

⁴³ См. «Люди и руины», ее. 189-213.

тают оставаться в тех странах, где они укоренились, поскольку именно в них они обладают более привлекательными возможностями и абсолютной свободой действий.

Настоящие гонения на евреев начались в Третьем Рейхе с репрессий, последовавших за убийством в 1938 г. фон Рата, немецкого дипломата в Париже, демонстративно совершенного евреем. Это стало прецедентом для принятия суровых антиеврейских законов, которые, в свою очередь, привели к усилению за рубежом пропаганды против Третьего Рейха, нараставшей по спирали, последний виток которой затронул и фашистскую Италию как союзника Германии. Мы уже говорили, что именно это стало одной из причин, подтолкнувших Муссолини к проведению ответных антисемитских мероприятий, впрочем, довольно мягких. Физическая ликвидация евреев происходила в основном во время войны и на оккупированных территориях, так как в Германии к началу войны осталось всего около 25.000 евреев. Безусловно, не может быть никакого извинения или оправдания массовым убийствам, о которых большинство немцев узнало лишь впоследствии. **[Прим. ред. ВС: Здесь Ю. Эвола сам является жертвой пропаганды и невольно поддерживает миф о массовом уничтожении евреев. Читайте новейшие исследования на эту тему, например: Гермар Рудольф. Лекции по холокосту и Юрген Граф. Крах мирового порядка.]**

Еврейская проблема имеет социальный и культурный аспект. В своём социальном варианте она возникла сравнительно недавно, после французской революции и эмансипации евреев. Раньше можно было говорить лишь о религиозном антисемитизме, не имеющем ничего общего с социальным или расовым (для современных расистов еврей, обращенный в христианство, остается евреем). Поэтому, чтобы разобраться в этом вопросе мы не можем обратиться к позиции старых государств, для которых на первом месте стояла лояльность, а не этническое происхождение. Пруссия была достаточно либерально настроена по отношению к евреям, в Англии евреи встречались даже среди консерваторов, а еврею Дизраэли она отчасти обязана созданием Британской Империи. В Империи Габсбургов еврей, не вызывая особых симпатий, на практике пользовался большой свободой. Основным положением социального антисемитизма является утверждение, что уравненное в правах еврейство стремительно заполняет своими сородичами всё свободное пространство в определенных сферах общественной деятельности. Социальный антисемитизм возник как реакция на то, что в разных странах евреи, тесно сплочённые между собой, ухитрились занять главенствующие позиции в экономической, профессиональной и культурной областях в количестве явно превышающем процентную долю еврейства сравнительно с общим «арийским» населением соответствующих стран. Например, в Германии в таких городах как Берлин, Франкфурт и Бреслау процент евреев среди медиков и адвокатов достигал 50%, в берлинском университете число евреев среди доцентов составляло 15 из 29, в медицине 118 из 147. Подобное положение сложилось и в других городах, например, в Вене и Бухаресте. Высокий процент и сильное влияние евреи имели также в области журналистики и издательского дела. Наконец, неоспоримо наличие значительного числа евреев среди вождей немецкого марксизма и коммунизма. Ещё Меттерних отмечал господствующее положение евреев, говоря, что они: «стали отменными революционерами» в лице «писателей, философов, поэтов, ораторов, публицистов и банкиров», и добавляя, что возможно они уготовили Германии «злую судьбу».

В целом, наличие или отсутствие еврейской проблемы связывалось (и связывается) с «этническим национализмом», утверждающим, что еврей является инородным телом в данном национальном обществе. С точки зрения демократического либерализма подобное утверждение неприемлемо и всякое ограничение, как например, принцип пропорционального *numerus clausus* выглядит абсурдным и несправедливым. Но здесь возникает уже более широкая проблема, касающаяся так называемой «интеграции», и речь идёт уже не столько о евреях, сколько об откровенно инородных элементах, таких, как например, негры. Возникает объективный вопрос: предположим, та или иная нация не питает симпатий к некоей расе из-за присущих последней особых свойств характера и физических черт, так неужели ей во славу демократиче-

ской «свободы», вместе с «интеграцией» можно навязывать и кровосмешение? Этот вопрос крайне актуален для современных США.

Вместо обычного антисемитского протеста против фактического еврейского нашего и соответствующей реакции (часто инстинктивной) со стороны населения на несоразмерную диспропорцию, о чём мы уже говорили в первой части данной книги, следовало бы доказать, что евреи накладывают особый и нежелательный отпечаток на различные виды деятельности. Что касается отдельных профессий, например, медицины и естественных наук, сделать это довольно сложно. В целом же еврейство во все времена отличалось особым образом жизни, поведением и складом характера; столь особым, что, когда вас назовут «жидом», вряд ли вы воспримете это как похвалу. Более изысканный антисемитизм затрагивает проблему отрицательного влияния евреев на культуру, этику и политику (назовём лишь два имени – Зигмунд Фрейд и Карл Маркс) и полемика разворачивается именно на данном уровне. В таком случае, чтобы понять, от чего конкретно надо защищаться и чему противостоять, необходимо, прежде всего, дать общее определение еврейству с духовной точки зрения (как это сделал талантливый еврей Отто Вайнингер), выделив те характерные черты, которые заслуживают особого внимания. Подобное исследование явно не помешало бы, и в другой нашей работе мы указали необходимые для него предпосылки⁴⁴. Консерватор-антисемит времён Вильгельма, как например, Адольф Штокер, утверждая в Рейхстаге, что еврейский вопрос – это «этическая проблема», в сущности определил правильное направление, в котором должно вестись подобного рода исследование. С другой стороны, пользуясь широким признанием в немецких «национальных» кругах, писатель Поль де Лагар отличал еврея, верного собственной традиции, которому он до определённой степени отдавал дань уважения, от обмирщенного современного еврея. Действительно, когда мы говорим об этике, то речь должна идти именно об этом втором типе, для которого характерны материалистическое мировоззрение, выражающееся в соответствующей практической деятельности, жадность к деньгам, склонность к спекуляции, отсутствие совести (серьёзный, непредвзятый социолог Вернер Зомбарт указал на связь, существующую между еврейским духом и развитием современного капитализма), рационализм и «модернизм» в его нигилистическом, антитрадиционном аспекте, лицемерие и двойная мораль по отношению к неевреям и прочие черты, порождённые, пусть даже непреднамеренно, его состоянием «лишённости корней» (а, следовательно, связанные с космополитизмом и интернационализмом, смертельными для Volk и его ценностей), а также жажда власти, вызванная, вероятно, стремлением к «сверхкомпенсации» комплекса униженности, возникшего вследствие презрительного отношения на протяжении веков к «избранному народу».

В более широком смысле национал-социалистический расизм в своей культурной компании постоянно использовал выражения *arteigen* (или *artgemäß*) и *artfremd*, то есть присущее или чуждое врождённой природе народа (Volk). Но здесь не хватает точного и убедительного определения этой природы, дать которое, впрочем, довольно сложно. Действительно современная цивилизация и культура в своей совокупности губительны для всякой иной ценности и формы. Однако, учтём и то, что если даже влияние евреев в интеллектуальной, идеологической и творческой областях неотвратимо ведёт к их вырождению и гибели, это стало возможным лишь потому, что именно «арийцами» (а не евреями) почва была уже подготовлена⁴⁵.

V

Однозначно положительной оценки заслуживает выдвинутая национал-социализмом проблема «борьбы за мировоззрение». Гитлер считал мировоззрение фактором пер-

⁴⁴ См. J. Evola, *Il mito del sangue*, Hoepli, II ed., Milano, 1942, с. IX

⁴⁵ См. J. Evola, *Rivolta contro il mondo moderno*, Ed. Mediterranee, IV ed., Roma, 1974.

востепенного значения, преобладающим над идеологиями и партийными лозунгами. Он понимал необходимость революции в плане мировоззрения, *Weltanschauung*. Однако, стройной и непротиворечивой концепции нового мировоззрения национал-социалистам создать не удалось. Естественно, важнейшими аспектами национал-социалистического *Weltanschauung* стали миф и мистика крови. Но это не решало оставшихся проблем более широкого масштаба. Использование термина «ариец» и особая значимость, придаваемая нордическому элементу, требовали чёткого определения арийского или арийско-нордического мировоззрения в его этическом, духовном и религиозном аспектах. Только оно позволило бы дать конкретное положительное содержание простым лозунгам расистской компании и стать основой для формирующего действия, каковое – оставляя в стороне фантазии чисто биологического и научного расизма, – как было уже сказано в анализе фашизма, на наш взгляд, является наиболее ценным требованием так называемых «фашистских» движений. Мужество, с которым национал-социализм как «культурная революция» пытался решить проблему мировоззрения, безусловно следует поставить ему в заслугу, пусть даже, как было только что сказано, эта попытка оказалась не слишком успешной, а путаницы и ошибок было более чем достаточно. В этом отношении Третий Рейх несомненно превзошёл фашистскую Италию; достаточно вспомнить, что в фашизме римский миф как мировоззрение так и не получил более глубокого и внятного содержания.

Для сравнения рассмотрим, прежде всего, позицию, занятую национал-социализмом по отношению к религиозной проблеме. Национал-социализм выступал против любых форм атеизма; поскольку атеизм и материалистическая концепция жизни являются аспектами марксизма и коммунизма, в борьбе с этими подрывными движениями им уделялось особое значение. Поэтому поначалу многие христиане и католики видели в национал-социализме своего союзника. В присяге СС обращались к Богу, а Гиммлер говорил: «тот, кто не верит в Бога – самонадеянный нахал, страдающий манией величия и дурак; такой человек нам (то есть СС) не подходит» («ist überheblich, größenwahnsinnig und dumm; er ist für uns nicht geeignet»). Но рано или поздно должна была наступить очередь христианства. Было заявлено: «Партия разделяет точку зрения позитивного христианства». Однако, какое христианство позитивное, а какое негативное, официально разъяснено не было. Среди прочих встал вопрос о том, до какой степени христианство можно считать «арийским», насколько его не затрагивает антисемитская полемика. Некоторые видели решение проблемы в «ариизации» христианства за счёт исключения Ветхого Завета, как творения чисто еврейского духа, и «очищения» Нового Завета от «семитских отбросов» и «еврейской теологии» Павла (между тем, Евангелию от Иоанна приписывался арийский и возвышенный характер). Несомненно, это были увёртки и софистика. Христиане не могли пойти на уступки, а радикальные «националистические» идеологи (Розенберг, Хауэр, Ревентлоф, окружение Людендорфа) считали подобные предложения компромиссом и безоговорочно утверждали несовместимость христианства с подлинным арийским, нордическим мировоззрением, с «германской верой». В связи с этим намеревались даже создать так называемое «Движение Немецкой Веры», *Deutsche Glaubensbewegung*.

Сам Гитлер не внёс ценного вклада в проблематику мировоззрения в высшем смысле. Показательно уже его увлечение Вагнером (как и Чемберлен, он считал Рихарда Вагнера «пророком германства»). Он не мог понять, что при всём величии своего романтического искусства, Вагнер, нередко искажал различные северогерманские саги и традиции. В своих писаниях и речах Гитлер часто обращался к Богу и Провидению, за избранника и исполнителя воли Коего он себя почитал, однако, не очень понятно, что это было за Провидение, если он, следуя скорее Дарвину, нежели Ницше, полагал высшим законом жизни право сильнейшего и считал предрассудком всякое сверхъестественное вмешательство, превознося современную науку и «вечные законы природы». То же можно сказать о главном идеологе движения, Альфреде Розенберге, видевшего в современной науке «творение чисто арийского духа», не смущаясь тем, что мы обязаны ей не только техническими завоеваниями, но и необ-

ратимым духовным кризисом современной эпохи и десакрализацией вселенной. Подобное чисто просветительское и рационалистическое непонимание основных положений религии, парадоксально уживавшееся с мистикой крови, было во многом свойственно и Гитлеру, но именно Розенберг дал ему теоретическое обоснование; достаточно сказать, что он считал обряды и священные таинства предрассудком, порождением неарийского духа.

Отсюда становится понятно, на сколь низком уровне разыгралась борьба за мировоззрение, приняв подобное направление. Это был «натурализм» доведённый до крайности и отвергающий всякую подлинную трансцендентность. Например, отрицалось различие между душой и телом, как неарийская, «левантийская» выдумка; расизм постулировал и мыслил их неразрывное и субстанциальное единство. Логическим следствием стало отрицание истинного бессмертия; допускалось лишь «бессмертие в роде». Это показывает, насколько своеобразно расовая пропаганда обращалась с традициями арийских (индоевропейских) цивилизаций, так как в них трансцендентность не просто признавалась, но нередко служила точкой отсчёта для этических добродетелей, которым упомянутые национал-социалистические идеологи придавали чисто человеческую и, в сущности, натуралистическую ценность (отсюда беспросветные перспективы так называемого «трагического героизма»). Отчасти здесь сыграли свою роль далеко не лучшие идеи Ницше: например предубеждение против аскетизма (он обращал внимание исключительно на «мазохистскую», по сути умерщвляющую аскезу, хотя на самом деле важна аскеза «имманентная», то есть самодисциплина). Достаточно вспомнить абсурдное мнение одного учёного, в других отношениях обладающего неоспоримой квалификацией, Ганса Ф. К. Понтера, по поводу буддизма; он утверждал, что когда индоевропейцы (арийцы) захватили Индию, то под влиянием окружающих, главным образом, климатических условий, их энергия, первоначально направленная на утверждение жизни, изменила полярность и стала отрицать жизнь, «которая есть страдание», посредством аскезы.

Положительным моментом можно считать изучение корней арийской цивилизации и потребность в возвращении к истокам, что было свойственно некоторым национал-социалистическим и близким им по духу кругам. Однако и в этом вопросе, решить который уже пытались отдельные апостолы германизма, из-за предрассудков не сумели достичь положительных результатов. Позднее, говоря об СС, мы рассмотрим некоторые инициативы подобного типа. В рамках партии ограничились эксгумацией древних обычаев, что имело отношение скорее к фольклору. Впрочем, отдельные массовые ритуалы обладали до некоторой степени гипнотизирующим и зрелищным характером, как например, ритуальное возжжение огня и передвижение свастики, составленной из людей с горящими факелами, на Берлинском стадионе в день летнего солнцестояния. Вспомнили также древнегерманские руны, используя их для обозначения некоторых организаций (тех же СС). Однако в области понимания символов – тесно связанной с традиционным мировоззрением – непреодолимым препятствием стало уже указанное неприятие трансцендентного измерения, что привело, в частности, к пренебрежению древним «магическим» аспектом рун. Вообще, говоря о правильном понимании и использовании изначальных символов, возникает сильное сомнение в том, что национал-социалисты, начиная с самого Гитлера, по настоящему осознавали значение основного партийного символа – свастики. По словам Гитлера она символизировала «миссию борьбы за победу арийского человека, за триумф идеи созидательного труда (sic), который всегда был и будет антисемитским». Поистине примитивное и профаническое толкование. Совершенно непонятно, каким образом древние арии могли связать воедино свастику, «созидательный труд» (!) и еврейство, не говоря уже о том, что этот символ встречается не только в арийской культуре. Не дали внятного объяснения и левостороннему вращению (противоположному общепринятому при её использовании в значении солнечного и «полярного» знака) национал-социалистической свастики. Вряд ли при этом знали, что обратное движение знака символизирует могущество, тогда как обычное – «знание». Ко-

гда свастика стала эмблемой партии, у Гитлера и его окружения напрочь отсутствовали знания подобного рода⁴⁶.

Если «Mein Kampf» Гитлера стал политико-идеологической Библией национал-социализма, то главной работой в области мировоззрения и интерпретации истории в Третьем Рейхе считался «Миф XX века» Альфреда Розенберга. Он стал своего рода учебником по подготовке новых кадров. По сути, эта книга является компиляцией, за которой, впрочем, нельзя отрицать определенных достоинств и наличия удачных интерпретаций; в частности в ней использованы исследования Вирта по предыстории нордическо-атлантической цивилизации и И.Я. Бахофена по морфологии древних цивилизаций. Однако, даже не говоря об указанных ошибках и антикатоличестве почти просветительского толка, следует признать, что крайняя небрежность в её написании только играет на руку противнику. Ситуация ухудшается по мере того, как Розенберг от далёкой древности приближается к нашему времени, поскольку здесь его желание подогнать всю историю под выгодное немцам толкование просто бросается в глаза. Как бы то ни было, «Миф XX века», хотя и не вполне официально, стал в гитлеровском Третьем Рейхе основным произведением в области борьбы за мировоззрение⁴⁷.

Наши критические замечания, однако, не отменяют заслуг Третьего Рейха в области разрешения проблемы мировоззрения. Национал-социализм мужественно искал новые горизонты; к сожалению, этим поискам не хватало правильных ориентиров и их продвижение затруднялось отсутствием подлинных знаний. Сложно сказать, как развивалась бы ситуация в дальнейшем, если бы Третьему Рейху была дарована более продолжительная и спокойная жизнь, и решением этих вопросов занялись бы более сведущие, не связанные примитивными германо-расистскими предубеждениями люди. Хотя для многих указанные поиски стали поводом для обвинения нацизма в «язычестве», с нашей точки зрения дискуссия по поводу отдельных аспектов христианской и католической концепции сакрального, христианского мировоззрения и морали в принципе вполне допустима. При определённых условиях она даже могла бы принести плодотворные результаты. Однако, чтобы эта дискуссия сохраняла высокий уровень, протест против претензий христианства на монополию в духовной жизни должен опираться на признание сакрального и трансцендентного характера нехристианского и дохристианского наследия. В ином случае существует опасность, что нехристианское мировоззрение окажется «языческим» именно в том отрицательном смысле, в котором использовала это понятие христианская апологетика, восхваляя новую веру. Идеи, вдохновившие определенные круги на создание «германской религии» или «веры», имели очевидно натуралистическую и пантеистическую основу, что ставило её на довольно низкий духовный уровень.

⁴⁶ Можно считать чистой фантазией всякое «демоническое» толкование гитлеризма, свойственное многим исследователям национал-социализма, которые считают, что обратное движение свастики является непредумышленным, но явным знаком демонического характера. Такой же выдумкой являются все намёки на «оккультную», инициатическую или контринициатическую подоплёку (мы утверждаем это со знанием дела). В 1918 г. возникла небольшая группа Thule Bund, выбравшая своим символом свастику и сияющий солнечный диск; однако, за исключением германизма, её общий духовный уровень был не выше уровня англосаксонских теософов. Имелись также другие группы и авторы, как например: Гвидо фон Лист и Ланц фон Либенфельс (также создавшие «Орден»), предвосхитившие идеи Гитлера и использовавшие свастику; но все эти течения были поверхностными и не имели никакой связи с подлинной традицией, в них царил путаница понятий и разнообразные личные заблуждения.

⁴⁷ К сожалению, совершенно не использовалась, но напротив замалчивалась официальными нацистскими кругами другая книга – С. Steding, *Das Reich und die Krankheit der europäischen Kultur* (Hamburg, 1938), написанная с гораздо меньшими амбициями, но выражающая куда более интересные взгляды, в частности, благодаря наличию высшей концепции государства, основанной отчасти на идеях Гегеля – «философа пруссачества».

VI

Теперь рассмотрим наиболее интересные с нашей точки зрения инициативы Третьего Рейха, частично связанные и вдохновлённые идеями «консервативной революции». Прежде всего, мы имеем в виду идею или идеал *Ordensstaat*, то есть государства, управляемого Орденом (в противоположность партийному государству), не подчиняющегося коллективизирующему принципу *Volksgemeinschaft*, то есть народному обществу, и чуждого концепции «*Führer-Staat*» (вождистско-го государства) на тоталитарной, популистской и диктаторской основе.

Эта идея до некоторой степени стала возвращением к прусской традиции. Известно, что в основании прусского государства стоял Орден Тевтонских Рыцарей, призванных в 1226 г. польским князем Конрадом Мазовецким для охраны восточных границ. Захваченные и пожалованные в феодальное владение территории вошли в состав государства, управляемого Орденом и находящегося под протекторатом Священной Римской Империи и Римского престола, которому он дисциплинарно подчинялся. Новообразовавшееся государство, которым начиная с 1415 г. правил дом Гогенцоллернов, включало в себя Пруссию, Бранденбург и Померанию. В 1525 г. после реформации Орденское государство «секуляризовалось», то есть отделилось от Рима, что привело к ослаблению конфессиональных уз Ордена. Несмотря на это, он сохранил свою традиционную аскетико-воинскую этику, позднее сформировавшую новое прусское государство в его наиболее характерных чертах. Одновременно с превращением Пруссии в королевство, в 1701 г. был создан Орден Чёрного Орла, связанный с потомственной знатью и сохранивший свой прежний девиз, выражающий классический принцип справедливости: *Suum cuique*⁴⁸. Небезынтересно, что при воспитании «прусского» характера, в частности, офицерского корпуса особое внимание уделялось мужественному стоицизму, то есть самообладанию, дисциплине, твёрдости духа и суровому, цельному образу жизни. Так например, в *Corpus Juris Militaris*, введённом в академиях 18 в., офицерству рекомендовалось изучение трудов Сенеки, Марка Аврелия (который, кстати, был любимым писателем Фридриха Великого), Цицерона и Эпиктета. Естественно, отчасти недолюбливали интеллектуалов и пишущую братию (наиболее памятно саркастическое и неприязненное отношение к ним Фридриха Вильгельма I, «короля солдат», который мечтал сделать Берлин «северной Спартой»⁴⁹). Для правящего политического класса прусского государства, бывшего орденского государства, были характерны преданность («свобода в послушании»), принцип служения и чести.

Незадолго до возникновения и в период существования Веймарской республики значительным влиянием в отдельных кругах пользовалась идея так называемого *Bundesgedanke*, то есть концепция или идеал *Bund*, предлагавшая вчерне особую

⁴⁸ (лат.) Каждому своё – прим. перев.

⁴⁹ По ассоциации можно указать также на определенную неприязнь, которую питали к «интеллектуалам» фашисты; впрочем она никогда не достигала такой степени, как в национал-социализме; итальянский фашизм ценил известных интеллектуалов и людей культуры и стремился хотя бы формально привлечь их на сторону режима, не особо заботясь о том, что они думают на самом деле; национал-социалистов же подобные проблемы вообще не интересовали, и они предоставили всем свободу выезда за границу (Геббельсу даже приписывали слова: «Когда я слышу об интеллектуалах, мне хочется достать пистолет»). Впрочем, при этом необходимо иметь в виду, что в Германии преобладали тенденции агностической *Kultur* и интеллектуалы буржуазного происхождения либерально-гуманистической формации. Отрицающие всякую возможность существования мистики государства и авторитета, они считали догмой непримиримое противоречие между культурой и духом с одной стороны и властью, политикой и воинскими добродетелями, с другой. В принципе, с точки зрения аристократических правых вполне допустима определенная дистанция по отношению к тем «интеллектуалам» и «культурным людям», которые после появления буржуазии и кризиса древних режимов, возомнили себя единственными подлинными выразителями духовных ценностей.

форму организации. Bund вообще означает союз или объединение, но в данном контексте это выражение имело значение, родственное Ордену и было отчасти связано с термином Männerbund («мужской союз»), принятом в этносоциологических исследованиях. По сути речь шла об элите, отличающейся исключительно мужской солидарностью и обладавшей чем-то вроде высшего помазания. В Германии ещё до появления национал-социализма возникали различные Bund, которые, несмотря на свою малочисленность, различную окраску и изрядную долю нетерпимости, в политической сфере всегда стояли на стороне элитарной системы, противоположной массовым режимам.

Учитывая вышесказанное, идея управления государством посредством своего рода «Ордена» (а не единственной партии) могла внести положительные поправки в гитлеризм; таким образом, первоочередной задачей Третьего Рейха становилось создание – посредством систематического воспитания подходящих людей – элиты, понимаемой как грядущий «носитель» идеи нового государства и соответствующего мировоззрения. Правда, в отличие от прежней древней традиции, в данном случае кроме особых качеств характера учитывались физические данные, и особое значение уделялось «расовому фактору» с упором на «нордический тип». В этой области в Третьем Рейхе были предприняты две основные инициативы.

Первая состояла в постройке при содействии партии трёх Ordensburgen, то есть Орденских замков. Это были комплексы зданий, построенных в древнегерманском, нордическом стиле, с обширными земельными владениями, лесными угодьями, лугами и озерами, куда на основе предварительного отбора принимали молодёжь для военного, физического морального и интеллектуального обучения. Учитывая необходимость в формировании «мировоззрения», особое внимание уделяли воспитанию таких черт, как мужество и решительность, что предполагало довольно рискованные испытания. Время от времени в Замках проводились судебные процессы, на которые в качестве публики приглашались аспиранты или юнкера; обычно разбирались дела, затрагивающие вопросы чести и других этических ценностей, чтобы при последующем обсуждении проверить моральную восприимчивость студентов и их врождённые способности к оценке. Ordensburgen находились в ведении Розенберга; поэтому в основе обучения лежали его идеи, что, учитывая сказанное нами, создавало некоторые сложности. Выпускники этих учреждений, где они вели жизнь в «обществе одиноких мужчин», почти изолированные от всего остального мира, получали особое звание, дававшее им привилегии при назначении на политические должности и ответственные посты в Третьем Рейхе или, лучше сказать, в том, чем должен был стать Третий Рейх.

Однако куда более важное значение имели СС. Благодаря общеизвестной послевоенной пропаганде при любом упоминании СС большинство сразу вспоминает гестапо, концентрационные лагеря, карательные операции, в которых были задействованы отдельные формирования СС во время войны и т.п. Это крайне тенденциозный и упрощённый подход. Мы не будем здесь останавливаться на данных вопросах, поскольку нас, как всегда, интересуют исключительно принципы, основные идеи, вне тех последствий, к которым привело их применение на практике. Поэтому имеет смысл поговорить здесь о тех аспектах СС, о которых обычно сознательно умалчивают.

Своё название СС получили от первых букв слова Saal-Schutz, обозначающего своего рода телохранителей Гитлера, приданных ему для охраны во время митингов и исполнения служебных поручений. Поначалу это была довольно малочисленная группа. Позднее две буквы «S» стали употреблять для обозначения Schutz-Staffeln (дословно – охранные отряды) и тогда же их стилизовали в две зигзагообразные линии, повторяющие древний северогерманский символ, означающий «руны победы» или «силу-молнию». Наконец, был сформирован настоящий корпус, теперь уже для защиты государства – так называемый «Чёрный Корпус», в отличие от коричневых рубашек, то есть СА. Гитлер и Геринг использовали его при репрессиях 30 июня

1934 г., в результате которых, как мы говорили, были искоренены все поползновения ко «второй революции» внутри самой партии. За участие в этой акции СС получили особый статус и полномочия; теперь они считались «гвардией национал-социалистической революции».

Подлинным организатором СС был Генрих Гиммлер, которого называли Reichsführer SS, то есть Рейхсфюрером СС. Гиммлер по происхождению был баварцем, по воспитанию католиком. Ещё студентом сельскохозяйственной академии он вступил в добровольческие части, сражавшиеся с коммунистами. Он придерживался правых консервативно-монархических взглядов, унаследованных им от отца, верноподданного воспитателя наследного принца Генриха Баварского. Особое впечатление на него произвёл идеал Ордена, в частности, его очень интересовал уже упомянутый нами древний Орден Тевтонских Рыцарей. Он хотел сделать из СС организацию, которая в иной форме должна была взять на себя ту же функцию, которую в прежние времена исполняло дворянство, как центральное ядро государства. Для воспитания членов СС он предусматривал нечто вроде смеси спартанского духа и прусской дисциплины. Использовал он и некоторые принципы Иезуитского Ордена (Гитлер в шутку называл Гиммлера – мой «Игнатий Лойола»), такие, как например, деперсонализация, порой доходившая почти до нечеловеческой. Например, при вступлении в СС давалась клятва верности и абсолютного послушания, обязывающая члена СС при необходимости не пожалеть даже родных братьев. Для члена СС не существовало никаких оправданий, данное им слово было абсолютным. Приведём пример из выступления Гиммлера: члена СС могли попросить бросить курить; если он не соглашался, его исключали из СС, но если он давал обещание и его заставляли курящим – «ему оставался лишь пистолет», то есть самоубийство. В военном воспитании испытывалась физическая отвага. Например, часовому на каску клали взрыв-пакет, и он должен был спокойно стоять в ожидании взрыва.

Особым аспектом являлась расовая статья. Помимо «арийского» происхождения (необходимо было иметь предков-арийцев начиная с 1750 г.) и хороших физических данных, особое предпочтение отдавалось высокорослому нордическому расовому типу. Вдобавок Гиммлер хотел, чтобы СС стали Sippenorden, то есть Орденом, который, в отличие от древних рыцарских орденов, в будущем должен был стать одним племенем, одной кровью, одним родом (Sippe). Поэтому на члена СС налагались определённые ограничения при выборе невесты. Он не мог жениться на любой девушке (не говоря уж о девушках другой расы). Требовалось согласие специальной расовой комиссии. Если член СС не соглашался с этим решением, ему не оставалось ничего другого как покинуть корпус. Уже при вступлении в СС (по окончании испытательного срока) аспиранту сообщали об этом требовании. Таким образом, на первый план вновь выступал чисто биологический расизм, низводящий женский идеал исключительно до роли матери».

Гитлер с подозрением относился к потомкам старинных правящих родов, Гиммлер же питал к ним слабость, желая, чтобы в Третьем Рейхе СС стали сословием, принадлежностью к которому мог бы гордиться даже наследный принц. Среди членов СС было немало представителей высшей знати. Князь Вальдек-Пирмонт вступил в СС в 1929 г., в 1933 г. членами СС стали князья Мекленбург, Гогенцоллерн-Зигмаринген, Липпе-Вистерфельд и многие другие. Князь Филлип д'Ассия был личным другом Гиммлера. Кроме того, СС поддерживали тесные отношения с берлинским Herrenklub («клубом господ»), а Гиммлера пригласили выступить в Deutsche Adelsgenossenschaft («Союз немецкого дворянства»), что также свидетельствовало о сближении этой важнейшей организации Третьего Рейха с немецкой знатью. Более сдержанными были отношения с армией, Reichswehr, что было вызвано не столько идейными разногласиями, сколько вопросами престижа. Эта проблема возникла после того как в СС появились военные подразделения, а чуть позже самые настоящие дивизии, получившие название Waffen-SS. Тем не менее, именно Пауль Хауссер, покинувший армию, чтобы встать в ряды борцов «консервативной революции» и вступивший в 1935

г. в «Стальной шлем» Зельдте, реорганизовал академию СС, а затем возглавил кадетскую школу СС в Вельфеншлоссе в Брауншвайге.

По мере развития в СС возникло множество подразделений; в некоторых из которых по причине их специфической деятельности аспекты Ордена отошли на второй план. Это относится, например, к частям «Мёртвая голова», исполнявшим вспомогательную функцию обычной государственной полиции (декретом от 17 июня 1936 г. Гиммлер был назначен главой полиции в Министерстве внутренних дел). Именно деятельность подобных подразделений имеет отношение к негативным аспектам корпуса, что впоследствии было использовано для возбуждения отвращения ко всем формированиям СС. Достаточно вспомнить так называемые Verfügungstruppe SS – войсковые подразделения, подчиняющиеся непосредственно главе Рейха, которые позднее в 1940 г. стали основой для создания вышеупомянутых Waffen-SS, то есть элитарных воинских соединений, высокие достоинства которых (учитывая особые требования, предъявляемые к членам СС) во время второй мировой войны вызвали уважение и восхищение даже со стороны противника. Также можно упомянуть секцию Rasha (заглавные буквы названия Rasse- und Siedlungshauptamt), занимавшуюся вопросами расы и поселений. Однако здесь нас интересуют лишь мероприятия культурного плана, проводимые СС.

Воплощению идеала Гиммлера препятствовал своего рода handicap⁵⁰, состоящий в том, что Орден как таковой необходимо требует высшего помазания, должен иметь в том числе духовное основание, которого католичество, по очевидным соображениям, дать не могло. Действительно, упомянутая антихристианская направленность, идея неприемлемости христианства ввиду его неарийских и «негерманских» аспектов получила широкое распространение именно среди СС, и хотя между Гиммлером и Розенбергом имелись определённые разногласия, в этом вопросе их мнение совпадало. Поэтому отвергнув христианство и католичество, вновь столкнулись с проблемой мировоззрения в её более глубоких аспектах, для разрешения которой требовалось нечто большее, чем суровая дисциплина и воспитание характера, ведь СС намеревались стать weltanschauliche Stoßtruppe, то есть ударной силой в области мировоззрения. Долгое время в СС существовало СД (SD), то есть «Служба безопасности» (Sicherheitsdienst), в сферу деятельности которой поначалу входили также вопросы культуры и культурной цензуры (согласно приказу Гиммлера 1937 года). В дальнейшем деятельность СД приняла иное направление, включая контрразведку, однако остался VII отдел, который продолжал деятельность в культурной области; членами СД являлись многие серьёзные ученые и профессора. Впрочем, иногда можно было стать почётным служащим СС (Ehrendienst). Этим званием награждали деятелей культуры, внёсших особый вклад в указанном направлении. Например, его получили профессор Франц Альтхайм из галльского университета, известный историк античности и древнего Рима и выдающийся исследователь первобытной культуры профессор О. Менгин из венского университета. Существовал специальный институт СС – [Ahnenerbe](#) («Наследие предков»), занимавшийся исследованием исторического наследия, начиная от изучения символов и традиций до археологических исследований.

Особое внимание уделялось исследованиям, дающим материал, пригодный для использования в плане мировоззрения, поэтому националистическая нетерпимость, свойственная отдельным кругам, отошла на задний план. Например, Гиммлер субсидировал голландца Германа Вирта, автора книги «Заря человечества» – огромной работы по нордическо-атлантическому прошлому, пригласил выступить итальянского исследователя, занимавшегося аналогичными проблемами и, в частности, традици-

⁵⁰ англ. – Помеха.

онным миром, также вне рамок католичества и христианства, но, избегая искажений, свойственных Розенбергу и некоторым другим⁵¹.

Таким образом, перед нами вырисовывается совершенно иная картина СС, более сложная и существенно отличающаяся от общепринятого представления. Хотя упомянутые инициативы остались в зачаточном состоянии, сам факт их появления достаточно красноречив. В принципе с точки зрения правых идеал «Государства-Ордена», выдвинутый как альтернатива, тоталитарному, диктаторскому государству, заслуживает положительной оценки. Мы уже высказывали своё суждение по этому поводу, критикуя фашистскую концепцию однопартийности. В Германии дальнейшее развитие этой идеи зависело от возможности привлечения сохранившихся правых элементов, наряду с исправлением тех отрицательных сторон, которые представители «консервативной революции» и пруссачества оценивали как узурпацию и извращение своих идей.

СС обретали всё больший политическое вес. Вскоре о них стали говорить как о «государстве в государстве» или «государстве СС». Действительно, эта организация имела свои ячейки во всех ключевых структурах Рейха: администрации, дипломатии и т.д., ведь идея «орденского государства» предполагала, что именно люди Ордена предназначены для занятия высших должностей, как в своё время дворянство.

Наконец скажем несколько слов о Waffen-SS. Мы уже упоминали, что после июля 1940 г. на смену частям СС, исполнявшим в мирное время функцию «резервных сил», пришли воинские подразделения и бронетанковые дивизии, которые, сохраняя определенную автономию, сражались бок о бок с частями Вермахта. К концу второй мировой войны Waffen-SS стали своего рода «первой европейской армией». Гиммлер одобрил предложение Пауля Хауссера, позднее поддержанное Готтлибом Бергером, по созданию дивизий Waffen-SS из добровольцев разных стран для борьбы против коммунистической России и защиты Европы и европейской цивилизации. Таким образом, они принимали на себя ту же функцию, которую в прежние времена исполнял Тевтонский Орден Рыцарей, стоявший на защите восточных границ, и вдохновлялись тем же духом, который воодушевлял Freikorps, то есть добровольческие части, по собственной инициативе сражавшиеся против большевизма в восточных регионах и балтийских странах по окончании первой мировой войны. К концу войны в Waffen-SS состояли представители более семнадцати наций, некоторые дивизии были полностью укомплектованы представителями одной национальности: французы, бельгийцы, голландцы, шведы, украинцы, испанцы и даже швейцарцы. В общем их численность достигала 80 000 человек, лишь немногие из которых были немцами по рождению. Добровольцев не испугало позорное звание предателей и «коллорабационистов», хотя многие из оставшихся в живых в последующие годы подверглись преследованиям и судебному осуждению на своей родине⁵².

⁵¹ Однако мы не можем одобрить, например, того, что журналу, находящему удовольствие в пошлых нападках на католическое духовенство и не менее пошлом и фанатичном антисемитизме, позволили взять название *Das Schwarze Korps* («Чёрный Корпус»). (Скорее всего, под итальянским исследователем, приглашённым СС, Эвола имеет в виду себя, однако, из скромности об этом умалчивает – прим. перев.).

⁵² Несмываемым позором покрыли себя победители американцы, выдавшие части украинцев-добровольцев – согласившихся после поражения сдаться в плен только союзникам – Советскому Союзу, прекрасно понимая, что посылают их на смерть. При создании новых частей Waffen-SS первостепенное внимание уделялось чисто воинскому аспекту, поэтому всё связанное с идеей Ордена не играло особой роли. Командир одной из бронетанковых дивизий Waffen-SS, генерал Штайнер, после войны (в своей книге «*Die geachtete Armee*») пытался доказать, что данные формирования действовали подобно частям рейхсвера и должны рассматриваться только в данном качестве, не имея никакого отношения к «романтическим приключениям Гиммлера» (речь идет именно об идее СС как Ордена), о которых Штайнер отзывался высокомерно и с антипатией.

В речи, произнесенной в Познани 4 октября 1943 г., Гиммлер прямо говорил об СС как о вооружённом Ордене, который в будущем, после поражения Советского Союза должен стать основой европейской гвардии для борьбы против «азиатских орд» на Урале. Необходимо отметить, что в данном случае произошло определенное смещение перспектив. Перестали отождествлять арийство с германством. Добровольцы других стран сражались не за экспансионистский национал-социализм на односторонне расистской основе и «пангерманизм», но за высшую идею, за Европу и европейский «Новый порядок». Эта идея завоевала признание в кругах СС, что выразилось в Шарлоттенбургском заявлении, опубликованном центральным бюро СС в конце войны в ответ на Сан-Францисскую декларацию союзников по поводу целей войны. В ней давалась общая характеристика концепции человека и жизни в Третьем Рейхе с особым упором на идею Нового порядка, должно иметь не гегемонистский, но федеративный и органичный характер.

С другой стороны, не надо забывать, что именно Гиммлер предпринял попытку спасения *in extremis* (расцененную Гитлером как предательство). Через графа Бернадотта он передал предложение по заключению сепаратного мира с западным союзникам для продолжения войны против Советского Союза и коммунизма. Это предложение в случае его принятия обеспечило бы Европе иное будущее, предотвратив «холодную войну» и коммунизацию Европы по ту сторону «железного занавеса». Однако, как известно, оно было резко отвергнуто по той же причине, что и предложение, сделанное Гитлером по его собственной инициативе в Англии в известном выступлении лета 1940 г., когда в более выгодном положении находились немцы.

VII

Теперь попытаемся дать оценку идеологии, лежавшей в основе внешней политики Третьего Рейха и, в частности, Гитлера. Необходимо рассмотреть как основные причины второй мировой войны, так и перспективы, открывавшиеся в случае победы Германии с точки зрения европейского «Нового порядка».

Наиболее отрицательная сторона гитлеризма проявилась в чрезмерном значении, уделяемом радикальному этническому национализму ирредентистского толка. Гитлер был просто одержим идеей, толкнувшей его на авантюры, которым поначалу сопутствовала удача, но, в конце концов, завершившимся катастрофой, что было вызвано отсутствием чувства меры и реальных возможностей. Согласно этой идее, всех немцев любой ценой необходимо было объединить в едином Рейхе, Третьем Рейхе, возглавляемом единым Фюрером. Гитлер считал, что именно в этом состояла миссия, уготованная ему судьбой. Идеология Volk, о которой мы говорили в своё время, смешивалась с идеями современного национализма, по сути своей, антитрадиционного также для самой Германии и чуждого создателям Первого и Второго Рейха. Пруссия и Фридрих Великий вели свои войны с совершенно иными целями, а Бисмарк, как уже было сказано, являясь представителем консервативной партии, был противником этнического ирредентистского национализма. Он не разделял ни идею объединения всех германских народов, живущих за пределами Рейха, ни причуд «пангерманизма» (в его окружении ярким приверженцем решительно «европейской» ориентации был, в первую очередь, фон Мольтке). Гитлер же своей пропагандой систематически распространял и разжигал пламя недовольства среди так называемых Volksdeutsche, немецких меньшинств, живущих за пределами Рейха (а также среди австрийцев), что, в конце концов, привело к возникновению проблем и ситуаций, решить которые можно было лишь силовым путём. В противном случае, Данциг не стал бы тем узловым пунктом, с которого начала своё неудержимое движение ламина вторая мировая войны.

Впрочем, как было сказано в своё время, помимо идеи национально-этнической интеграции чуть позже зародилась тенденция, родственная гегемонистскому пангерманизму, которая нанесла серьёзный ущерб идее «Нового порядка». По мере распро-

странения Рейхом своей власти на немецкие территории, идея национального превосходства набирала всё большие обороты. Вместо того, чтобы создать предпосылки для установления высшего единства, предоставив отдельным областям права широкой автономии, была создана система протекторатов и наместников, немецкое население подвергалось дискриминации, что не могло не вызвать реакции и, в конечном счёте, привело к возникновению движения Сопротивления. И основной причиной этого стала спесь, проявленная «Herrenvolk». Это выражение, первоначально имевшее аристократическое значение «народ господ», практически сменило свое прежнее значение на ненавистное «народ хозяев» и всё это было проделано якобы во блага «арийских» народов. Однако при этом «арийцами» считались исключительно немцы, тогда как остальные народы, не меньше последних достойные этого звания, были зачислены в недочеловеки и подвергались соответствующему обращению. Достаточно вспомнить поляков, народ с великим, хотя и несчастным прошлым (при этом совсем забыли, что именно польский князь призвал Тевтонский Орден на земли, позднее вошедшие в состав Пруссии). Одержимость Гитлера воспрепятствовала проведению более плодотворной политики в Восточной Европе. Например, вместо того, чтобы завоевывать Данциг, можно было бы использовать атакующие настроения поляков для привлечения их на свою сторону как союзников для запланированного «Похода на Восток», Drang nach Osten.

Наиболее тяжкие обвинения ложатся на плечи нацистской Германии за ошибки, совершённые ею на оккупированных советских территориях, во время русской кампании. Непосредственной причиной этого стала идея «жизненного пространства», обещанного немецкому народу, которая привела к возникновению своего рода межконтинентального колониализма. Хотя в качестве предлога войны был брошен лозунг войны против коммунизма (мы же считаем, что задача внешней политики Третьего Рейха заключалась в том, чтобы найти средства для нейтрализации западных стран на время решительной атаки против Советского Союза; это однако требовало прозорливости и проницательности равных тем, которыми обладал Меттерних) и освобождение России от коммунизма, однако этому лозунгу явно противоречило стремление к расширению захваченных территорий путём насильственного подавления населения, по отношению к которому немцы вели себя со всей спесивостью представителей высшей расы. Поэтому, если сначала русские с радостью встречали немцев как освободителей, то затем отношение к ним населения переменялось, когда вместо сепаратной свободы эмиссары национал-социалистической партии и бессовестные представители индустрии и торговли Рейха заняли место советских властей. Создавалось впечатление, что на смену одним угнетателям пришли другие. Первоначально сформированные из русских органы управления на оккупированных территориях были распущены, а патриоты-антикоммунисты даже подвергались преследованиям. Так, генерал Андрей Власов, создатель Русской освободительной армии подвергся аресту, прежде чем ему было позволено организовать антисоветскую армию, сражавшуюся наравне с немцами. Эта ошибочная политика привела к нарастанию безразличия и недоверчивости со стороны населения и питала партизанское движение, чем умело воспользовался Сталин, который, отказавшись от первоначальной коммунистической идеологии, провозгласил новый русский национализм под лозунгом «советского патриотизма», тем самым мобилизовав значительные моральные силы для продолжения войны, что, возможно, и оказало решающее влияние на её исход.

Всё это, безусловно, нанесло серьёзный ущерб проекту «Нового порядка». В конце предыдущей части мы указали на неоспоримые преимущества, которые имела бы победа сил Оси в мировом масштабе, но даже несмотря на это, мы вынуждены подвергнуть решительному осуждению систему, позволившую возобладать тенденциям указанного рода. Идеал европейского Нового Порядка мог быть реализован лишь при условии органичного, сплочённого взаимодействия государств и цивилизаций, за которыми признавалось бы право на сохранение собственной личности и независимости. Именно во имя этого добровольцы разных стран пополняли ряды эсэсовских дивизий, переросших в настоящую «европейскую армию», для борьбы на восточном фронте; они боролись против коммунизма и за новую Европу, а не за экспансионист-

ский пангерманизм. Гитлеровская одержимость воспрепятствовала их возможному развитию в положительном направлении, поспособствовать которому в надлежащий момент могли бы представители иных тенденций, сохранявшие сильные позиции.

В заключение скажем несколько слов о нелегальной внутренней оппозиции в Третьем Рейхе. Как мы уже говорили, глупо думать, что исключительно благодаря режиму террора и насилия Германия достигла своей сплочённости (многократно доказанной на деле) и сумела восстановить на мировой политической арене прежний статус, утраченный после поражения в первой мировой войне и создания Веймарской республики. Успехи в области национального возрождения и внешней политики являлись козырной картой Гитлера, поэтому любое выступление против национал-социализма, однозначно оценивалось как занятие антинемецкой позиции. Лишь сознательно искажая факты, можно утверждать, что в Германии или Италии массы того времени не разделяли воззрений своих вождей. Напротив, они целиком, почти безоговорочно и зачастую фанатично поддерживали их, хотя, как мы говорили, опора на популизм и «мифологию», а не на авторитет высшей традиции, привели к тому, что эта поддержка растаяла, как снег под солнцем в критический момент; что и произошло в обеих странах после 1945 г.

Помимо правых, которые, начиная с представителей рейхсвера, несмотря на союз с национал-социалистами, сохраняли определённую сдержанность и дистанцию по отношению к последним, а также интеллектуалов, стоявших на позициях «консервативной революции» и вышедших из игры, никакой реальной внутренней оппозиции в Третьем Рейхе с нашей точки зрения не существовало. Поэтому мы не будем рассматривать здесь немногочисленные заговоры, включая покушение 20 июля 1944 г., нацеленные на физическое устранение Гитлера, поскольку их практической задачей было уберечь Германию от худшего будущего, учитывая, что война была уже практически проиграна. Как правило, их зачинщики рассчитывали на то, что без Гитлера, при новом ненацистском режиме можно будет вести переговоры с союзниками на более благоприятных обстоятельствах. Однако в этом они сильно заблуждались (достаточно вспомнить условия мира, выдвинутые Италией, после низложения Муссолини руками его бывших соратников, движимых аналогичными соображениями). Поэтому мы не разделяем мнения (поддерживаемого, например, прусским историком Гансом Иохимом Шепсом), согласно которому, удачное покушение было бы равнозначно пробуждению пруссачества; ведь представителей пруссачества хватало и в противоположном лагере.

Впрочем, существовали интеллектуальные круги «сопротивления», например, пресловутая группа Крейсау, в которой состоял в частности фон Мольтке, племянник фельдмаршала, настолько одурманенный спиритуализмом, что он стал последователем Christian Science; в неё входили также представители марксистов, рабочих профсоюзов и «христианских социалистов». В случае удачного покушения, канцлером нового правительства должен был стать не Карл Гёрделер, придерживающийся правых монархических взглядов, а Юлиус Лебер, бывший депутат социалистической партии; ему вместе с Адольфом Рейхвейном было поручено наладить контакты с коммунистическим подпольем в Берлине; эту идею активно поддерживал также фон Штауффенберг, основной исполнитель покушения. В общем, это оппозиционное движение было идеологически ошибочным, разномастным и несостоятельным. Оно было лишено единства, высшего узаконения. Нет никакого сомнения, что от подобного рода оппозиции не стоило ждать никаких положительных перемен в Третьем Рейхе, в смысле преодоления отрицательных сторон национал-социалистического режима и его дальнейшего развития в более аутентичном направлении в соответствии с идеями, разработанными вышеупомянутыми кругами задолго до появления гитлеризма.

На этом можно завершить наш краткий обзор вчерашней Германии. Сам характер материала требовал от нас уделить в нём больше внимания документально-исторической части, нежели при исследовании фашизма. Поэтому, несмотря на вы-

сказанные нами суждения относительно отдельных аспектов, основная работа по оценке национал-социализма в целом ложится на плечи читателя. Нашей же целью было показать разнообразие и даже разнородность тенденций, существовавших в этом движении (что, возможно, отличает наше исследование от большинства работ на эту тему). Если, с одной стороны, нельзя отрицать разрушительного влияния гитлеризма на многие из прежних немецких традиций, то с другой, необходимо признать, что он неизменно возвращался к ним и немало сохранил, стремясь приспособить их к новым условиям. Следовательно, глупо отвергать те или иные принципы лишь на том основании, что они были взяты на вооружение Третьим Рейхом, причём нередко в искажённом виде.

Однако именно так поступила послевоенная Германия, не говоря уж о зарубежных антифашистских и левых кругах. Благодаря демократической промывке мозгов, организованной поначалу оккупационными войсками, а позднее тупо продолженной и даже усовершенствованной самими немцами, новая Германия (ФРГ, о ГДР даже не стоит говорить) пренебрегла принципом, заложенным в одной немецкой поговорке, гласящей, что не стоит «выплескивать ребёнка вместе с грязной водой».

Похоже, она не в состоянии представить себе «третий путь», путь правых, далекий как от национал-социалистического тоталитаризма, так и от демократии с марксизмом: третий путь, который позволил бы использовать идеи предшествующего периода в их первоначальной чистоте без последующих исторических наслоений. Если бы современная Германия не поспешила столь безоговорочно осудить весь предшествующий период (куда более жестко, чем был осуждён в Италии фашизм), доказавшись до полного пересмотра всей своей истории (под лозунгом «Преодоления прошлого»), равнозначного полному её отрицанию, то возможно ей удалось бы не только достичь экономического возрождения и материального процветания, но и внести ценный идейный вклад в дело образования нового европейского единства. Сегодня же с идеологической и мировоззренческой точки зрения Германия представляет собой полный ноль, что особенно сильно сказывается на молодом поколении.

Юлиус Эвола, воин Традиции

Если и приходится упоминать какие-то автобиографические моменты, я предпочел бы свести их к необходимому минимуму.
Ю. Эвола

Барон Юлиус (Джулио Чезаре Андреа) Эвола родился в Риме 19 мая 1898 г. в аристократической семье, имеющей далекие испанские корни (родители Франческо и Кончетта Франджипане).

О его детстве и юности известно сравнительно немного, что, впрочем, не удивительно, поскольку сам Эвола отрицал какое-либо влияние внешних факторов на свое творчество, считая себя скорее проводником определенных идей, нежели литератором или философом в современном понимании. Он говорил, что его жизнь предопределили две внутренние склонности, проявившиеся в нем с самых ранних лет, а именно: тяга к трансцендентному и предрасположенность к кшатрийскому образу действия. В своей автобиографической книге **«Путь киновари»** он писал: *«Вполне очевидно наличие определенной противоположности этих двух склонностей. Если тяга к трансцендентности порождает чувство отрешенности от реальности..., то кшатрийская позиция влекла меня к действию, свободному утверждению, сосредоточенному на Я. Возможно, примирение этих двух стремлений стало главной экзистенциальной задачей всей моей жизни... В идейном плане их синтез лег в основу особой формулировки, данной мною в последний период моей деятельности понятию «традиционализм» в противоположность его более интеллектуалистскому и провосточному пониманию, присущему течению, возглавляемому Рене Геноном».*

На первых порах эта раздвоенность проявилась в увлечении, с одной стороны, точными науками - он поступил на инженерный факультет Римского университета (который успешно закончил, но отказался от получения диплома, питая презрение ко всем академическим званиям; объясняя причину отказа, он цитировал слова одного своего знакомого: *«Я делю мир на две категории: знать и люди, имеющие диплом»*), с другой - искусством (писать картины он начал в 1915 г., стихи - в 1916). Поначалу он был близок футуристам: дружил с Маринетти, Балла, Прамполини и Деперо, но уже тогда разрабатывал свой стиль, который определял тогда как «сенсорный идеализм». В апреле 1919 г. он принял участие в Футуристической национальной выставке, организованной Маринетти, в 1920 г. в Женевской Международной выставке современного искусства. Но уже тогда выявились определенные различия во взглядах как на искусство, так и на политику. Окончательный разрыв произошел к началу

Первой мировой войны, когда футуристы заняли активную антигерманскую позицию, в то время как Эвола уже тогда предчувствовал, что за внешними причинами этой войны скрывалось первое наступление демократических идеологий против иерархических ценностей. Несмотря на это, закончив курсы по подготовке артиллерийских офицеров, он отправился на фронт. Его позиция располагалась в горах и, возможно, именно оттуда он вынес свое увлечение горами и альпинизмом как особым мистическим опытом.

После войны Эвола возвращается к искусству, но на этот раз сближается с дадаистами, к которым его привлек *«радикальный импульс к абсолютному освобождению... не только в области искусства, но прежде всего в мировоззренческой сфере»*, как он сформулировал это в письме к Тристану Тцаре от 5 января 1920 г. В это время он определяет свой стиль как «мистический абстракционизм». К этому периоду

относятся две его персональные выставки (январь 1920 г. в Риме и январь 1921 г. в Берлине) и публикация его первой книга *«Абстрактное Искусство»*, в которую были включены отдельные поэтические и художественные произведения, а также давалось теоретическое обоснование абстрактного искусства и, в частности, дадаизма.

В том же 1920 г. вместе с поэтами Фиоцци и Кантарелли он основывает журнал *Vleu*, выходящий в течение года (3 номера), сотрудничает с *Cronache d'attualita* (*«Хроники современности»*) под руководством Брагалли и с журналом *Noi* (*«Мы»*), издаваемым Прампolini. В июне 1921 г. участвует в Салоне Дада в Париже.

К этому же «артистическому» периоду (с 1916 по 1921 гг.) относятся несколько стихотворений (изданных в 1969 г. в Милане под названием *Raâga Blanda*), поэма на французском *«Темные слова внутреннего пейзажа»* (изданная в 1920 г. тиражом 99 экз.), несколько статей и множество картин (некоторые его работы привлекли внимание Сергея Дягилева и были использованы как декорации к балету Дебюсси).

Эвола никогда не отказывался ни от чего созданного в молодости, хотя и считал, что автор тех юношеских произведений был давно уже мертв. К поэзии он уже не возвращался, но восстановил заново некоторые из своих ранее проданных полотен, одно из которых (*«Внутренний пейзаж, 10 ч. 30 мин.»*) сегодня находится в Национальной галерее современного искусства в Риме. Другие его работы хранятся в различных музеях и частных коллекциях.

Однако, несмотря на достигнутое признание в качестве художника, послевоенные годы стали для него временем тяжелого кризиса. В *«Пути киновари»* он пишет: *«по мере моего развития во мне обострились нетерпимость к обыденности послевоенной жизни, чувство несостоятельности и тщетности целей, которыми обычно движима человеческая деятельность. Во мне нарастала еще неопределенная, но постоянно усиливающаяся тяга к трансцендентному»*. Это смутное беспокойство и недовольство подталкивает его к употреблению наркотиков, которые, как ему казалось тогда, помогли бы преодолеть ограниченность обычного восприятия реальности, выйти за пределы физических чувств. Но вместо расширения реальности он решает покончить с жизнью.

К счастью, в руки ему попадает один буддийский текст, где он читает следующие слова Будды: *«Кто принимает угасание как угасание, и приняв его как таковое, тревожится об угасании, думает об угасании «это мое угасание» и радуется угасанию, тот, говорю я, не ведает угасания»*. Позднее Эвола вспоминал: *«Это было для меня как внезапный свет, в этот момент во мне что-то изменилось и возникла твердая уверенность в способности противостоять любому кризису»*.

Этот опыт знаменовал собой новый период его жизни - «философский» (именно тогда он меняет свое имя на *Юлиус*). Он увлекается восточными учениями, издает Лао-Цзы со своими комментариями под названием *«Книга Пути и Добродетели»* (1923 г.), а позднее пишет посвященную тантризму книгу *«Человек как воля»* (1926 г.).

Впрочем, интерес к философии не оставлял его никогда. Еще на фронте в 1917 г. он начинает писать свою книгу *«Теория и феноменология абсолютного индивидуума»* и завершает ее в 1924 г.; первая часть книги (*«Теория...»*) выходит в 1927 г., а вторая (*«Феноменология...»*) - в 1930. Основной темой Эволы становится преодоление раздвоенности «я - не-я», выход за рамки узко рационального уровня и прорыв к сакральному, но уже не за счет сомнительных экспериментов с наркотиками, чаще продиктованных собственным бессилием, но в результате строгой дисциплины ума. Если **Я** полагается абсолютным идеализмом как активный принцип реальности, то критерием истины становится воля. Необходимо дать эмпирическому **Я** средства для становления абсолютным индивидом, что, однако, достигается не через внутреннюю необходимость, как у Гегеля, а через акт абсолютной свободы.

Наряду с этим Эвола начинает посещать различные круги «спиритуалистической» направленности, знакомится с последователями Джулиана Креммерца, антропософами и теософами. Одновременно берет свое и молодость. Хотя сам Эвола избегал разговоров о своей личной жизни, дотошные биографы умудрились отыскать свидетельства его юношеских увлечений в романе писательницы Сибиллы Алерамо «*Люблю, а значит существую*».

В эти годы разворачивается и активная публицистическая деятельность Эволы: с 1924 г. он сотрудничает с журналами *Atanor* и *Ignis*, под руководством Артура Регини - признанного главы итальянского пифагорейства - занимаясь темами, преимущественно связанными с востоковедением и спиритуализмом. Он знакомится также с герцогом Джованни Колонна ди Чезаре, главой демократическо-социальной партии, и пишет для его издания свою первую политическую статью «*Государство, власть, свобода*». Естественно ничего хорошего по поводу демократии Эвола сказать не мог и статья получилась разгромной, на что его друг философски заметил, что именно в этом и состоит привилегия «демократической свободы».

С 1923 г. Эвола печатается и в журнале неоспиритуалистического направления *Ultra*, возглавляемом Д. Кальвари, главой римской независимой теософической ассоциации. В конце того же года он начинает публиковать свои статьи в *L'idealismo realistico* («*Реалистический идеализм*»), где вступает в полемику с Рене Геноном по поводу его работы «*Человек и его становление согласно Веданте*», которую Эвола оценил отрицательно, упрекнув Генона в излишне рациональном подходе.

В 1925 г. выходят «*Очерки о магическом реализме*» и уже упомянутая книга «*Человек как воля*», которые в некотором роде знаменуют его окончательный отход от «спекулятивной философии». Эвола переходит к последовательному изложению традиционных учений и их преломления в конкретных областях истории и политики. Уже в последней книге он намечает вопросы, которые будет более подробно развивать в своих дальнейших трудах: критика современного научного познания, утилитарно-демократического идеала, ведущего человека к отчуждению, потере собственного внутреннего центра. Он видит в тантризме героический тип, нацеленный на пробуждение воли, преодолевающей оппозицию добра-зла, добродетели-вины. Для него это учение является одной из форм утверждения аристократической морали, «*человека, имеющего в себе свой собственный закон*».

К концу 1926 г. развитие этих идей приводит к созданию «Группы Ур», интеллектуального объединения, занимающегося исследованием эзотерических и инициатических учений. Как объяснял Эвола: «Слово «ур» взято от древнего корня слова «огонь», а также имеет дополнительный оттенок в смысле «первозданного», «изначального»». Задачей группы стало изучение эзотерических и инициатических традиций с особым упором на практический, опытный аспект. С 1927 по 1929 гг. под руководством Эволы выходит серия ежемесячных монографических изданий, сначала под названием «Ур», а позже «Крур», которые в конце каждого года объединялись в сборник, выходящий тиражом 50 экземпляров, а позднее вошли в состав трехтомника «*Введение в магию как науку о Я*» (1955-56 гг.). Одним из требований, предъявляемых к авторам издания, была анонимность. К концу второго года в группе произошел раскол, который Эвола приписывал отчасти влиянию масонов, отчасти неприязни к нему со стороны отдельных деятелей фашистского режима, некоторые из которых даже пытались убедить Муссолини, что члены группы занимаются черномagическими операциями, направленными на устранение Дуче.

В 1928 г. Эвола начинает сотрудничать с журналом *Criticafascista* («*Фашистская критика*»), возглавляемом Дж. Боттаи (с которым они познакомились во время войны), в основном посвящая свои публикации проблемам фашистской этики и отношениям между фашизмом и христианством. Свойственное в то время сугубо отрицательное отношение Эволы к христианству, естественно, вызвало недовольство среди многих фашистских иерархов, стремящихся к сотрудничеству с церковью. Развернувшаяся

полемика подтолкнула Эвола к написанию *«Языческого империализма»* (1928), где он категорически отвергал христианство как несовместимое с имперской идеей (в 1933 г. эта книга вышла в немецком переводе значительно пересмотренной). Позднее его отношение к католицизму значительно смягчилось, и он скептически оценивал эту работу, не желая ее переиздания.

Приблизительно в то же время Эвола ведет активную переписку с Дж. Джентиле (1927-1929) и Бенедетто Кроче (1925-1933). С первым он сотрудничает в издании Энциклопедии Треккани, для которой пишет статьи о герметизме, со вторым его сближает интерес к философии.

В 1930 г. Эвола с несколькими друзьями (среди которых, например, Эмилио Сервадио, отец итальянского психоанализа) приступает к изданию журнала *«Башня»* с подзаголовком «издание различных мнений и единой традиции». В статье, опубликованной в первом номере, Эвола заявлял, что журнал намерен *«отстаивать принципы, которые для нас остаются неизменными независимо от того, находим ли мы их в фашистском строе или в коммунистическом, анархическом или демократическом. Сами по себе эти принципы превосходят политический уровень, однако применительно к нему требуют качественного различия, то есть утверждения идей иерархии, авторитета и империи в самом широком смысле»*. Для того времени издание выглядело довольно необычно, допуская порой исключительное свободомыслие. Так, например, когда кто-то заметил, что утверждаемые им положения не принадлежат Муссолини, последовал ответ: *«Тем хуже для Муссолини»*. Всего до 15 июня 1930г. вышло 10 номеров журнала, после чего издание было приостановлено. Для официального его закрытия повода не было, поэтому недоброжелателям пришлось действовать косвенным путем: всем типографиям было дано негласное распоряжение отказать печатать журнал.

Позднее Эвола писал: *«Это была еще одна попытка выйти на культурно-политический уровень. Отказавшись от излишне экстремистских и плохо продуманных тезисов «Языческого империализма», я обратился к идее «Традиции», мне хотелось понять, может ли эта идея оказать влияние т итальянские круги вне узких рамок специализированных исследований»*.

После этого Эвола на некоторое время уединился в горах, где полностью отдался альпинизму, которым он не прекращал заниматься с 20-х годов. А сразу по возвращении он публикует две новые книги: *«Герметическая традиция»* (1931), посвященная магическому, эзотерическому и символическому аспекту алхимии, и *«Личина и лик современного спиритуализма»* (1932) с критикой таких движений как спиритизм, теософия, антропософия, психоанализ и сатанизм, которые, по его мнению, вместо того чтобы возвысить человека над материализмом, увлекают его на еще более низкий уровень.

В 30-х годах, уже несколько пересмотрев свои взгляды на христианство, он предпринимает несколько попыток ознакомиться с католической традицией, некоторое время прожив инкогнито при монастырях различных Орденов старого уклада: картезианцев, кармелитов и бенедиктинцев. Этот опыт позволяет ему оценить изначальное христианство как «отчаянный и трагический путь к спасению»; но этот путь не для него.

После неудачи с изданием *«Башни»* Эвола начинает писать для официальных фашистских изданий: *La Vita Italiana («Итальянская жизнь»)* Джованни Прециози и *Il Regime Fascista («Фашистский строй»)*, руководимого Роберто Фариначчи, где со 2 февраля 1934 г. по 18 июля 1943 г. он ведет особую страницу под названием *«Философская диорама»*, посвященную изучению «проблем духа в фашистской этике», и привлекает к сотрудничеству многих итальянских и зарубежных авторов (от Копполы до Генона, от Фанелли до Поля Валери, от Тиглера до Шпанна и Бенна). Основ-

ной задачей является пропаганда аристократического, антибуржуазного и традиционного мировоззрения.

В 1934 г. выходит главный труд Эволы **«Восстание против современного мира»** (как сказал о нем известный немецкий поэт и критик Готфрид Бенн, «прочтя его, ощущаешь себя преображенным»), где автор восстанавливает «мир Традиции» и прослеживает генезис «современного мира». Его работа в целом была одобрена и Рене Геноном, который ознакомился с ней еще в черновом варианте. Книга разбита на две части: первая посвящена рассмотрению «категорий традиционного духа»: царственности, закона, государства, империи, обряда и инициации, патрициата и рыцарства, каст, пространства, времени, земли, отношений между мужчиной и женщиной, войны, аскезы и действия. Вторая часть содержит «толкование истории на традиционной основе с опорой на миф». Книга строится на противопоставлении мира Традиции и современного мира, где последний рассматривается как железный век, время кали-юги, когда порядок уступает хаосу, дух - материи, человек скатывается к животному, а миром правят золото и массы. Спустя три года выходит книга **«Таинство Грааля»**, посвященная «гибеллинской традиции Империи» и ее развитию в политических воззрениях различных исторических периодов .

В 1934 г. **«Языческий империализм»** выходит в Германии, после чего Эвола получает приглашение выступить в Берлине и Бремене. Позднее по приглашению Гимmlера он читает курс лекций для членов СС, сотрудничает с различными немецкими изданиями (*Der Ring, Europäische Revue, Geist der Zeit, Die Aktion - Kampfblatt für das Neue Europa*) и завязывает широкие контакты с представителями европейского правого движения: Келлером, де Лупе, Шпанном, Розенбергом, а также Кодряну и Элиаде (у первого он во время поездки в Румынию в 1938 г. берет интервью; со вторым его знакомит в Бухаресте учитель Элиаде, Ионеску). Он продолжает активное сотрудничество с различными итальянскими изданиями, такими как *Roma, Il Popolo d'Italia, La Stampa, Educazione fascista, Logos, La Difesa della razza, Rivista del Club alpino italiano* («Рим», «Народ Италии», «Печать», «Фашистское воспитание», «Логос», «Защита расы», «Журнал итальянского альпийского клуба») и т.д.

В это же время выходят его работы, посвященные расовому вопросу: **«Три аспекта еврейского вопроса»** (1936), **«Миф крови»** (1937); кроме того, по приглашению министра Боттаи он читает цикл лекций в миланском и флорентийском университетах. В продолжение темы выходят книги **«Указания по расовому воспитанию»** (1941) и **«Синтез расовой доктрины»** (1941) (последняя из которых попала в руки Муссолини, после чего тот пригласил Эволу к себе, чтобы высказать свое одобрение). Последний так рассказывает об этом эпизоде: *«Я не ожидал, что Муссолини захочет говорить со мной лично. Меня проводил к нему Паволини, который присутствовал при нашем разговоре. Муссолини сказал мне, что прочел мою работу... и видит в изложенных в ней идеях основу для придания формы «независимому и антиматериалистическому фашистскому расизму»*. Позднее эта работа была переведена на немецкий как отражающая официальную позицию итальянского фашизма по расовому вопросу.

Однако взгляды Эволы, который делал упор на «внутреннюю», «духовную расу», во многом расходились с узко биологическим толкованием расы, свойственным нацистам. Совместный проект по изданию немецко-итальянского издания **«Кровь и дух»** не получил развития. С одной стороны, ему опять воспротивились старые противники Эволы: на совместной встрече с Муссолини иезуит Такки-Вентури указывал, что взгляды, выдвинутые Эволой, могут привести к конфликту с Церковью (что и заставило Дуче отказаться от проекта), с другой стороны немцы, хотя и проявив немалый интерес к идеям Эволы, парадоксальным образом усмотрели в его работах «тождественность взглядов автора и римско-католической Церкви».

В 1940 г. после вступления Италии в войну Эвола обращается с просьбой об отправке добровольцем на восточный фронт, но ответ на его запрос приходит слишком

поздно. Сам он считал, что эта задержка была вызвана тем, что он не был членом фашистской партии.

После переворота против Муссолини 25 июля 1943 г. Эвола, поначалу не желавший покидать Италию, принимает приглашение немецкой стороны и в августе приезжает в Берлин. Он присутствует на встрече с Муссолини, освобожденным Скорцени, в штаб-квартире Гитлера, затем возвращается в Рим, но оккупация Италии союзниками заставляет его перебраться сначала на север Италии в новообразованную республику Сало, а затем в Вену, где он по просьбе СС занимается изучением реквизированных документов масонских организаций.

В том же 1943 г. выходит в свет *«Доктрина Пробуждения»* с подзаголовком *«Очерки о буддистской аскезе»*, позже переведенная на английский под патронажем «Общества Пали», известного буддийского центра. Как и в тантризме, Эволу привлекает *«аристократический характер буддизма, наличие в нем мужественной, воинской силы»*.

В апреле 1945 г. в Вене Эвола попадает под бомбардировку, что приводит к повреждению позвоночника и, как следствие, к частичному параличу нижних конечностей. В книге *«Путь киновари»* он писал: *«по правде говоря, это происшествие не было лишено связи с тем правилом, которому я всегда следовал: не уклоняться от опасности, но напротив, искать ее, бросая безмолвный вызов судьбе»*, а позднее в одной из бесед признавался, что во время бомбардировок, вместо того чтобы укрыться в убежище, он прогуливался по пустынным улицам Вены. Оказавшись в госпитале и придя в себя, он первым делом спросил: *«я надеюсь, с моим моноклем ничего не случилось?»*. Проведя два года в венском госпитале, в 1948 г. при посредничестве Международного Красного Креста он был переведен сначала в Болонью, а в 1951 г. вернулся в свою римскую квартиру, где и прожил до самой смерти.

В послевоенный период Эвола перерабатывает свои старые работы, в 1949 г. публикует новое издание *«Йоги воли»* (первое издание носило название *«Человек как воля»*), а также пишет новые книги, основной темой которых становится проблема образа жизни и мировоззрения в новом, послевоенном мире. В то же время его ранние произведения открывают для себя молодые итальянцы, принадлежащие к «поколению, не успевшему проиграть войну», которые находят в нем своего наставника. Именно для них Эвола пишет в 1950 г. небольшую работу под названием *«Ориентации»*, где кратко указывает основные направления возможного культурно-политического действия. В результате в октябре 1951 г. он оказывается втянутым в судебный процесс над группой FAR (*«Фасции революционного действия»*) и около месяца проводит в тюрьме как «активный вдохновитель» и «апологет фашизма». На суде Эвола выступил с речью в свою защиту: *«...приписывать мне фашистские идеи нелепо, ибо отстаиваемые мною принципы... принадлежат великой европейской политической традиции... и я готов отстаивать правые взгляды на доктрину государства. Вы вольны осудить эти взгляды, но в таком случае на скамье подсудимых должны оказаться вместе со мной Платон и Меттерних, Бисмарк и Данте и другие»*. Обвинение было снято.

В 1953 г. публикуется книга *«Люди и руины»*, где Эвола развивает положения, ранее изложенные в *«Ориентациях»*.

В вышедшей в 1958 г. книге *«Метафизика пола»* он обращается к вопросам пола, любви, взаимоотношений между мужчиной и женщиной, а в *«Оседлать тигра»* (1961) затрагивает проблему экзистенциальных ориентиров. Затем следуют очерк, посвященный идеям Юнгера *«Рабочий в мировоззрении Эрнста Юнгера»* (1960), биографическо-библиографическая книга *«Путь киновари»* (1963), работа, посвященная критическому анализу фашизма и национал-социализма *«Фашизм с точки зрения правых»* (1964), сборник эссе *«Лук и булава»* (1968) и дополненное переиз-

дание юношеской дадаистской поэзии *«Raâ ga Blanda»* (1969). Помимо этого Эвола продолжает свою журналистскую и переводческую деятельность, публикуясь в различных нонконформистских и оппозиционных изданиях: *Il Ghibellino*, *Vie della tradizione*, *Ordine nuovo*, *Il Borghese*, *La Torre*, *la Destra* (*organo dell'Istituto per il Media ed Estremo Oriente* («Гибеллин», «Пути Традиции», «Новый порядок», «Правое движение» и пр.), а также в более специализированных изданиях, таких как *East and West* («Восток и Запад»), издании института по изучению Среднего и Крайнего Востока и международном журнале *Antaios* («Антея»), возглавляемом Мирчей Элиаде и Эрнстом Юнгером.

Все эти годы, несмотря на свое физическое состояние, Эвола продолжает вести активный образ жизни. Его навещает множество посетителей, привлеченных его работами. Адриано Ромуальди так описывает Эволу в те годы: «Кто приходил к Эволе в надежде увидеть вдохновенного пророка, говорящего загадками, некоего «гуру», уходил разочарованным. Их встречал господин с волосами чуть тронутыми сединой, крепкого, несмотря на неподвижность, телосложения, утонченный и радушный в общении, с любознательным, умным, внимательным взором. Он выглядел скорее аристократом, чем святым, а несколько старомодная изысканность его манер вызвала в воображении фигуру философа и путешественника восемнадцатого века. Однако, приглядевшись, вы замечали, что его внимательность была признаком постоянной пробужденности, свойственной человеку с отменным самообладанием».

Эвола оставался «запретным» философом вплоть до 1968 г., когда прокатившаяся по всей Европе волна бурного протеста молодежи против «общества процветания и потребления» неожиданно как для издателей, так и для самого автора вызвала рост интереса к идеям Эволы. Для правой молодежи его имя становится тем же, что имя Маркузе для левых. С этого времени его работы начинают регулярно переиздаваться и пользуются все возрастающим спросом. Так появляются целые антологии его работ и сборники статей. В период с 1968 по 1974 (год его кончины) вышли три новые книги Эволы (помимо уже упомянутых, сборник статей *«Разведданные»* (1974 г.), множество переизданий, пять сборников, не считая множества интервью в газетах и на телевидении в Италии, Франции, Бельгии и Германии.

Однако тридцатилетняя неподвижность не могла не сказаться на его здоровье. В том же 1968 г. у него развивается острая сердечная недостаточность. В 1970 г. болезнь обостряется, начинается отек легких, вследствие чего он впадает в кому. Характерно, что выйдя из комы, он первым делом обратился к окружающим с вопросом: *«Как я себя вел?»* Из больницы, куда его отправил один из его старых друзей, он буквально вырывается силой, пригрозив персоналу обратиться в полицию с заявлением о похищении человека.

Несмотря на это, он не теряет бодрости духа, продолжает писать, дает многочисленные интервью, подшучивает над собой и над молодыми искателями тайного знания. Когда его спрашивают, куда следует обратиться для изучения эзотерических учений, он с иронией говорит: «Если речь идет о молоденьких девушках, вы можете найти их в моем доме».

Его состояние постоянно ухудшается, и он, прекрасно осознавая это, продолжает вести себя по-прежнему: каждый день, тщательно одетый, садится за письменный стол и работает. В конце мая 1974 г. он совсем ослабевает и понимает, что срок его земного пребывания близится к концу. Впрочем, он и сам считал свою миссию завершенной: *«Я все сказал. Достаточно суметь меня прочесть»*. Пьер Паскаль вспоминает о последних днях Эволы: «Я рассказал ему, что последним желанием Анри де Монтерлана было, чтобы его сожгли, а пепел рассеяли недалеко от форума, между растрами и Храмом Весты. Тогда он, простертый передо мной, с руками скрещенными на груди, тихо, почти неслышно проговорил: *«я хотел бы... я распорядился... чтобы мои останки захоронили высоко в горах»*.

Во вторник 11 июня 1974 г. ранним утром Эвола, предчувствуя приближение смерти, попросил усадить себя за рабочий стол напротив открытого окна, выходящего на Яникул. В 3 часа дня голова его поникла, он больше не двигался. Так и нашел его врач: сердечный удар,

В своем завещании, датированном «Рим, 30 января 1970 г.», Эвола пожелал, чтобы его тело было кремировано, он воспрещал всякие проводы на кладбище, выставление в церкви, присутствие католических священников, «извещение о похоронах» в газетах. Кремация состоялась вечером 10 июля на кладбище «XIX Secolo» в Сполето. По воле Эволы его прах был передан Эудженио Давиду, его товарищу по горным восхождениям в тридцатые годы; часть была захоронена в расщелине ледника на вершине Монте Роза, часть развеяна по ветру.

Виктория Ванюшкина

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).